

**Российская академия наук
Сибирское отделение
ГУМАНИТАРНЫЕ НАУКИ В СИБИРИ**

№ 3, 2011 г.

СОДЕРЖАНИЕ

АРХЕОЛОГИЯ И ЭТНОГРАФИЯ

<i>Кривошапкин А.И., Брантингхэм П.Д., Колобова К.А.</i> Значение качества каменного сырья при использовании формализованных стратегий расщепления в палеолите Северо-Восточной Азии	3
<i>Волков П.В., Жамбалтарова Е.Д.</i> Странный «погребальный инвентарь» из Фофановского могильника	7
<i>Лбова Л.В.</i> Формы знакового поведения в культурах раннего верхнего палеолита Сибири	11
<i>Гиенко Е.Г., Маточкин Е.П., Маточкин П.Е.</i> Солнце, Луна и тени от мегалитов на Тархатинском мегалитическом комплексе	15
<i>Ларичев В.Е.</i> «Недостающее звено» – мезолитическое время (к проблеме сохранения информационных традиций в культурах постпалеолитической эпохи Евразии). Часть II. Сложные по структуре источники	19
<i>Пивнева Е.А.</i> Из истории этнографического изучения манси	23
<i>Люцидарская А.А.</i> Толмачи в Сибири. Период начала колонизации территории	27
<i>Фурсова Е.Ф., Афанасьева Ю.Ю.</i> Пояса русских крестьян Сибири конца XIX – начала XX в.: типология и этнокультурная характеристика	31
<i>Бадмаев А.А.</i> Система питания предбайкальских бурят первой половины XIX в.	35
<i>Прокотьева П.Е.</i> О летнем празднике лесных юкагиров	39
<i>Тюхтенева С.П.</i> Теленгиты Республики Алтай между двумя переписями населения	43

КНИЖНАЯ КУЛЬТУРА

<i>Журова Л.И.</i> Авторские своды в русской публицистике XVI в. (постановка проблемы)	46
<i>Панич Т.В.</i> Житие патриарха Иоакима: особенности композиции (к вопросу о специфике агиографического жанра в XVII в.)	50
<i>Демидова Л.Д.</i> Окружное послание митрополита Фотия в составе «Христианоопасного щита веры...» инока Авраамия	54
<i>Гурьянова Н.С.</i> О восприятии старообрядцем эсхатологических построений предшественника	58
<i>Шитилов И.А.</i> Научная основа картографических материалов геодезистов – участников экспедиций в Сибирь в первой половине XVIII в.	62
<i>Комлева Е.В.</i> Рукописная коллекция красноярских купцов Ларионовых как источник по истории сибирского купечества конца XVIII–XIX вв.	66
<i>Першина М.В.</i> О методах сбора информации Симеоном Гавриловым для Родословия 1896 г.	70
<i>Волкова Т.Ф.</i> Исторические и эсхатологические представления печорских старообрядцев (на материале устных рассказов усть-цилемских крестьян)	74
<i>Журавель О.Д.</i> О некоторых принципах работы старообрядческого агиографа в XX в.	78
<i>Трояк И.С.</i> Польская историческая россика первой половины XIX в.	82
<i>Недзелик Т.Г.</i> Конфессиональная константа в системе жизнесохранительного поведения поляков в Сибири: взгляд с позиции польских мемуаристов	85
<i>Савенко Е.Н.</i> Автор предпочел остаться неизвестным	89
<i>Вихрева Г.М.</i> Социальная позиция российской библиотеки в контексте постнеклассической рациональности	93
<i>Артемова Е.Б.</i> История библиотек Сибири и Дальнего Востока через призму культурологических и регионоведческих исследований	95

СООБЩЕНИЯ

<i>Прокотьева И.В.</i> Использование С.М. Соловьевым эпистолярных источников при характеристике эпохи Просвещения в «Истории России с древнейших времен»	100
<i>Савинова Т.Н.</i> Круг чтения жителей Оренбургской губернии в конце XIX – начале XX в.	103
<i>Лизунова И.В.</i> Российское телевидение в начале XXI в.: организационная структура и технологии вещания	107
<i>Ермакова Е.Е.</i> Почитание ключа вблизи села Рябово Викуловского района Тюменской области	111
<i>Перевалова Е.В.</i> VII Российский фестиваль антропологических фильмов. III Международный форум «Многоязычная Россия: этнология и киноантропология»	113
<i>Шелегина О.Н.</i> Жигунова М.А., Захарова И.В. Культура восточных славян в коллекциях Музея археологии и этнографии Омского государственного университета имени Ф.М. Достоевского / отв. ред. Н.А. Томилов, Г.М. Патрушева. – Омск: Изд. дом «Наука», 2009. – 266 с.; ил. – (Серия: Культура народов мира в этнографических собраниях российских музеев)	114
<i>Нимаев Д.Д.</i> Памяти наставника	116

**ВСЕРОССИЙСКИЙ НАУЧНЫЙ ЖУРНАЛ
«ГУМАНИТАРНЫЕ НАУКИ В СИБИРИ»**

Издается с января 1994 г.
Выходит четыре раза в год

У ч р е д и т е л и: **Сибирское отделение РАН;
Институт истории СО РАН**

РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ

Чл.-кор. РАН *В.А. Ламин* (председатель совета, Новосибирск), академик РАН *В.В. Алексеев* (Екатеринбург), чл.-кор. РАН *Б.В. Базаров* (Улан-Удэ), доктор *Ч. Дашидаваа* (Улан-Батор, Монголия), д-р ист. наук *Н.И. Дроздов* (Красноярск), д-р ист. наук *В.П. Зиновьев* (Томск), д-р ист. наук *В.А. Ильиных* (Новосибирск), д-р ист. наук *О.Н. Катионов* (Новосибирск), д-р ист. наук *Ю.Ф. Кирюшин* (Барнаул), академик РАН *В.И. Молодин* (Новосибирск), академик РАН *Н.Н. Покровский* (Новосибирск), чл.-кор. РАН *Е.К. Ромодановская* (Новосибирск), д-р ист. наук *Н.А. Томилов* (Омск), доктор *Е.Б. Сыдыков* (г. Семей, Республика Казахстан), д-р ист. наук *М.В. Шиловский* (Новосибирск), д-р ист. наук *В.И. Шишкин*, д-р ист. наук *А.Х. Элерт* (Новосибирск)

РЕДКОЛЛЕГИЯ

Главный редактор д-р ист. наук *В.А. Ильиных*
Ответственный секретарь канд. ист. наук *С.Н. Андреенков*

Канд. ист. наук *Д.А. Ананьев*, д-р ист. наук *С.С. Букин*, д-р ист. наук *Н.С. Гурьянова* (зам. гл. редактора), д-р ист. наук *В.А. Зверев*, д-р ист. наук *В.И. Исаев*, д-р ист. наук *В.А. Исупов*, д-р ист. наук *С.А. Красильников*, д-р ист. наук *Л.В. Курас*, д-р ист. наук *В.Е. Ларичев*, д-р ист. наук *С.Н. Лютов*, д-р ист. наук *Н.П. Матханова*, д-р ист. наук *С.П. Нестеров*, д-р ист. наук *А.Л. Посадсков*, канд. ист. наук *В.М. Рышков* (зам. гл. редактора), канд. ист. наук *О.Н. Шелегина*

А д р е с р е д а к ц и и: 630090 Новосибирск, ул. Николаева, 8,
Институт истории СО РАН, к. 301, тел. 330–24–31.
<http://www.sibran.ru>
sektoragro@gmail.com
Зав. редакцией *Смирнова Вера Ивановна*

Журнал зарегистрирован в Министерстве печати и информации РФ 17.06.93 г. № 0110807

Редактор *В.И. Смирнова*
Компьютерная верстка и макет *С.Ю. Бадалян*

Подписано к печати 00.00.11. Формат 60×84 1/8. Офсетная печать.
Усл. печ. л. 14,5. Уч.-изд. л. 14,0. Тираж 500 экз. Заказ № 318.

Издательство СО РАН, 630090 Новосибирск, Морской проспект, 2

АРХЕОЛОГИЯ И ЭТНОГРАФИЯ

УДК 903.01

А.И. КРИВОШАПКИН¹, П.Д. БРАНТИНГХЭМ², К.А. КОЛОБОВА³

ЗНАЧЕНИЕ КАЧЕСТВА КАМЕННОГО СЫРЬЯ ПРИ ИСПОЛЬЗОВАНИИ ФОРМАЛИЗОВАННЫХ СТРАТЕГИЙ РАСЩЕПЛЕНИЯ В ПАЛЕОЛИТЕ СЕВЕРО-ВОСТОЧНОЙ АЗИИ

¹ Институт археологии и этнографии СО РАН,
г. Новосибирск
e-mail: shapkin@archaeology.nsc.ru

² Department of Anthropology, UCLA, Los Angeles, USA
e-mail: branting@ucla.edu

³ Институт археологии и этнографии СО РАН,
г. Новосибирск
e-mail: kolobova@archaeology.nsc.ru

В статье приводятся данные, полученные из стратифицированной палеолитической пещерной стоянки Цаган Агуй (Монголия). Изучение каменных артефактов данного памятника свидетельствует о том, что позднплейстоценовые гоминиды в определенных районах Северо-Восточной Азии устойчиво использовали хорошо продуманные технологии подготовки формализованных нуклеусов, хотя качество доступного им сырья было низким. Таким образом, инновации в технологии расщепления камня, отмеченные в Цаган Агуй, показывают, что плохое качество само по себе не может объяснять почти полное отсутствие технологий «подготовленных» нуклеусов в Восточной Азии.

Ключевые слова: палеолит, технологии расщепления камня, Северо-Восточная Азия, каменное сырье.

Несмотря на то, что Сибирь и Монголия граничат с Северным Китаем, палеолитические индустрии данных регионов демонстрируют значительные различия в технологии расщепления камня. В то время как в Монголии и Сибири систематически использовались сложные технологии подготовки и утилизации нуклеусов, такие как леваллуазские, призматические, клиновидные и т. д. [1–3], в Северном Китае доминировали технологии бессистемных нуклеусов [4; 5]. Очевидная технологическая и типологическая «простота» северокайтайского палеолита объясняется множеством факторов, среди которых в последнее время наибольшее внимание уделяется роли качества и количества доступного для производства орудий каменного сырья. Каменное сырье в Северном Китае имеется в большом количестве, однако, качество его преимущественно низкое, что затрудняло применение сложных технологий подготовки нуклеусов. Поэтому многими исследователями считается, что плейстоценовые гоминиды были вынуждены применять более простые технологии, требовавшие меньших усилий при производстве орудий, либо использовать другое исходное сырье (например, бамбук).

Как качество исходного материала, так и его количество накладывают ограничения на облик и состав мобильных орудийных наборов, хотя и различным образом [6; 7]. Варьирование количества доступного исходного сырья действует на облик и состав каменной индустрии преимущественно как функция энергетического ограничения. Ориентация технологии на долговечность и надежность орудий ведет к уменьшению затрат на энергоемкие стратегии обеспечения сырьем из удаленных источников. Таким образом, формализованная морфология нуклеуса или определенная морфология орудий могли быть технологическим ответом на малое количество исходного материала. И, наоборот, на стоянках, где количество исходного сырья не ограничено, ориентация технологии на уменьшение отходов производства не является типичной. Можно ожидать, что многие орудия будут «одноразовыми», а попытки продления их жизни могут предприниматься в очень редких случаях. В то же время обильные запасы сырья обеспечивают и определенную степень гибкости технологий расщепления камня, позволяющую создавать формализованные типы нуклеусов и орудий, если в этом возникает необходимость.

Подобная гибкость взаимоотношений не предполагается для зависимости технологического облика индустрии от качества исходного материала. Теоретически, если не учитывать количество сырья, то его низкое качество обязательно должно приводить к применению неформализованных технологий. Возможность применения формализованных технологий жестко ограничивается качеством исходного материала, поскольку при низкокачественном сырье процесс расщепления непредсказуем, что приводит к значительным непоправимым ошибкам в ходе редукции. Даже на тех стоянках, где ограниченное количество сырья должно было стимулировать применение формализованного технологического дизайна, низкое качество камня рассматривается как более весомый фактор, накладывающий значительные ограничения на использование сложных технологий.

В настоящей статье приводятся данные, полученные из стратифицированной палеолитической пещерной стоянки Цаган Агуй, расположенной в северной части пустыни Гоби (Монголия). Изучение каменных артефактов данного памятника свидетельствует о том, что азиатские позднелептостеновые гоминиды устойчиво использовали сложные технологии подготовки формализованных нуклеусов, хотя качество доступного им сырья было низким.

Пещера Цаган Агуй расположена в Баян-Хонгорском аймаке Республики Монголия (44°42'43,3" с. ш., 101°10'13,4" в. д.). Первоначальные раскопки пещеры проводились Советско-монгольской археологической экспедицией в 1987–1989 гг. [2]. В 1995–2000 гг. исследования были продолжены совместной Российско-монголо-американской археологической экспедицией [8; 9].

Каменное сырье, использовавшееся для производства орудий палеолитическими обитателями пещеры, в изобилии встречается в 50 м выше пещеры в виде небольших угловатых блоков. Материал представляет собой слоистый кремнь низкого качества, сформировавшийся в процессе диагенеза известняковой формации, включающей пещеру. В породе многочисленны пустоты и крупные вторичные включения. В целом низкое качество камня приводило к плохо регулируемому расщеплению. Получавшиеся сколы имели угловатые очертания и массивное сечение. Как сколы, так и нуклеусы зачастую демонстрируют разного рода технические ошибки («заныривания», «отражения» и т. д.). Однако в случаях, когда прожилки и включения отсутствовали, расщепление было более предсказуемо и управляемо.

Большинство нуклеусов из Нижнего грота является неформализованными изделиями. Скалывание заготовок производилось бессистемно во многих направлениях и с различной интенсивностью как в силу неправильных угловатых очертаний первоначальной заготовки-желвака, так и для того, чтобы обойти значительные включения в исходной породе. Отсутствие предварительной подготовки и формализации нуклеусов в данном случае можно интерпретировать как «путь наименьшего сопротивления», или минимальное вложение усилий в заготовки, которые вряд ли могли быть высокопродуктивными.

Значительно меньшее количество нуклеусов подвергалось более систематической подготовке. Необходимо учитывать, что применение редукционных стратегий, представленных этими нуклеусами, также вызвано плохим качеством сырья. Для оформления рабочих плоскостей формализованных нуклеусов в Цаган Агуй использовались вентральные поверхности или массивные латеральные и/или дистальные части крупных сколов. Некоторые из подготовленных нуклеусов напоминают леваллуазские, но технология их оформления имеет свою специфику. Было выделено две основные категории нуклеусов – с широким фронтом скалывания и с узким фронтом (торцовые).

Рабочие плоскости подготовленных нуклеусов с широким фронтом расщепления оформлялись на вентральных поверхностях крупных сколов (рис. 1, 1). Данная категория изделий может быть подразделена на одноплощадочные нуклеусы (рис. 1, 2) и на одноплощадочные нуклеусы с подправленной дистальной частью (рис. 1, 3). В обоих случаях производство было нацелено на получение конвергентных снятий. Обе формы нуклеусов, как правило, имеют фасетированные ударные площадки и умеренно подправленные латерали. В системе и степени подготовки таких нуклеусов можно усмотреть параллели с классическими леваллуазскими нуклеусами для острий. В равной степени они напоминают и нуклеусы на отщепках типа «комбева», характерные для некоторых ашельских индустрий Африки и Западной Азии. Этапы операционной последовательности для нуклеусов с широким фронтом скалывания могут быть реконструированы следующим образом: 1) производство крупного одиночного скола-заготовки (как правило, длиной более 10 см) с желваков, имеющих в изобилии на выходах материала; 2) подготовка ударной площадки; 3) подправка латералей (от вентрала к дорсалу заготовки); 4) тронкирование дистального окончания заготовки и, иногда, подправка вентральной поверхности заготовки в дистальной части; 5) последовательные снятия конвергентных сколов с плоскости расщепления (бывшей вентральной поверхности скола-заготовки).

Учитывая характер первоначальной заготовки (т. е. размер и морфологию), для достижения необходимой геометрии нуклеуса необязательным было применение всех операционных этапов. Например, скол-заготовка с плавной сильно выпуклой вентральной поверхностью мог и не требовать дополнительной подправки фронта перед расщеплением, поскольку уже обладал достаточными латеральной и вентральной выпуклостями, соответствовавшими необходимым характеристикам объемно организованной плоскости расщепления.

Подобно нуклеусам с широким фронтом, торцовые ядрища зачастую подготавливались на отщепках, но для оформления фронта скалывания и параллельного производства как укороченных, так и удлиненных сколов использовались латеральные и/или дистальные части (иногда и остаточная ударная площадка) скола-заготовки (рис. 1, 4). Торцовое расщепление начиналось, как правило, «резцевидным» снятием, которое могло проводиться как с остаточной ударной

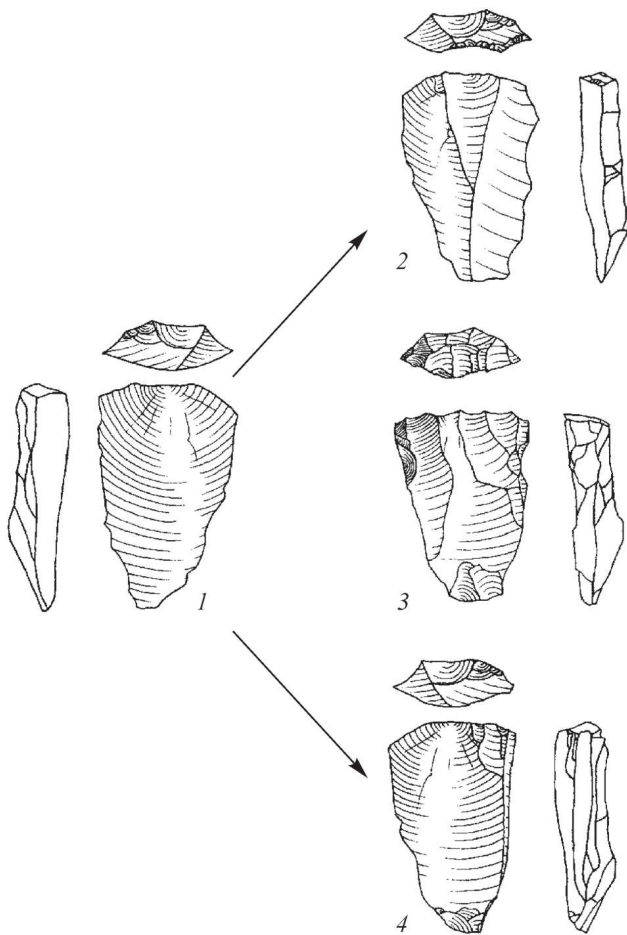

Рис. 1. Схематическая иллюстрация оформления формализованных нуклеусов, применявшихся в палеолитических комплексах пещеры Цаган Агуй:

1 – крупный скол-заготовка; 2 – одноплощадочный конвергентный нуклеус с широким фронтом скалывания, организованным на выпуклой вентральной поверхности скола; 3 – одноплощадочный нуклеус на сколе с широким фронтом скалывания, имеющим подправку дистальной части; 4 – нуклеус с узким фронтом скалывания (торцовый), оформленным на массивной латерали скола.

площадки, так и с любой другой точки, расположенной вдоль массивного латерального или дистального краев скола-заготовки. В большинстве случаев торцовое расщепление проводилось с двух противоположащих ударных площадок.

В целом подготовка формализованных нуклеусов проводилась комплексно и была нацелена на подчеркивание «желаемых» характеристик, уже присущих сколу-заготовке. Таким образом, редукционные стратегии торцовых нуклеусов и ядрищ с широким фронтом, хотя и являются более продуманными (планируемыми) по сравнению с ситуационными нуклеусами, также демонстрируют консервативную тенденцию при вложении времени и энергии в подготовку и редукцию. Объяснить это можно тем, что чрезмерная подготовка нуклеуса могла в действительности лишь усилить негативное воздействие низкого качества сырья.

ОБСУЖДЕНИЕ РЕЗУЛЬТАТОВ

Механические характеристики исходного материала в Цаган Агуй приводили к применению двух основных типов редукционной стратегии. В большинстве случаев систематическая и формализованная редукция нуклеусов отвергалась в пользу более или менее случайного расщепления с постоянным изменением направления скалывания. Мало внимания уделялось предварительному оформлению плоскостей скалывания. Это вполне ожидаемый результат для памятников, подобных Цаган Агуй, где каменное сырье доступно в изобилии, но имеет плохое качество. Тем не менее наряду с подобными «ситуационными» (бессистемными) нуклеусами присутствует и категория подготовленных (формализованных) нуклеусов, у которых для оформления плоскостей скалывания использовались выпуклые вентральные поверхности или массивные латеральные или дистальные части крупных сколов-заготовок. Использование крупных сколов в качестве основ нуклеусов имело ряд преимуществ. Там, где степень подготовки нуклеуса ограничена низким качеством исходного сырья (в случаях, когда используются грубо кристаллические материалы или материалы с исключительно неоднородной зернистостью), использование крупных сколов-заготовок позволяет оценить качество материала на ранних стадиях редукции и свести к минимуму риск технической неудачи, благодаря обнажению значительной внутренней поверхности каменного блока и обеспечению более удобной и «желаемой» морфологии основы. В целом там, где исходное сырье имеет плохое качество, использование крупных сколов в качестве основ нуклеусов являлось наиболее оптимальным техническим решением для получения четко оформленных и ориентированных плоскостей расщепления, что делало процесс скалывания более предсказуемым.

Присутствие формализованных стратегий редукции нуклеусов в индустрии пещеры Цаган Агуй противоречит теоретическим ожиданиям, учитывая изобилие сырья, но низкого качества доступного сырья. Причины, вызвавшие применение более сложных технологий, в подобном контексте все еще недостаточно ясны. Поскольку сырье было доступно непосредственно на памятнике, скорость потребления исходного сырья вряд ли имела большое значение. Обращает на себя внимание незначительное количество в палеолитических коллекциях пещеры Цаган Агуй стандартизированных сколов, напоминающих леваллу-азские, или отщепы типа «комбева». Малочисленность этих конечных продуктов при устойчивом наличии типологически выраженных нуклеусов для их производства позволяет предполагать экспорт специализированных заготовок со стоянки. Если допускать, что в процессе расщепления древним мастером учитывалась возможная транспортировка готовых сколов и нуклеусов, то на первое место выходят такие технические требования к готовым продуктам, как технологическая надежность и возможность подживления. Поломка нуклеусов, сколов-заготовок или орудий вне стоянки могла рассматриваться группами людей, использо-

вавших сырье Цаган Агуй, как крайне нежелательная. Поэтому применение более стандартизированных технологий редукции нуклеусов и производства орудий можно интерпретировать как попытку уменьшить негативное воздействие низкого качества сырья, а специфические формы отмечаемых в Цаган Агуй подготовленных нуклеусов – как некоторую гарантию от подобных неудач.

Изучение инновационных аспектов в технологии расщепления низкокачественного сырья, отмечаемых в Цаган Агуй, имеет большое значение для исследования палеолита Северо-Восточной и Центральной Азии. В частности, результаты исследования технологий формализованных нуклеусов из Цаган Агуй позволяют по-новому взглянуть на взаимоотношения между качеством каменного сырья и ограниченным технологическим разнообразием северокайского среднего и верхнего палеолита. Анализ индустрии из пещеры Цаган Агуй показывает, что низкое качество исходного сырья не является абсолютным препятствием для оформления и использования формализованных нуклеусов. Наоборот, становится очевидным, что именно низкое качество исходного сырья послужило в случае с индустрией пещеры Цаган Агуй импульсом для появления инновационных модификаций технологии расщепления камня. Основные типы каменного сырья, характерные для многих северокайских палеолитических стоянок (кварцит, песчаник, известняк), хотя и отличаются от сырья Цаган Агуй по многим физическим характеристикам, не являются более трудно обрабатываемыми. Следовательно, можно сделать вывод, что качество исходного сырья, конечно, воздействовало на характер северокайского среднего и верхнего палеолита, но не было единственным фактором, объясняющим почти полное отсутствие в таком огромном регионе технологий формализованных нуклеусов. Видимо, более обоснованное объяснение характера северокайского среднего и верхнего палеолита следует искать в биогеографических, адаптационных или поведенческих особенностях древних людей.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Каменные индустрии из пещеры Цаган Агуй, несмотря на преобладание бессистемного расщеп-

ления, включают в себя два четко выраженных типа подготовленных нуклеусов. Основой для изготовления формализованных нуклеусов как в Нижнем гроте, так и в нижних отложениях Большого грота Цаган Агуй служили крупные сколы, имеющие сильновыпуклую вентральную поверхность и/или массивные латеральные и дистальные части. Одна из формализованных стратегий редукции нуклеусов, несмотря на значительные модификации стратегии расщепления, является реминисценцией классического леваллуазского метода. Целью модификаций стратегии расщепления, по нашему мнению, было преодоление ограничений, накладываемых качеством доступного кремнистого сырья. Таким образом, инновации в технологии расщепления камня, отмеченные в Цаган Агуй, показывают, что плохое качество само по себе не может объяснять почти полное отсутствие технологий «подготовленных» (формализованных) нуклеусов в Северном Китае.

ЛИТЕРАТУРА

1. Окладников А.П. Палеолит Центральной Азии. Мойлтын Ам (Монголия). Новосибирск, 1981.
2. Деревянко А.П., Петрин В.Т. Исследования пещерного комплекса Цаган Агуй на южном фланге Гобийского Алтая в Монголии. Новосибирск, 1995.
3. The Paleolithic of Siberia: New Discoveries and Interpretations / Eds. A.P. Derevianko, D.B. Shimkin, W.R. Powers. Chicago: University of Illinois Press, 1998.
4. Paleolithic Archaeology and Paleolithic Archaeology in the People's Republic of China / Eds. Wu Rukang, J.W. Olsen. Orlando: Academic Press, 1985.
5. Lin Shenglong Comparisons of Chinese and western Paleolithic technological modes // Acta Anthropologica Sinica. 1996. N 15.
6. Goodyear A.C. A hypothesis for the use of cryptocrystalline raw materials among Paleoindian groups of North America // Eastern Paleoindian Lithic Resource Use / Eds. C.J. Ellis, J.C. Lothrop. Boulder: Westview Press, 1989. P. 1–9.
7. Andrefsky W.J., Jr. Raw-material availability and the organization of technology // American Antiquity. 1994. Vol. 59.
8. Деревянко А.П., Олсен Д., Цзвэндорж Д. и др. Археологические исследования Российско-монголо-американской экспедиции в Монголии в 1995 г. Новосибирск, 1996.
9. Деревянко А.П., Олсен Д., Цзвэндорж Д. и др. Археологические исследования Российско-монголо-американской экспедиции в Монголии в 1996 г. Новосибирск, 1998.

УДК 903.5+903.59

П.В. ВОЛКОВ¹, Е.Д. ЖАМБАЛТАРОВА²

СТРАННЫЙ «ПОГРЕБАЛЬНЫЙ ИНВЕНТАРЬ» ИЗ ФОФАНОВСКОГО МОГИЛЬНИКА*

¹ Институт археологии и этнографии СО РАН,
г. Новосибирск
e-mail: volkov100@yandex.ru;

² Музей Бурятского научного центра СО РАН,
г. Улан-Удэ
e-mail: dashievna@yandex.ru

Впервые представлена функциональная характеристика и интерпретация сопроводительного инвентаря из нескольких погребений Фофановского могильника, основанная на результатах трасологического обследования. Выявленная специфика инструментария заставляет усомниться в сакральности многих предметов, обнаруженных в шести могилах раскопок 1936 г. из фондов Эрмитажа.

Ключевые слова: Байкальский регион, Фофановский могильник, погребальный обряд, сопроводительный инвентарь, функциональный анализ, интерпретация.

Фофановский могильник расположен в 0,5–1 км от с. Фофаново Кабанского района Республики Бурятии, на юго-западном, юго-восточном и восточном склонах Фофановской горы, на высоте 26–40 м над уровнем р. Селенги.

Памятник открыт в 1926 г. А.П. Окладниковым [1]. Работы на могильнике проводились М.М. Герасимовым в 1931, 1934–1936, 1959 гг. [2], А.П. Окладниковым в 1948 и 1950 гг. [3, с. 14], В.П. Коневым в 1987–1991 гг. и Е.Д. Жамбалтаровой в 1996 [4, 5] и 2007–2008 гг. [6].

В качестве исследовательского материала для настоящей работы была использована коллекция находок шести погребений Фофановского могильника из раскопок 1936 г. (место хранения – Отдел археологии Восточной Европы и Сибири Государственного Эрмитажа). Сложность их изучения состояла в отсутствии полевой документации и, как следствие, в невозможности установления хронологической принадлежности, а также в целом археологического контекста находок. Но согласно коллекционной описи принадлежность предметов к инвентарю Фофановских погребений несомненна. Артефакты были подвергнуты трасологическому обследованию, в результате которого были определены функции и особенности использования каменного, рогового и костяного инструментария, оказавшегося в могилах в качестве сопроводительного инвентаря.

Функциональные исследования каменных артефактов коллекции базировались на методике экспериментально-трасологического анализа, разработанной С.А. Семеновым и Г.Ф. Коробковой [7; 8]. Использовался и опыт синтезированной трасологической методики, адаптированной для работы с материалами археологических коллекций палеолитических и

неолитических памятников Северной Азии [9; 10]. Для сравнительного анализа следов изношенности на древних орудиях из камня использовались материалы Сибирской эталонной коллекции трасологических стандартов.

В могилах оказались фрагменты керамических сосудов, перламутровые нашивные на одежду бусины и орудия из камня, рога и кости. Состав находок, выявленных в результате трасологического анализа орудий в каждом из погребений, имел свои особенности.

Набор орудий в каждом из исследованных погребений разнообразен по составу и не похож один на другой. В пяти могилах орудия немногочисленны, а в погребении № 10 их вообще нет (рядом с умершим найдены только бляшки-украшения и фрагменты керамики). В погребениях № 1, 4, 6 выявлены кочедыки, изредка – иглы и наконечники стрел. Обнаружены такие редкие изделия, как топор и «игольница». С каждым погребенным оказалось в среднем по 2–4 предмета. Это – сравнительно немного. Исключением можно считать погребение № 6, куда было помещено 7 каменных наконечников стрел. Особняком выглядит погребальный инвентарь могил № 7 и № 9.

В перечне находок из погребения № 7, помимо фрагментов керамики и характерных украшений из перламутра и «клыков оленя с просверленным отверстием», встречены изделия, которые можно отнести к инструментарии. Часть орудий сделана из рога и кости – роговой *гарпун* в виде слегка уплощенного узкого стержня с двумя зубцами на одной и одним зубцом на другой стороне; роговой *гарпун* в виде округлого узкого стержня с двумя несимметрично расположенными по бокам зубцами и двумя выступами-шпеньками на конце насада; острие *рыболовного крючка* из когтя хищника; уплощенный роговой *кочедык* с суженными затупленными концами; костяное *шило*, заостренное, овальное в сечении, со струганным и закругленным концом, противоположным острию; *шило* плоское,

* Работа выполнена в рамках программы фундаментальных исследований Президиума РАН «Историко-культурное наследие и духовные ценности России» (проект 1.7)

суживающееся к острию с закругленным основанием; *шило* костяное, с длинным узким острием, с клинообразно оструганным основанием; *шило* костяное, плоское, равномерно суживающееся к острию. Остальные артефакты представлены инструментами из камня: *точильный брусок* из шиферного сланца, в виде прямоугольной пластины со следами излома на одном из концов; *отщепы* без следов использования (13 шт.); *отщеп* с прямым ретушированным лезвием; *скребок* на отщепе с округлым ретушированным лезвием; *отбойник* в виде продолговатой гальки; *долото* с узким рабочим концом и расширенным поперечно обрезанным основанием.

В погребении № 9, кроме обычных для могильника перламутровых украшений в виде бляшек-нашивок с отверстием в центре (диаметром от 13 до 19 мм), у которых иногда, на наружной стороне, прослеживаются желобок, образовавшийся от трения нити (в могиле таких найдено более сотни), было обнаружено: *кочедык* в виде стержня из рога, круглый в сечении, с пирамидально обрезанными концами; два плоских костяных *наконечника стрел*, в форме вытянутого равнобедренного треугольника; два каменных, плоских, овальной в плане формы *скребка*, на отщепе с ретушью по рабочему краю; *орудие*, выполненное на отщепе, с двумя прямыми лезвиями, расположенными под углом друг к другу; краевой *отщеп* с ретушью на одном участке бокового края; *отщеп* неправильных очертаний без ретуши и следов утилизации; плоский, неправильной формы *точильный брусок*; *топор* шлифованный, плоский, с суженным основанием и слегка дугообразным лезвием; *топор* шлифованный, плоский, расширенный в средней части, с суженным рабочим концом и прямым лезвием; орнаментированный поперечными кольцевыми нарезками *игольник* из трубчатой кости животного; фрагмент *иглы*, овальной в сечении.

Насколько необычен набор инструментария из кости и камня в погребениях № 7 и № 9, стало видно из результатов проведенного общего трасологического анализа материалов коллекций. В итоге обследования коллекции была зафиксирована и специфика утилизации инструментария. Определена относительная степень износа орудий, их сравнительная износоустойчивость, характер их «оживления» и т. п. Именно эти особенности и дали основание увидеть уникальность в «погребальном инвентаре» Фофановского могильника из коллекции Эрмитажа.

Функциональное разнообразие орудий в погребениях № 7 и № 9 крайне велико. Особенно это заметно на фоне довольно скромных наборов орудий из могил № 1, 4, 6, 10. В связи с необычайным богатством и крайним разнообразием орудий в могилах № 7 и № 9 вполне естественной является постановка вопроса о роли инструментария в погребениях. Действительно ли все артефакты такого рода оказались в погребении не случайно и их размещение в могилах рядом с умершими преднамеренно? Все ли артефакты в погребениях несут какую-либо сакральную символику?

Почему на примере исследуемой коллекции Эрмитажа мы видим в одних могилах малое количество или полное отсутствие рабочих инструментов или, на-

против — богатый и разнообразный инструментарий? От уровня благосостояния умерших это, очевидно, не зависело. Погребенные в могилах № 1, 4, 6, 10, судя по богато украшенным перламутровыми бусинами одеждам, были, вероятно, не беднее тех, кто похоронен в могилах № 7 и № 9.

Принято думать, что с умершими в иной мир отправлялись какие-то особые, «погребальные» вещи. Предполагается, что набор именно таких предметов должен как-то пригодиться умершему в загробном мире. Какие же орудия из камня, несомненно, самого прочного и наиболее годного материала для титула «вечный», оказались в составе инструментария могил № 7 и № 9?

Трасологический анализ, зафиксировавший утилизацию инструментария, показал, что во всех погребениях орудия не имеют votивного характера. Всеми орудиями уже работали. Причем использовали инструментарий для решения явно практических, вполне «земных» задач.

Орудийный набор, найденный в погребениях № 7 и № 9, представлен в следующем виде: скребки по мягким, вероятно еще свежим, шкурам, скобели, резчик, абразивный инструмент, ретушер, тесла и т. д. Отрасли хозяйства, в которых использовались орудия из погребений, очень разнообразны. Следы использования орудий свидетельствуют об обработке ими шкур, дерева, размягченных кости и рога, а также их применении в работе с мясом. Морфологически оформленных, подготовленных, но неиспользованных орудий в погребениях не обнаружено. Часть каменного инструментария выполнена на неретушированных снятиях и представляет собой орудия «одноразового» использования. Найдены в погребении даже отщепы без каких-либо следов использования.

Необычность набора орудий, оказавшихся в могилах из коллекции Эрмитажа, увиделась еще и в разнообразной степени относительного износа орудий. Это означает, что в могилу были положены не «преднамеренно изношенные», не «новые, ранее не употреблявшиеся» в работе инструменты.

Представляется логичным, что в могилах, рядом с умершими должны быть найдены орудия, предназначенные для относительно долгого использования. Не лишними среди сопровождающих умершего предметов будут, вероятно, и приспособления для «оживления» инструментов (точила, ретушеры и т. п.). Инструменты в могиле, если они не сломаны сознательно ради их «умерщвления», должны быть сравнительно прочными; несомненно, заранее для долгого использования подготовленными (заостренными, отлаженными и т. п.). Все это верно для погребений в различных культурах, справедливо и для подавляющего большинства захоронений Фофановского могильника. Однако обнаружили и исключения.

Изучение коллекции Эрмитажа показало, что среди находок в погребении № 7 зафиксировано 13 отщепов без следов их использования или их подготовки для будущей работы в роли инструментов. Технологический и трасологический анализ данных артефактов показал, что, судя по качеству материала и перспективам их преобразования в какие-либо орудия,

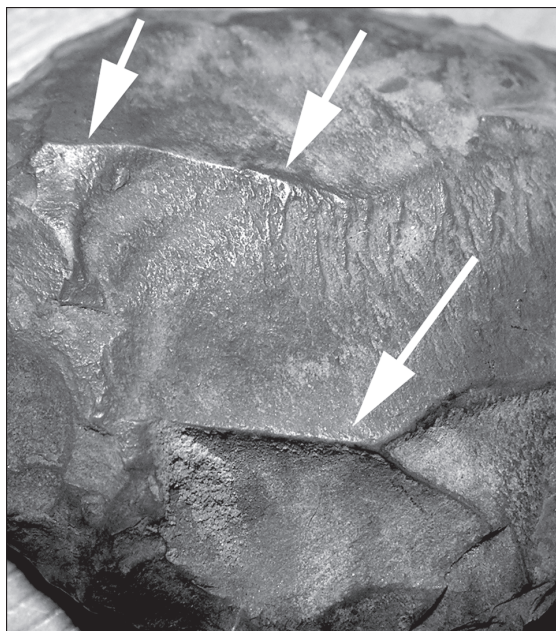

Рис. 1. Следы заглаживания поверхности скребкового орудия.

это – мусор, «отходы производства». Вероятность их преобразования в форму, удобную для какого-либо использования, крайне мала. Крайне сомнительно и сакральное назначение такого рода «погребального инвентаря».

В погребениях № 7 и № 9 в результате трасологического анализа выявлено достаточно большое количество так называемых разовых орудий. Это – ножи для работы с мясом, скребковые инструменты, выполненные на различных по размеру и пропорциям отщепах или на нерегулярных пластинах. Степень формообразования «заготовок» посредством различного рода ретуширования крайне незначительная. На такого рода инструментах встречаются следы переоформления рабочего края, что может свидетельствовать об использовании данных орудий для выполнения нестандартных операций.

Назначение и потребность в «разовых» инструментах [11] всегда определялись «сиюминутными», случайными потребностями. Такие орудия явно не предназначались для долговременного использования. Есть ли смысл укладывать в могилу такие инструменты?

Еще одна характеристика погребального инвентаря, которая может показаться странной, – это степень

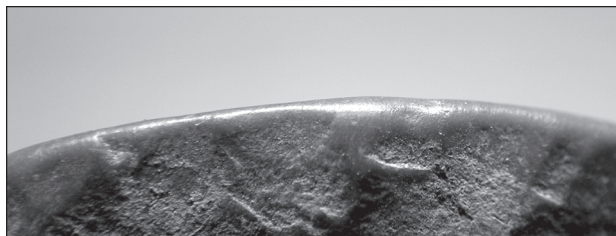

Рис. 2. Износ рабочего края скребка для работы с мягкими шкурами.

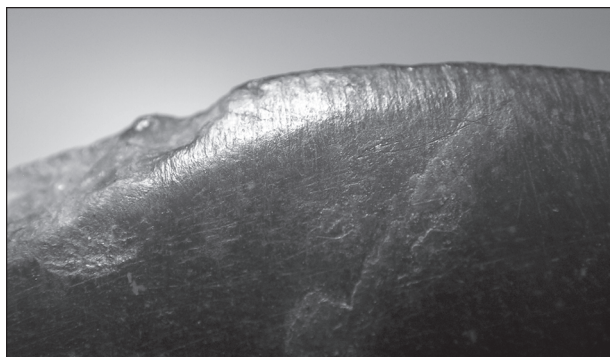

Рис. 3. Износ рабочего края скребка для работы с жесткими шкурами

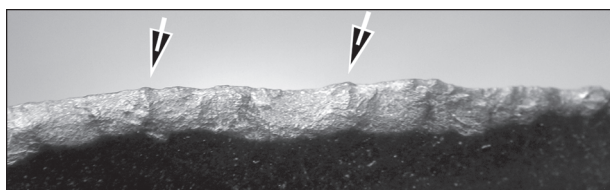

Рис. 4. Износ рабочего края ножа для работы с мясом.

износа инструментов из могил № 7 и № 9. Например, на плоском (нерабочем) участке одного из скребковых орудий были зафиксированы следы рук владельца (рис. 1). Такое заглаживание на поверхности инструмента может быть следствием только крайне продолжительного использования орудия. Орудие изношено до предела. В той же крайней степени изношенности рабочий край можно обнаружить и на другом инструменте (рис. 2). Работать таким скребком практически невозможно (рис. 3).

Не лучше скребков выглядят и многие ножи из погребений. На рис. 4 представлен образец крайней степени износа лезвия ножа, предназначавшегося для работы с мясом. Продолжить работу таким орудием нет никакой возможности. Некоторые изделия неоднократно переоформлялись или перезатачивались (рис. 5). Это косвенно может свидетельствовать о нестабильности рабочих операций, выполнявшихся многими орудиями из исследованного инструментария.

Технологический анализ показал, что не только найденные в погребениях отщепы, но и подавляющее большинство орудий выполнены отнюдь не из лучшего, сколько-нибудь износостойчивого, материала. Для инструментария, предназначенного для долгой эксплуатации, это выглядит странно. Сырье для орудий погребений № 7 и № 9 использовалось самое разное. Все – как обычно и естественно для самого простого, повседневного, ничем не примечательного инструментария «средней руки» состоятельного владельца. Почти все изделия – «орудия-однодневки». Качественные орудия, годные для относительно долгого использования, встречаются редко. А ведь именно в инструментах из прочных материалов, в проверенных опытом формах, неизношенных орудиях мог, как представляется, нуждаться умерший в «загробном мире».

Рис. 5. Характер заточки лезвия шлифованного тесла.

Версия о бедности погребенных в могилах № 7 и № 9, как и в других могилах, судя по материалам коллекции Эрмитажа, представляется неубедительной. Среди предметов в могилах обнаружено не только обилие дорогих нашивных украшений, но и орудия из редких, весьма износоустойчивых и даже красивых материалов, например нефритовые тесла.

Если предположить, что в могилах № 7 и № 9 погребены люди, занятые определенным производством, то это объяснит наличие в могилах некоторого количества роговых изделий, работа с которыми еще не завершена. Но мастер вряд ли захватил бы с собой «в долгий путь» инструментарий в наборе случайно, значительно изношенный и без возможности его универсального использования. Не могли не догадываться об этом и его соплеменники.

Упомянутые выше особенности погребального инвентаря могут быть объяснены, если предположить, что с умершим в могиле оказались только случайные предметы. Вероятно, только те предметы, что были с погребаемым в день его смерти. Выявленный в могилах № 7 и № 9 инструментарий типичен для решения повседневных задач. Те, кто совершал погребение, явно не только не обратили внимания на хаотичность набора орудий, но и, похоже, вообще не придавали ему значения.

Технологические и трасологические исследования находок Фофановского могильника из коллекции Эрмитажа дали возможность посмотреть на их состав с позиций более утилитарных, чем традиционно принято при изучении погребений. Выявленная специфика

утилизации орудий, сам состав находок в могилах не стимулируют размышлений в пользу сакральной интерпретации данного «погребального инвентаря». Вероятно, не всегда еще живущие соплеменники или те, кто совершал обряд погребения, относились к предметам, оказавшимся «в карманах» умершего, с должным мистическим чувством. Не всегда действия наших предков были наполнены ожидаемым нами символизмом или даже смыслом. Не всякий погребальный инвентарь можно считать «сакральным». Символизм деталей каждого погребения нам, археологам, следует всякий раз не только искать, но и убедительно обосновывать.

ЛИТЕРАТУРА

1. Окладников А.П. Следы доисторических культур на севере Селенгинской Даурии // Северная Азия. 1928. № 3. С. 63–69.
2. Герасимов М.М., Черных Е.Н. Раскопки Фофановского могильника в 1959 г. // Первобытная археология Сибири. Л., 1975. С. 23–48.
3. Окладников А.П. Неолит и бронзовый век Прибайкалья. М.; Л., 1955. Ч. 3: Глазковское время. (МИА, № 43).
4. Жамбалтарова Е.Д., Конев В.П. Фофановский могильник: материалы 1987–1989 и 1996 года // Историко-культурное наследие Северной Азии: итоги и перспективы изучения на рубеже тысячелетий. Барнаул, 2001. С. 171–172.
5. Лбова Л.В., Жамбалтарова Е.Д., Конев В.П. Погребальные комплексы неолита – раннего бронзового века Забайкалья (формирование архетипов первобытной культуры). Новосибирск, 2008.
6. Жамбалтарова Е.Д. Ранненеолитические материалы Фофановского могильника (по результатам раскопок 2007–2008 гг.) // Древние культуры Монголии и Байкальской Сибири. Улан-Удэ, 2010. С. 44–47.
7. Семенов С.А. Первобытная техника. М.; Л., 1957. (МИА № 54).
8. Korobkova G.F. Narzedzia w pradziejach. Torin, wydawnictwo Uniwersytetu Mikolaja Kopernika, 1999.
9. Волков П.В. Трасологические исследования в археологии Северной Азии. Новосибирск, 1999.
10. Волков П.В. Эксперимент в археологии. Новосибирск, 2010.
11. Волков П.В. Проблема выборки при трасологических исследованиях археологических коллекций Северной Азии // Проблемы археологии, этнографии и антропологии Сибири и сопредельных территорий. Новосибирск: Изд-во Ин-та археологии и этнографии СО РАН, 1997. Т. 3: Материалы V Годовой итог. сессии Ин-та археологии и этнографии СО РАН, посв. 40-летию СО РАН и 30-летию Ин-та истории, филологии и философии СО РАН. Декабрь 1997 г. С. 428–433.

УДК 903.7.031

Л.В. ЛБОВА

ФОРМЫ ЗНАКОВОГО ПОВЕДЕНИЯ В КУЛЬТУРАХ РАННЕГО ВЕРХНЕГО ПАЛЕОЛИТА СИБИРИ *

Новосибирский государственный университет
e-mail: lbova@archaeology.nsc.ru

Проблемы происхождения и природы поведенческого комплекса человека современного анатомического типа являются одними из самых дискутируемых в эволюционных исследованиях человека в наше время. В статье предложены материалы комплексов памятников начальной стадии верхнего палеолита Сибири, свидетельствующие о различных формах символической активности человека. В целом артефакты демонстрируют наличие развитого в технологическом и типологическом отношении древнейшего комплекса предметов с устойчивой системой изготовления и обработки, выраженного в стилистически выдержанных сериях изделий. Сибирские материалы корректно выглядят в стадийном и территориальном контекстах.

Ключевые слова: знаковое поведение, культура, верхний палеолит, поведенческий комплекс, человек современного физического типа, Сибирь.

В последнее время одной из важных тем в эволюционных исследованиях человека является проблематика происхождения и природы комплекса современного поведения. Значительный вклад в развитие дискуссии был внесен исследованиями в Европе и Африке [1–3]. В новых концепциях все больше подчеркивается значение региональных данных, что позволяет предполагать неоднородное выражение поведенческого комплекса человека в эпоху палеолита и надеяться на методологическое определение поведенческих стратегий на археологических материалах.

Определение комплекса современного поведения на материалах палеолитических объектов, предложенное Полом Мелларсом [4], сегодня выглядит не вполне актуально; особенно в части моделирования знакового (символического) поведения как основного признака, присущего поведению *Homo sapiens sapiens*. Необходимо учитывать доказательства формирования нейрофизиологических предпосылок знакового поведения задолго до начала верхнего палеолита, и, возможно, знаковое поведение было присуще не только человеку современного физического типа [5]. Географическое распространение и хронология древнейших свидетельств символической деятельности, предполагающие полицентрический генезис, не исключает того, что характер, формы и функции знакового поведения могут не совпадать. Ряд исследователей считают, что главной причиной символизма на различных территориях в разное время могла быть именно необходимость выработки специальных способов хранения и передачи культурной информации; в дальнейшем формы символизма эволюционировали, меняли функции, утрачивая при этом утилитарный смысл [3; 6]. Именно такая

парадигма лежит в основе современных исследований феномена «палеолитического искусства», как и иных форм знаковой деятельности. Проблема генезиса символизма, как свидетельства современного поведенческого комплекса, активно обсуждается в рамках дискуссии о становлении культуры человека современного физического типа. Но последние данные говорят о том, что символизм как базовый маркер, опускается до рубежа около 200 тыс. л. н. [3].

Ранние признаки знакового поведения, выраженные через систему персональной орнаментации, или «нательных украшений» (Бедфорд в Англии, Гешер-Яков в Израиле, Эль-Грейфа в Ливии, Репполуст в Австрии и др.); появление петроглифов (Дараки-Хаттан и Бхимбетка в Индии, Коранаберг в Калахари); протоскульптуры (Берехат-Рам в Израиле, Тан-Тан в Марокко); многочисленных, но не бесспорных гравировок кости или скорлупы в Европе и Африке; свидетельства использования пигмента – уверенно относят появление символизма как формы поведения к ашельскому времени [3; 7; 8]. Можно обозначить подобную группу явлений в качестве маркеров личного статуса, групповой или индивидуальной самоидентификации, предметов культовых действий, украшений, способов передачи информации, музыкальных инструментов и т.п. Изобразительные символы могли выступать как средства социальной коммуникации, имеющие адаптивное значение и играющие определенную роль в жизнеобеспечении и структуре верхнепалеолитических сообществ [3; 9; 10]. В дальнейшем с развитием видов знакового творчества происходило, вероятно, и изменение основной функции предметов; традиционные формы могли утрачивать первичное значение и становились элементами иной культурной (знаковой) системы. В любом случае, необходимость выработки специальных вспомогательных способов хранения и передачи культурной информации древним человеком

* Работа выполнена в рамках Программы Президиума РАН «Историко-культурное наследие и духовные ценности России», проект 25.1.7

является основным элементом в распространении поведенческого комплекса.

Гравировка как вид декорирования отмечается в археологических материалах нижнего и среднего палеолита. Обсуждение хронологии и характера меток, выемок, линий, технология нанесения и пр. – отдельная тема. В нашем случае для описания предметов употребляется термин «орнаментация», подчеркивающий тем самым определенную, повторяющуюся организацию простого элемента (линии, насечки, нарезки, выемки). Из последних открытий хотелось бы отметить сенсационные результаты исследований группы Университета Бордо-1 (Франция) под руководством П.Ж. Тиксиера в пещере Дипклоф (Южная Африка): древнейших символических изображений (орнамента) в виде параллельных и скрещенных линий, вырезанных на скорлупе яиц страуса. Находки происходят из слоев, датированных около 60 тыс. л. н. и ассоциируются исследователями с деятельностью человека современного физического типа. Подобные находки известны и в более ранних комплексах пещеры Бломбос, датируемых около 75 тыс. л. н., что позволяет ставить вопрос о более раннем возрасте графической традиции, чем предполагалось [11].

Выделение красящего вещества в качестве компонента знаковой деятельности обсуждается уже относительно материалов ашельского возраста. Применение пигмента восходит ко времени около 800 тыс. л. н. и считается вполне обычным явлением около 300 тыс. л. н. на трех основных континентах [7; 12]. В верхнепалеолитическую эпоху использование пигмента в качестве личностных маркеров, элементов ритуальной практики, знаков языка, натальной живописи и т. п. – является устойчивым компонентом культуры повсеместно.

Музыкальная деятельность является одной из важных составляющих знакового поведения, характеризующего комплекс культуры и поведения человека современного физического типа. Серия костяных флейт и свистков в раннеориньякских комплексах Европы (в Бельгии, Франции, Германии, Австрии) указывает на существование устойчивых музыкальных традиций на рубеже 40 тыс. л. н. В общей сложности количество находок, интерпретируемых как музыкальные инструменты (палеолитические флейты и/или свистки, ударные инструменты, трещотки, идиофоны и т. п.), составляет более 230 предметов [13].

Необходимо отметить, что основные признаки знакового поведения (и как комплекса, и как отдельных

Территория	Памятник, слой	Датировка (тыс. л. н.)	Материалы	Публикация
Монголия	Толбор-4, культ. гор. 5 Толбор-15, культ. гор. 7 Доролж-1 (Эгийн-Гол)	>41 29–30 30–32	Бусины (скорлупа яиц страуса) Бусины (скорлупа яиц страуса) Бусины (скорлупа яиц страуса)	не опубликовано не опубликовано [15]
Забайкалье	Подзвонкая Хотык (уровень 2, 3) Каменка (А) Варварина Гора (уровень 2) Толбага	30–44 28–38 30–40 29–35 26–35	Бусины, кольца, подвески (скорлупа яиц страуса, камень, кость) Бусины, подвески, кольца (камень, кость, раковины моллюска) Бусины, пронизки, фрагмент диадемы, фигуративные изделия из кости (камень, кость, скорлупа яиц страуса, бивень) Бусины, подвеска (камень) Подвески, скульптура (кость)	[16] [17] [17] [17; 18] [19]
Приангарье	Переселенческий пункт I (стоянка Герасимова) Военный Госпиталь Щапово Усть-Кова	25–35 22–30 27–32	Изделия (камень) Бусины, пронизки, изделия (кость, бивень) Подвеска Бусины, скульптура (бивень)	[20] [21] [22] [23]
Алтай	Денисова пещера, слой 11 Пещера Страшная, слой 3 (гор. 2) Кара-Бом (уровень 5) Усть-Каракол, слой 9 Малояломанская пещера Усть-Канская пещера (при-входная площадка)	29–48 27–30 40–44 29–34 30–34 ?	Бусины, пронизки, подвески, браслет, изделия (камень, кость, зубы) Подвеска (кость) Подвески (кость) Подвеска (камень) Подвеска (зуб) Подвеска (кость)	[14; 24; 25] [26] [24] [24] [24] [27]
Кузнецкий Алату	Малая Сыя	25–35	Бусины, подвески, изделия, скульптура (камень, кость, рог)	[28; 29]

его элементов) в археологических коллекциях и культурных горизонтах ранней стадии верхнего палеолита Сибири выявлены на ряде хорошо изученных стратифицированных археологических местонахождений.

Сибирскими исследователями получена представительная серия предметов, свидетельствующих о существовании символической, знаковой деятельности на ранних этапах формирования культуры. Обозначенные комплексы в технологическом отношении устойчиво ассоциируются с пластинчатыми индустриями начального этапа верхнего палеолита [14]. Сегодня коллекцию изделий представляют более 150 предметов из кости, скорлупы, камня, раковин, бивня. Артефакты обнаружены при раскопках стратифицированных комплексов Монголии (раскопки С.А. Гладышева, Ж. Жобера), Забайкалья (раскопки М.В. Константинова, Л.В. Лбовой, В.И. Ташака), Приангарья (раскопки Г.И. Медведева, Н.И. Дроздова и др.), Алтая (раскопки С.И. Руденко, А.П. Деревянко, В.Т. Петрина, М.В. Шунькова, А.Н. Зенина и др.).

Большая часть материалов не опубликована, часть находок имеет неоднозначную хроностратиграфическую позицию, некоторые рисунки без сопровождения фотографиями не вполне адекватно отражают сам артефакт и т. д. Эти обстоятельства значительно затрудняют дальнейшие работы по классификации, интерпретации и поиску аналогий. В целом комплексы датированы в пределах 28–30 – 40–50 тыс. л. н., в технологическом отношении литопроизводства характеризуют начальный этап верхнего палеолита, и в целом большинство исследователей ассоциирует их с культурой человека современного физического типа (см. таблицу).

Предварительная классификация позволяет разделить всю коллекцию изделий по функциональному признаку на три группы:

- предметы персональной орнаментации, или нательные украшения со сверлением (бусины, подвески, кольца, браслеты, диадемы);
- предметы неизвестного назначения (простых и сложных форм, орнаментированные и неорнаментированные);
- предметы объемного моделирования (скульптура).

Нужно отметить, что орнаментация сибирских изделий, происходящих из комплексов начальной стадии верхнего палеолита, – явление довольно редкое, но имеет место. Орнаментация выглядит как устойчивый элемент, хорошо освоенный человеком в технологическом отношении. Декор встречается в комплексах Хотык, уровень 2 [30], Малая Сья [29], Подзвонкая [16], Переселенческий пункт-1 (Герасимова) [20]. В этих случаях зафиксирован простой вариант орнамента – регулярные насечки, радиально оформляющие тело или элементы изделия (отмечаются плоские и объемные варианты). Элементы декора и морфология изделий вызывают особый интерес ко всему культурному комплексу этих памятников. Необходимо отметить технологическую устойчивость декорирования предметов, законченность композиции и формы в целом. Выявленные элементы орнамента и сами предметы

обнаруживают сходство с элементами аналогичных (морфологически и хронологически) изделий европейских памятников: предметы из белемнита в Костенках-17 на Русской равнине (Хотык); Миток Малул Галбен в Румынии (Малая Сья и Переселенческий пункт-1).

Следы пигмента и артефакты со следами использования (шарики охры, «мелки» из гематита, кусочки минерала со следами истертости, следы охры на предметах и т. п.) отмечены во многих культурных слоях раннего верхнего палеолита Сибири (Кара-Бом, Малояломанская пещера, Подзвонкая, Каменка, Варварина Гора, Толбор-15 и др.). Нужно отметить, что применение различных красок (красной, черной, белой, зеленой, желтой) отмечается исследователями как компонент культурного слоя, так и в качестве следов на артефактах (Кара-Бом, Хотык, Каменка, Малая Сья, Подзвонкая и др.) [14–17; 24; 28; 30].

Находки музыкального творчества в археологических коллекциях, датированных ранним этапом верхнего палеолита на территории Сибири, являются крайне редким явлением. Тем не менее в комплексах забайкальских опорных местонахождений Хотык, Каменка-А и Подзвонкая (35–45 тыс. л. н.) были обнаружены предметы, которые могут быть квалифицированы как свистки и их фрагменты, свистковая флейта [31].

Сибирские материалы начальной стадии верхнего палеолита вполне корректно выглядят в стадийном и территориальном контекстах. В целом артефакты демонстрируют наличие развитого в технологическом и типологическом отношении древнейшего в Евразии комплекса предметов с устоявшейся системой изготовления и обработки, выраженного в стилистически выдержанных сериях изделий. Персональная орнаментация, антропоморфные или зооморфные предметы, примитивные музыкальные инструменты, парциальные погребения животных, широкое использование красящих пигментов характеризуют довольно ранний этап становления знаковой культуры человека в Сибири практически одновременно с процессами, происходящими на территории Европы.

ЛИТЕРАТУРА

1. Rethinking the human revolution / eds. Mellars et al. McDonald Institute Monograph, 2007 [GN 281 Ret].
2. Klein R.G. Archeology and the evolution of human behavior // *Evolutionary Anthropology: Issues, News and Reviews*. 2000. Vol. 9.
3. D'Errico F.C., Henshilwood G. Lawson, et al. Archaeological evidence for the origins of language, symbolism and music: an alternative multidisciplinary perspective // *Journal of World Prehistory*. 2003. Vol. 17.
4. Mellars P. The Impossible Coincidence A Single – Species model for the Origins on Modern Human Behavior in Europe // *Evolutionary Anthropology*. 2005. Vol. 14.
5. Вишняцкий Л.Б. Информационный взрыв и изобразительная деятельность // *Археология, этнография и антропология Евразии*. 2005. № 1 (21).
6. Mithen S. *The Prehistory of the Mind*. L., 1996.
7. Шер Я.А., Вишняцкий Л.Б., Бледнова Н.С. Происхождение знакового поведения. М., 2004.
8. Беднарик Р. Интерпретация данных о происхождении искусства // *Археология, этнография и антропология Евразии*. 2004. № 4 (20).

9. Barton C.M., Clark G.A., Cohen A.E. Art as information explaining Upper Palaeolithic art in Western Europe // *World Archaeology*. 1994. Vol. 26, N 2.
10. D'Errico F., Vanhaeren M. Evolution or Revolution? New Evidence for the Origin of Symbolic Behaviour In and Out of Africa // *Rethinking the Human Revolution* / eds. P. Mellars K. Boyle, O. Bar-Yosef C. Stringer Chris. Cambridge: McDonald Institute Monographs, 2007. P. 275–286.
11. Texier P.J., Porraz G., Parkington J. et al. Howiesons Poort tradition of engraving ostrich eggshell containers dated to 60000 years ago at Diepkloof Rock Shelter, South Africa // *Proceedings of the National Academy of Science USA*. 2010. April, 27. № 107 (17).
12. D'Errico F., Vanhaeren M., Henshilwood C. et al. From the origin of language to the diversification of languages: What can archaeology and palaeoanthropology say? // *Becoming Eloquent: Advances in the emergence of language, human cognition, and modern cultures*. Amsterdam: John Benjamins Publishing Company, 2009. P. 13–68.
13. Morley I. The evolutionary origins and archaeology of music // *Darwin College Research Report DCRR-002*, Cambridge: Cambridge University, 2003.
14. Дервянко А.П. Переход от среднего к верхнему палеолиту и проблема формирования *Homo sapiens sapiens* в Восточной, Центральной и Северной Азии. Новосибирск, 2009.
15. Jaubert J., Bertran P., Fontugne M. et al. Le Paléolithique supérieur ancien de Mongolie Dörölj-I (Egiin-Gol): Analogies avec les données de l'Altai et de Sibirie. Oxford: Archaeopress, 2004. P. 225–241.
16. Таишак В.И. Символизм в начале верхнего палеолита Западного Забайкалья // *Зап. ИММК РАН*. 2009. № 4.
17. Лбова Л.В. Палеолит северной зоны Западного Забайкалья. Улан-Удэ, 2000.
18. Окладников А.П. Отчет об археологических работах Саянского отряда Северо-Азиатской комплексной экспедиции ИИФФ СО АН СССР за 1977 г. Новосибирск, 1978 (рукопись).
19. Константинов М.В. Каменный век восточной провинции Байкальской Азии. Улан-Удэ; Чита, 1994.
20. Козай С.А., Литина Е.А., Медведев Г.И. и др. Палеолитическое местонахождение Герасимова-I: новая жизнь Переселенческого пункта-I // *Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий: материалы годовой сессии Института археологии и этнографии СО РАН 2007 г.* Новосибирск, 2007. Т. 13. С. 110–113.
21. Черский И.Д. Несколько слов о вырытых в Иркутске изделиях каменного периода // *Изв. СО РГО*. Иркутск, 1872. Т. 3, № 3.
22. Козырев А.С., Слагода Е.А. «Щапово» – новое геологическое местонахождение верхнего плейстоцена в г. Иркутске // *Антропоген. Палеоантропология, геологическая, этнология Азии*. Иркутск, 2008. С. 81–89.
23. Васильевский Р.С., Дроздов Н.И. Палеолитические скульптурные изображения из Восточной Сибири // *Пластика и рисунки древних культур*. Новосибирск, 1983. С. 59–65.
24. Дервянко А.П., Рыбин Е.П. Древнейшие проявления символической деятельности палеолитического человека на Горном Алтае // *Археология, этнография и антропология Евразии*. 2003. № 3 (15).
25. Дервянко А.П., Шуньков М.В., Волков П.В. Палеолитический браслет из Денисовой пещеры // *Археология, этнография и антропология Евразии*. 2008. № 2 (34).
26. Зенин А.Н. Отчет об археологических исследованиях пещеры Страшная в 2006 г. Новосибирск, 2007 (рукопись).
27. Руденко С.И. Усть-Канская пещерная палеолитическая стоянка // *МИА*. 1960. № 79.
28. Ларичев В. Е. Скульптура черепахи с поселения Малая Сая и проблема космогонических представлений верхнепалеолитического человека // *У истоков творчества*. Новосибирск, 1978. С. 32–69.
29. Холмошкин Ю.П. Поселение Малая Сая – ранний этап верхнего палеолита Сибири (к проблеме начала становления культур *Homo sapiens* в Северной Азии // *Астроархеология – естественнонаучный инструмент познания протонаук и астральных религий жречества древних культур Хакасии*. Красноярск, 2009. С. 137–145.
30. Лбова Л.В., Волков П.В. Технология изготовления нателных украшений в эпоху верхнего палеолита (материалы местонахождения Хотык, Западное Забайкалье) // *Вест. НГУ. Серия: История, филология*. 2010. Т. 9, вып. 7: Археология и этнография.
31. Лбова Л.В., Волков П.В., Кожеевникова Д.В. Свидетельства древнейших музыкальных традиций в археологии Сибири (начальная стадия верхнего палеолита) // *Вест. Новосиб. гос. ун-та Серия: История, филология*. 2010. Т. 9, вып. 5: Археология и этнография.

УДК 902.03

Е.Г. ГИЕНКО, Е.П. МАТОЧКИН, П.Е. МАТОЧКИН

СОЛНЦЕ, ЛУНА И ТЕНИ ОТ МЕГАЛИТОВ НА ТАРХАТИНСКОМ МЕГАЛИТИЧЕСКОМ КОМПЛЕКСЕ*

Сибирская государственная геодезическая академия,
г. Новосибирск

e-mail: elenagienko@yandex.ru;

Национальный музей Республики Алтай им. А.В. Анохина,
г. Горно-Алтайск

e-mail: pallady@ngs.ru;

Институт ядерной физики СО РАН,
г. Новосибирск

e-mail: pavelm@ngs.ru

Статья посвящена исследованию уникального памятника Горного Алтая – Тархатинского мегалитического комплекса. Представлен план расположения мегалитов и выкладок, основанный на фотосъемке с высоты. Наблюдения в летнее солнцестояние и астрономические расчеты выявили попадание лучей на закате в центр восточного мегалита – эффект, который происходил 4 тыс. л. н. Его мифологизированный образ нашел отражение в петроглифах. Обнаружена взаимосвязь картины теней от мегалитов в астрономически значимые дни с расположением объектов комплекса.

Ключевые слова: мегалитический комплекс, солнцестояние, равноденствие, петроглифы, астрономическое явление, тени.

Тархатинский мегалитический комплекс (ТМК) находится в Кош-Агачском районе Республики Алтай на 26-м километре дороги от районного центра до Джазатора, на высоте примерно 2 000 м над ур. м. Координаты комплекса, определенные спутниковым навигатором: широта – 49°47'53.1"N, долгота – 88°29'46"E. Здесь, на южной оконечности Чуйской степи, неподалеку от ледниковых моренных валов на ровной поверхности земли выделяются высокие мегалиты. В последние годы ТМК привлекает пристальное внимание исследователей [1–7]. Мы изучали ТМК в 2009, 2010 и 2011 гг.

Объекты Тархатинского мегалитического комплекса расположены по кругу с диаметром около 60 м. От южной точки дуги на юг идет линия небольших круглых выкладок в сторону лежащего примерно в 90 м камня с петроглифами. Мегалиты находятся в основном на северо-западной дуге окружности. На юго-восточной дуге расположены более мелкие камни и выкладки. Формы мегалитов различны и не похожи на обработанные плиты, как во многих известных кромлехах.

Среди объектов ТМК возвышаются четыре крупных мегалита, превышающие по высоте 2 м. Они расположены так, что являются своего рода воротами для

Солнца во время заката и восхода в характерные дни года. Два из них, называемые нами «Камень со щелью» и «Богатырь», определяют северо-западные ворота, два других – «Скиф» [8] и «Сфинкс» – восточные. Вокруг них, как правило, находятся более мелкие монолиты. Среди других объектов выделяется мегалит, занимающий крайнее восточное положение и расположенный в нескольких метрах вне основного круга. В Краткой энциклопедии «Республика Алтай» он назван «Колыбель Сартакая» [9, с. 310]. По своей форме мегалит напоминает кресло или детскую люльку с одной боковой спинкой. Сартакай – популярный мифический герой, проложивший русла крупнейших рек Алтая, строитель дорог и мостов. В настоящее время местным населением этому мегалиту приписываются особые чудесные свойства, помогающие женщинам забеременеть. На каменном ложе оставлено много монет, бус, ювелирных украшений, а ветви у растущего рядом небольшого кустарника обвязаны белыми ленточками.

Схема комплекса опубликована в статье В.И. Соёнова, А.В. Шитова, Д.В. Черемисина, А.В. Эбеля [2] в 2000 г., ее ориентировка и некоторые детали уточнены Л.С. Марсадоловым [3] в 2003 г. Тогда же им были определены основные астрономические направления, наблюдаемые из центра сооружения. Все они так или иначе оказались связанными со структурами мегалитического комплекса, что позволило автору назвать ТМК алтайским «Стоунхенджем» [4]. Однако на приводимых схемах контуры мегалитов и выкладок показаны с некоторой долей условности, что связано с неизбежными сложностями наземных геодезических измерений. Проведенная нами фотосъемка комплекса сверху и соответствующая фотограмметрическая обработка

* Исследование выполнено при частичной финансовой поддержке РГНФ в рамках проекта №10-01-00544а/Чел. «Древние и современные культовые места Алтая: инвентаризация, картографирование и оценка их роли в сакрализации территорий в символическом и историко-культурном планах».

позволили получить более точный план. Такой план дает возможность в камеральных условиях реконструировать события, происходящие на ТМК при восходе и заходе светил в течение года. Существенно облегчает задачу реконструкции небольшая высота горизонта в области восходов и заходов Солнца и Луны: в западной и северо-западной стороне она не превышает 1 град., а наибольшая, около 4 град., – в юго-восточной области. Для открытого горизонта возникают ошибки из-за влияния рефракции на результаты измерений. Поэтому необходимы непосредственно натурные наблюдения на комплексе в астрономически значимые дни.

В исследовании подобных археологических памятников крайне важно определить место положения наблюдателя. Археологи традиционно помещают наблюдателя в центр кругового комплекса [10], хотя указываются возможности нахождения наблюдателя и в другом месте. Центр ТМК никак не зафиксирован, хотя его можно достаточно точно определить визуально как пересечение линии меридиана и направления на середину восточных «ворот». Еще одна особенность центра комплекса состоит в том, что при наблюдении из него вершины мегалитов «Камень со щелью» и «Богатырь» (северо-западные ворота), а также «Скиф» и спинка «Колыбели Сартакпая» (восточные ворота) находятся на одном уровне с дальним горизонтом (до-

стигают его). При изменении положения наблюдателя даже на несколько шагов картина меняется.

Вместе с тем наши исследования приводят к выводу, что основные календарные явления, связанные с движением Солнца и Луны, наблюдались древними астрономами у каменной «Колыбели Сартакпая». Она расположена в нескольких метрах от основного круга, за мегалитом «Сфинкс». Взгляд сидящего здесь человека ориентирован на северо-запад, горизонт ограничен слева мегалитом «Сфинкс», справа – мегалитом «Богатырь», что задает сектор обзора, в котором, как оказывается, происходят основные значимые события со светилами.

На спинке «Колыбели Сартакпая» находятся выбитые петроглифы [11]. Центральное место среди них принадлежит крупной контурной фигуре быка. Наскальный рисунок предстает в иконографии, близкой к изображению красочного турочакского быка [12], который отнесен к каракольской культуре [13]. Находящаяся рядом с быком зооантропоморфная фигура во многом аналогична стилизованным изображениям женщин Калбак-Таша [14, № 188–196], которые В.Д. Кубарев датирует эпохой энеолита-бронзы (III–I тыс. до н. э.) [15, с. 17]. Изображенная же ниже странная геометризованная фигура более всего напоминает мегалит «Сфинкс» (рис. 1).

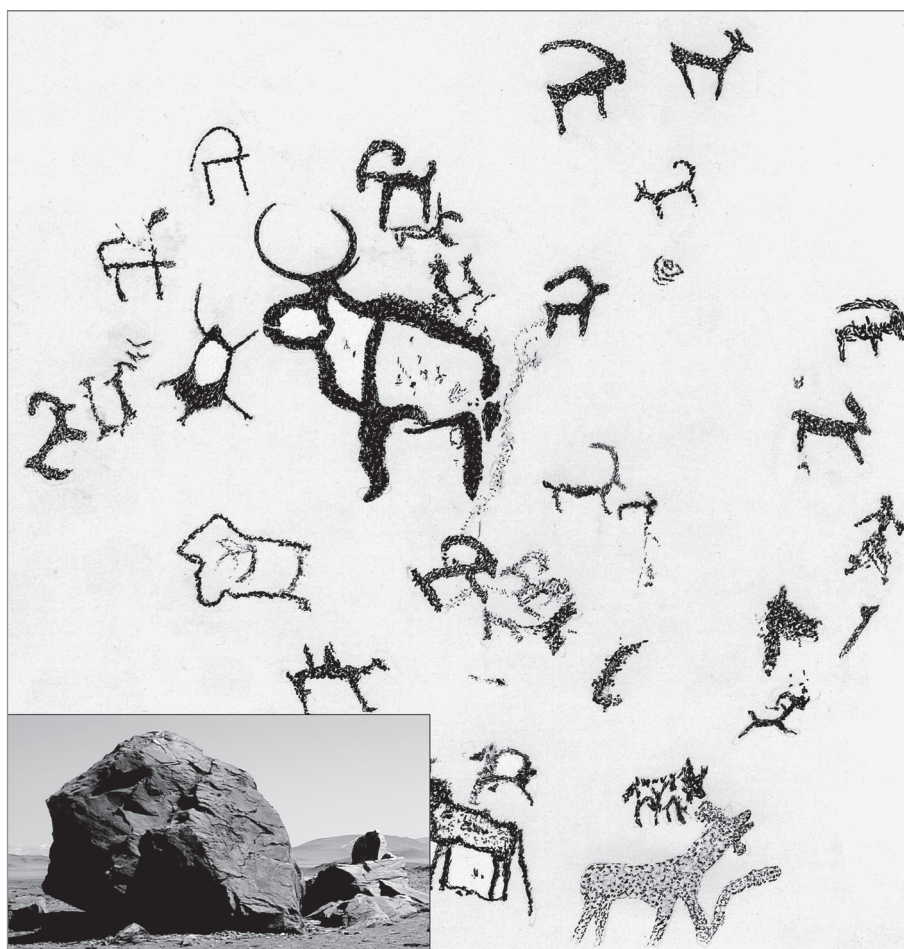

Рис. 1. Петроглифы на спинке «Колыбели Сартакпая». На врезке – фото мегалитов «Сфинкс» и «Колыбель Сартакпая».

«Женщина – бык» – устойчивый семантический блок, распространенный между III и II тысячелетием до н. э. [16, с. 90]. В представлении людей окуневской культуры бык – мужское начало – ассоциировался с понятием (образом) Солнца [17, с. 173]. Божественной супружеской парой Солнца-Быка выступает Женщина-Земля, предстающая в виде зооантропоморфной фигуры, отдаленно напоминающей черепаху.

Надо полагать, изображение мифической пары на «Колыбели Сартакпая» появилось не случайно и должно было отражать суть астрономических явлений, наблюдаемых на ТМК. Действительно, в летнее солнцестояние здесь происходит нечто необычное. При закате начинается настоящий небесный спектакль. Вечером 21 июня Солнце, склоняясь к закату, входит в северо-западные ворота, и его лучи скользят по мегалиту «Сфинкс». Он расположен так, что оставляет в тени мегалит «Колыбель Сартакпая». Но в самый последний момент, перед тем, как Солнцу скрыться за горизонтом, поток света, ранее освещавший только «Сфинкса», попадает на северный край мегалита «Колыбель Сартакпая». Этот поразительный феномен заставляет подумать, а что же происходило около 4 тыс. лет назад, в то время, когда, как пишут исследователи, в основном и создавались подобные мегалитические комплексы [18, с. 100]? Ведь известно, что из-за прецессии земной оси должно было произойти изменение видимого положения Солнца на горизонте при его закате и восходе. Расчеты, выполненные для географической широты комплекса, показывают, что 4 тыс. лет назад точка захода Солнца в дни летнего солнцестояния была на 55 минут севернее, чем в настоящее время, и тогда его последние лучи при закате должны были попадать как раз в центр каменного ложа «Колыбели». Во все остальные дни годового цикла Солнце при закате не заходит так далеко на север, «Сфинкс» не пропускает его лучи на «Колыбель», и мегалит остается в тени. Регулярно, предсказуемо, только раз в году происходит это знаменательное событие, вероятно, воспринимаемое древними как соитие Солнца-Быка и Женщины-Земли, невидимо восседающей на каменном кресле.

Время возникновения ТМК можно оценить также с помощью геодезических измерений и астрономических расчетов величины склонения Солнца. Поскольку склонение Солнца изменяется в небольших пределах и очень медленно, то для комплекса в целом картина восходов и заходов Солнца в характерные дни года меняется со временем незначительно. Для корректной датировки по Солнцу необходимо как можно более точно знать место наблюдателя и направление наблюдения. На ТМК положение наблюдателя хорошо определено как середина «Колыбели Сартакпая», а северная грань «Сфинкса» служит своего рода вертикальным визиром. Для установления эпохи, когда Солнце могло освещать именно середину «Колыбели» при заходе в день летнего солнцестояния, необходимо было определить астрономический азимут направления: центр «Колыбели Сартакпая» – северная грань «Сфинкса». Он был вычислен путем обратных измерений с точностью $\pm 1'$ и составил $130^\circ 21'$. Высота дальнего горизонта по этой линии не превышает $0'2''$, рефракция на горизонте

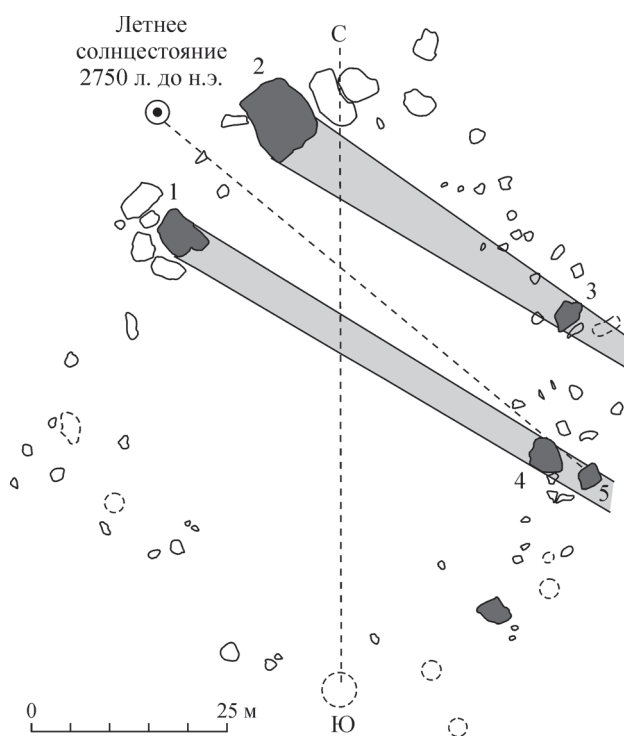

Рис. 2. Схема ТМК, полученная по результатам воздушной съемки. Мегалиты высотой более 1,5 м выделены черной заливкой; круговые выкладки – пунктиром.

1 – «Камень со щелью», 2 – «Богатырь», 3 – «Скиф», 4 – «Сфинкс», 5 – «Колыбель Сартакпая». На схеме показаны тени от мегалитов, наблюдаемые в летнее солнцестояние (2010 г.).

принята равной $35'$. Склонение заходящего Солнца, рассчитанное для его верхнего края, оказалось равным $24^\circ 0,4'$. Это соответствует 2750 г. до н. э.; погрешность данной датировки ± 1000 лет.

Нельзя не отметить и игру теней на ТМК. Когда Солнце опускается к гряде гор, замыкающих на западе Чуйскую степь, от первых самых высоких мегалитов возникают четкие острые тени. Своими стрелами они распространяются на юго-восток вплоть до мегалитов восточных ворот, которые также отбрасывают длинные тени, образуя своеобразный «световой коридор» практически на весь обозреваемый горизонт (рис. 2). Взаимная ориентировка мегалитов такова, что такое совпадение теней происходит лишь в период летнего солнцестояния. Как показывают астрономические расчеты, аналогичный «световой коридор», связывающий самые крупные мегалиты комплекса, возникает и в период зимнего солнцестояния – на этот раз при восходе Солнца на юго-востоке.

Характерная игра теней была замечена и в день летнего солнцестояния при восходе Солнца: появившийся из-за северной гряды гор его диск оказывается на макушке мегалита «Скиф», и тень от него достигает соответствующей каменной выкладки на южной дуге комплекса. Вероятно, пригоризонтные хребты и высота мегалитов, дающих тени на закате и восходе Солнца, определили диаметр кругового построения Тархатинского комплекса.

Следует отметить и другие астрономические события, которые могут наблюдаться из центра «Колыбели Сартакпая». Как показали расчеты, склонение суточной параллели, проходящей через южный край «Богатыря», равно $+28^{\circ}14'$, что с приемлемой точностью указывает на крайнее северное положение Луны. Ее заход в промежутке «Сфинкс» – «Богатырь» наблюдается в полнолуние только в зимний период, в дни, близкие к зимнему солнцестоянию. Свое крайнее положение в полнолуние Луна занимает примерно раз в 56 лет. В том же промежутке во время летнего солнцестояния, сразу после захода Солнца, раз в 19 лет появляется молодой месяц. Следовательно, можно выдвинуть идею совмещения двух наблюдаемых круговращений: годичного солнечного и месячного лунного. В летнее солнцестояние – максимальная высота Солнца, его заход, в дальнейшем его снижение день ото дня, и вместе с тем появление молодого месяца – символа зарождения новой жизни. В зимнее солнцестояние – заход полной Луны, ее последующее убывание – и восход зимнего Солнца, после чего продолжительность дня начнет возрастать, давая надежду на всеобщее возрождение.

Логично предположить также астрономическую значимость «Колыбели Сартакпая» как визира в дни равноденствий, поскольку из центра комплекса «спинка» мегалита выглядит в восточном направлении как вертикальный столбик. Проведенные натурные наблюдения 20 марта подтверждают это предположение. При заходе и восходе Солнца тень от спинки имеет стреловидную форму (ее ширина минимальна, а длина максимальна). Следует добавить, что тени от «Сфинкса» и «Скифа» распространяются до соответствующих монолитов на западе, фиксируя часть противоположной дуги круга, подобно тому, как это происходит с тенями от мегалитов в летнее солнцестояние. В другие сезоны теневая картина не такая четкая и определенная.

Таким образом, ключевым объектом в качестве места наблюдателя можно считать «Колыбель Сартакпая», с которой в ТМК связаны наиболее значимые астрономические явления, происходящие со светилами в дни солнцестояний и равноденствий.

Авторы выражают благодарность О.Н. Сидорову за бескорыстную помощь, без которой экспедиционные поездки на ТМК не могли бы состояться.

ЛИТЕРАТУРА

1. Кубарев В.Д. Археологические памятники Кош-Агачского района // Археологический поиск. Новосибирск, 1980. С. 69–91.
2. Соёнов В.И., Шитов А.В., Черемисин Д.В., Эбель А.В. Тархатинский мегалитический комплекс // Древности Алтая. Известия лабораторий археологии : межвуз. сб. науч. тр. Горно-Алтайск, 2000. № 5.
3. Марсадалов Л.С. Работы Саяно-Алтайской экспедиции в 2003 г. // Археологические экспедиции за 2003 г. СПб., 2004. С. 48–59.
4. Марсадалов Л.С. Тархата – алтайский «Стоунхендж» // Тезисы докладов Восьмого съезда Астрономического о-ва и междунар. симпозиума «Астрономия-2005: Состояние и перспективы развития». М., 2005 (Тр. Гос. астроном. ин-та им. П.К. Штернберга. Т. 78).
5. Марсадалов Л.С. Методические аспекты изучения древних святилищ Саяно-Алтая // Теория и практика археологических исследований : сб. науч. тр., посв. 60-летию Ю.Ф. Кирюшина. Барнаул, 2005. Вып. 1.
6. Марсадалов Л.С. Отчет об исследовании древних святилищ Алтая в 2003–2005 годах // Материалы Саяно-Алтайской археол. экспедиции Гос. Эрмитажа. СПб., 2007. Вып. 5.
7. Марсадалов Л.С. Древнее святилище в Тархате на Алтае // Археологические материалы и исследования Северной Азии в древности и средневековье. Томск, 2007. С. 206–213.
8. Устинов К. Поцелуй Богини. Ульяновск, 2011.
9. Республика Алтай: Краткая энциклопедия. Новосибирск, 2010.
10. Потемкина Т.М., Юревич В.А. Из опыта археоастрономического исследования археологических памятников (методический аспект). М., 1998.
11. Маточкин Е.П. Петроглифы Тархатинского мегалитического комплекса // Древности Сибири и Центральной Азии : сб. науч. тр. / под ред. В.И. Соенова. Горно-Алтайск, 2010. № 3 (15).
12. Маточкин Е.П. Новые петроглифы Бии // Памятники древних культур Сибири и Дальнего Востока. Новосибирск, 1986. С. 20–23.
13. Молодин В.И., Маточкин Е.П. Вторая Турочакская писаница Горного Алтая // Природа. 1992. № 8.
14. Kubarev V.D., Jacobson E. Repertoire des petroglyphes D'Asie Centrale. Fascicule N3: Sibirie du sud 3: Kalbak-Tash I (Republique de l'Altaï). Paris, 1996.
15. Кубарев В.Д. Наскальное искусство Алтая. Новосибирск; Горно-Алтайск, 2003.
16. Первобытное искусство: проблема происхождения / под ред. Я.А. Шера. Кемерово, 1998.
17. Хлобыстина М.Д. Древнейшие южносибирские мифы в памятниках окуневского искусства // Первобытное искусство. Новосибирск, 1971.
18. Стафеев С.К., Томилин М.Г. Пять тысячелетий оптики: предыстория. СПб., 2006.

УДК 903.27

В.Е. ЛАРИЧЕВ

**«НЕДОСТАЮЩЕЕ ЗВЕНО» – МЕЗОЛИТИЧЕСКОЕ ВРЕМЯ
(К ПРОБЛЕМЕ СОХРАНЕНИЯ ИНФОРМАЦИОННЫХ ТРАДИЦИЙ
В КУЛЬТУРАХ ПОСТПАЛЕОЛИТИЧЕСКОЙ ЭПОХИ ЕВРАЗИИ)
ЧАСТЬ II. СЛОЖНЫЕ ПО СТРУКТУРЕ ИСТОЧНИКИ***

Институт археологии и этнографии СО РАН,
г. Новосибирск
e-mail: alkin-s@yandex.ru

В статье продолжена реконструкция систем счисления времени в культурах мезолита Западной Европы как наследия календаристики культур палеолита этого региона. Поиск осуществлялся посредством анализа числового контента двух многофигурных и многознаковых композиций искусства гротов Леванта (Испания) и Сицилии. Расшифровка информационного контента того и другого засвидетельствовала идентичность его содержанию простых по структурам источников.

Ключевые слова: эпоха мезолита, астрономия, календари, первобытное искусство, семантика образов и знаков, интерпретация, числовые «записи» времени, протонаука, астральная религия.

Вводные замечания, постановка проблемы и программная цель исследования. Задача «покончить с механистической трактовкой первобытного искусства», поставленная в начале 1930-х гг. В.И. Равдоникасом, оказалась в особенности трудной для решения применительно к многофигурным и многознаковым композициям мезолита. В них просматриваются намеки на повествовательные сюжеты, но предлагаемые «прочтения» изложенного «художественным языком» оставляют желать лучшего. Причина того очевидна – *недоказательность* предлагаемых интерпретаций. Задача этой публикации – продолжить *доказательную* интерпретацию числовых «записей» в календарных системах культур Западной Европы эпохи мезолита.

Методические установки. Методика остается идентичной приемам извлечения информации из многофигурных, повествовательного плана композиций искусства верхнего палеолита (см., напр. [1, с. 3–12; 2, с. 142–171; 3, с. 54–62; 4, с. 41–50; 5, с. 44–51]): сначала следует установить числовой контекст в рядах знаков и образов, затем тестировать выявленные числа на предмет определения характера их и в заключение приступить к расшифровке («прочтению») композиций как своего рода художественно-повествовательных «текстов».

Источники. Их датировка и традиционного плана интерпретации. Для астроархеологической направленности анализа выбраны две сюжетного характера композиции эпохи мезолита (см. [6; 7, р. 328–356]). Первая обнаружена на стене святилища Лас Чапаррос (Испания, Левант). В ней антропоморфные

фигуры совмещены с зооморфными изображениями и строчками так называемых геометрических знаков (рис. 1). Персонажи этой сцены примечательны яркой экспрессивностью. Они презентованы исследователем как лучники, участники успешной охоты на крупного животного. Во второй сцене святилища грота Делль Аддора (Северная Сицилия) большая часть человеческих фигур размещена по кругу, а из животных самое реалистическое располагается вблизи «хоровода», а остальные, схематичные, – в отдалении (рис. 2). Знаковый отдел композиции представлен скоплением множества коротких штрихов. Интерпретация второй «картины» ограничена репликой о возможном исполнении одним (или двумя?) участниками «хоровода» сложного циркового трюка.

Сцена охоты двух лучников святилища Лас Чапаррос. Представлю сначала альтернативную интерпретацию сцены, для чего воспользуюсь пифагорейским методом «раскрытия непонятого» в приложении к образам и знакам искусства мезолита. Композиция исполнена художником в классическом для искусства Леванта стиле. Она, однако, примечательна тем, что две из трех структур ее составляют строчки самых ранних для искусства Леванта «геометрических изображений» (см. рис. 1, а и б). Рассмотрим их с учетом вида знаков, количества их в отдельных строчках, а затем определим характер выявленных чисел посредством тестирования.

Структура а: правую часть ее составляют два знака, размещенные внутри прямоугольника (они образуют крест). Ниже размещается вертикальная строчка из 13 большей частью угловатого вида знаков. Слева такую же вертикально ориентированную строчку составляют 12 того же вида знаков. Обе строчки объединяют в блоки вертикально ориентированные линии, а между блоками располагаются еще две лишние

* Работа выполнена в рамках Федеральных целевых программ «Научные и научно-педагогические кадры инновационной России» (ГК 02.740.11.0353) и «Культурное наследие России». Начало см.: Гуманитарные науки в Сибири. 2010. № 4.

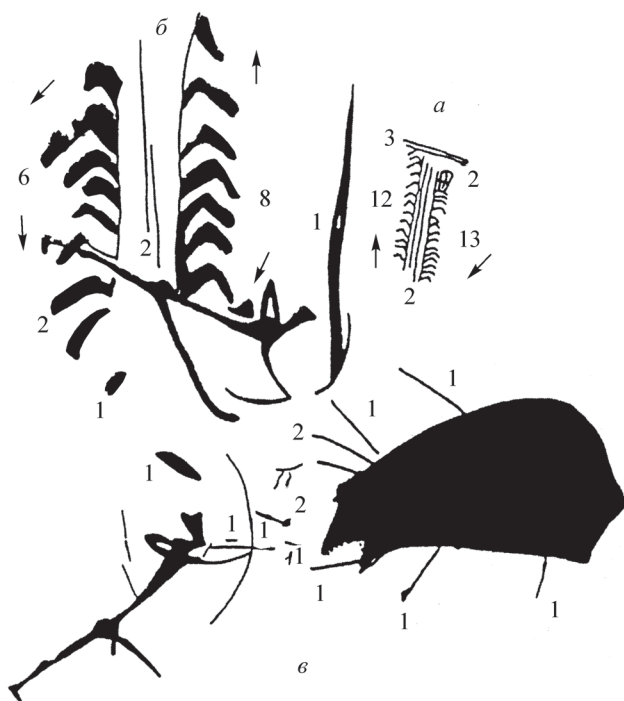

Рис. 1. Сцена охоты двух лучников святилища Лас Чапаррос (Испания, Левант). Числовая составляющая фигур и знаков.

знаков линии (см. число 2). Выше строчек располагаются, как бы прикрывая сверху всю **структуру а**, две горизонтально ориентированные линии. Нижняя имеет вид рогульки и, надо полагать, символизирует число 2, а верхняя, простая, символизирует число 1. Всего знаков в структуре (без учета двух вертикальных, лишенных знаков линий, разъединяющих строчки 13 и 12): $2 + 13 + 12 + 2 + 1 = 30$.

Число 30 – идеальное для счисления времени лунно-солнечного года, усредненного периода длительности лунного и солнечного годов:

$$(354,367 \text{ сут.} + 365,242 \text{ сут.}) : 2 = 359,8045 \approx 360 \text{ сут.}$$

Это означает, что 12-кратное счисление месяца длительностью 30 сут. выведет на рубеж окончания лунно-солнечного года, удобного для фиксации календарно особо значимых моментов его – двух солнцестояний (летнее – около 22 июня; зимнее – около 22 декабря), двух равноденствий (весеннее – около 22 марта; осеннее – около 22 сентября) и четырех межсезоний (даты эти разделяют пары солнцестояний и равноденствий – ≈ 5 февраля, ≈ 6 мая, ≈ 8 августа и ≈ 8 ноября; детализация этого факта излагается далее при анализе чисел **структуры б**): $30 \text{ сут.} \times 12 = 360 \text{ сут.} \approx 359,8045 \text{ сут.}$

Определение характера самого числа 30 не составляет труда вследствие близости его продолжительности синодического (относительно Солнца) оборота Луны: $30 \text{ сут.} : 29,5306 \text{ сут.} = 1,0158^1 \approx 1$ синодический месяц.

Этот цикл был особенно популярен среди календаристов древности вследствие связи его с тремя видимыми фазами ночного светила, которые отделяли одну от другой $\approx 7-8$ сут. (такая особенность облегчала отслеживание времени предельно короткими периодами). Поскольку 30 сут. несколько превышают истинную продолжительность синодического оборота Луны ($30 \text{ сут.} - 29,5306 \text{ сут.} = 0,4694 \text{ сут.}$), то во избежание затруднительных расчетов, связанных с учетом дробей, календаристы эпохи первобытности вели длительное, в течение лунного года, счисление времени парами месяцев, в одном из которых было 30, а в другом 29 сут., что и привело к почти полной ликвидации дробности цикла:

$$(30 \text{ сут.} + 29 \text{ сут.}) : 29,5306 \text{ сут.} = 1,9979 \\ \approx 2 \text{ синодических месяца.}$$

В структуре **а** святилища Лас Чапаррос прослеживается именно такое счисление времени в пределах лунного года: в первый месяц считывались все 30 знаков, а во второй вне учета оставался 1 знак, с наибольшей вероятностью – верхняя горизонтально ориентированная линия, расположенная над линией с рогулькой (Y). Ясно, что 6-тикратное счисление знаков **структуры а** по такой схеме выводило на рубеж окончания лунного года: $(30 \text{ сут.} + 29 \text{ сут.}) \times 6 = 354 \approx 354,367 \text{ сут.}$

В заключение реконструкции системы счисления синодического лунного года определимся с порядком счисления блоков **структуры а**. Если два знака, размещенных внутри прямоугольника, были сутками новолуния (невидимости Луны), то тогда, по окончании отсчета дней по знакам 13 сверху вниз, должно было наступить полнолуние, а по знакам 12 и 3 (или 2) снизу вверх должны были фиксироваться фазы ущерба последней четверти и серпов месяца кануна очередного новолуния.

Структура а позволяет также считывать иной вариант лунного месяца – сидерический (звездный, длительность оборота Луны на фоне звезд, реальная длительность периода оборота ее вокруг Земли – 27,32 сут.).

Этот цикл считывался в том же порядке по знакам блока 13, блока 12, а затем по 2 или 3 знакам верхнего блока. Чередование пар месяцев то из 27 ($13 + 12 + 2$), то из 28 сут. ($13 + 12 + 3$) опять-таки позволяло не задумываться о дробности сидерического цикла и выходить на рубеж окончания сидерического года, не учитывая в последнем месяце знак с рогулькой (2 сут.):

$$(27 \text{ сут.} + 28 \text{ сут.}) : 27,32 = 2,0131 \\ \approx 2 \text{ сидерических месяца;}$$

$$[(27 \text{ сут.} + 28 \text{ сут.}) \times 6] - 2 \text{ сут.} = 328 \approx 327,84 \text{ сут.}$$

Естественен вопрос: как астрономы-календаристы святилища Чапаррос выравнивали лунный счет времени с временем солнечным? Ответ получим после презентации **структуры б**, расположенной левее и выше обоих лучников.

Структура б: правую часть ее составляет длинная и широкая, чуть волнистая, вертикально ориентирован-

¹ Счисление времени велось в эпоху первобытности с точностью 0,02–0,03 сут., что подтверждают реконструкции палеолитических календарей Европы и Сибири.

ная линия с тонкой дугой на нижнем конце. Она означает число 1 или 2 (в зависимости от условия – учитывается или не учитывается *факультативный знак*, т. е. *тонкая дуга на нижнем конце вертикальной линии*). Левее располагается блок из 8 угловатых знаков, образующих вертикально ориентированную числовую «запись». Ее отделяет от такого же вида «записи» числа 6 (или 7 – если учитывать ступню ноги стрелка), 2 вертикально ориентированные линии, без знаков, – короткая и длинная. Ниже далеко отставленной назад ноги лучника располагаются еще 4 знака ($2 \rightarrow 1 \rightarrow 1$). Всего знаков во втором блоке без учета 4, видимо, факультативных (1 тонкая дуга, 2 вертикальные линии, 1 ступня): $1 + 8 + 6 + 4 = 19$.

Эти «записи» **структуры б** позволяют при суммировании их с «записями» **структуры а** реконструировать наиболее рациональную систему счисления *лунно-солнечного года*, еще один вариант счисления *лунного года*, выявить приемы *выравнивания лунного и лунно-солнечного времени со временем солнечным* и установить несколько вариантов *многолетнего счисления времени*, основу которых составляло время *лунное*.

Обратимся сначала к *лунно-солнечному году*. Если суммировать 30 знаков **структуры а** с 15 знаками **структуры б**, расположенными выше тела и отставленной назад ноги лучника (см. $1 \rightarrow 8 \rightarrow 6$), то получим 45, высоко календарно-астрономически значимое число, которое составляет длительность $1\frac{1}{2}$ синодического месяца и $\frac{1}{8}$ часть *лунно-солнечного года*: 45 сут. : 29,5306 сут. = $1,5238 \approx 1\frac{1}{2}$ син. мес.;

$$360 \text{ сут.} : 45 \text{ сут.} = 8 \text{ «месяцев»}$$

$$\text{по } 1\frac{1}{2} \text{ син. мес. каждый.}$$

Если отслеживать *лунно-солнечный год* «месяцами» по 45 сут., то начало и окончание каждого такого периода автоматически определяют 8 кардинально значимых моментов года – 2 солнцестояния, 2 равноденствия и 4 даты межсезоний, равно отстоящие от солнцестояний и равноденствий. Именно такая система счисления времени, позволяющая одновременно отслеживать *время сезонное* и *лунное*, использовалась жрецами Средиземноморья, Ближнего и Среднего Востока в качестве регулятора хозяйственной деятельности и указателя кульгово-ритуальных празднеств.

Лунный год мог считываться с *двукратным подключением* к **структуре а** 15 знаков **структуры б** и *шестикратным* – 14 знаков ее же (1 знак, перечеркнутый линией отставленной назад ноги охотника, не считывался). В итоге получим искомое:

$$[(30 \text{ сут.} + 15 \text{ сут.}) \times 2] + [(30 \text{ сут.} + 14 \text{ сут.}) \times 6] =$$

$$= 354 \approx 354,367 \text{ сут.}$$

Такой вариант счисления *лунного года* позволял отслеживать 8 *сезонных* и *межсезонных* моментов года. Он же позволяет высказать предположение, что год у жрецов святилища Лас Чапаррос начинался со дня *осеннего равноденствия*, поскольку 89 сут. ($45 + 44$) близки длительности *осеннего астрономического сезона*.

Тот же отдел **структуры б** позволяет *выравнивать лунный год с годом солнечным*. Для этого после счисления 354 сут. по знакам **структуры а** в счетную систему

следовало ввести *интеркалярий* – $1 \rightarrow 8 \rightarrow 2$ (линии, лишенные знаков **структуры б**). В итоге получим: 354 сут. + 11 сут. = 365 сут.

Такой же результат получим, если после счисления *двух лунных лет* по знакам **структуры а** в счетную систему введем иной *интеркалярий* – *все знаки структуры б* – $1 \rightarrow 8 \rightarrow 2 \rightarrow 6 \rightarrow 1$ (ступня) $2 \rightarrow 1 \rightarrow 1 = 22$. В итоге получим:

$$(354 \text{ сут.} \times 2) + 22 \text{ сут.} = 730 \text{ сут.};$$

$$730 \text{ сут.} : 365,242 \text{ сут.} = 1,9986 \approx 2 \text{ солнечных года.}$$

Тот же результат получим, если после счисления *трех лунных лет* по знакам **структуры а** в счетную систему введем *интеркалярий* – *все 30 + 2 знака структуры а* и 2 знака **структуры б** (два первых знака – длинная, волнистая линия с тонкой дугой на конце или две лишенные знаков вертикальные линии). В итоге получим:

$$(354 \text{ сут.} \times 3) + (32 \text{ сут.} + 2 \text{ сут.}) = 1096 \text{ сут.};$$

$$1096 \text{ сут.} : 365,242 \text{ сут.} = 3,0007 \approx 3 \text{ солнечных года.}$$

Как бы ни были интересны *три варианта интеркаляций*, выводящие на рубежи *солнечных лет* – одного, двух или трех, все же самое значительное в **структуре б** – «запись» *лунно-солнечного цикла продолжительностью 19 лет*. Его, повторюсь, *составляют все знаки структуры, исключая 2 вертикально ориентированные линии и 1 ступню воина* (это знаки *факультативные*,

Рис. 2. Сцена с «акробатами» святилища Делль Аддора (Италия, Северная Сицилия).

т. е. те, что подключались к счетной системе лишь в строго определенных случаях): $1 \rightarrow 8 \rightarrow 6 \rightarrow 2 \rightarrow 1(18) \rightarrow 1(19)$.

Обращаю в этой связи внимание на характерный вид двух последних единичных знаков: *знак 18 – короткий, вертикально ориентированный, а знак 19 – длинный, ориентированный косо, почти горизонтально.* Это, по-видимому, означает следующее: **структура б** призвана отражать два очень высоко календарно-астрономически значимых числа – 18 (последний в «записи» знак не учитывается) и 19 (все знаки учитываются). *Календарная характеристика этих двух чисел была раскрыта в I части статьи. Речь идет о знании длительности так называемого большого лунного сароса – 56-летия* (подробности см. в I части статьи).

Теперь остается выяснить, какую информацию призвана отразить **нижняя структура композиции** – в. Она представляет собой сцену убийства охотником крупного животного. Базовую часть числовой записи **структуры в** составляют 7 стрел, вписавшихся в тело его, 5 знаков, оконтуривающих верхнюю часть головы, и 1 стрела, которую охотник приготовился выпустить из лука: $1 \rightarrow 1 \rightarrow 1$ (нижняя челюсть и нижняя часть туловища) $\rightarrow 1 \rightarrow 1 \rightarrow 2$ (верхний контур туловища и шеи) $\rightarrow 3 \rightarrow 2$ (короткие черточки около верхней челюсти) $\rightarrow 1$ (стрела в луке) = 13.

Оба числа, 12 и 13, календарно-астрономически значимы. Они отражают, соответственно, количество месяцев в обычном году и году *интеркаляционном*, когда в счетную систему включался дополнительный месяц, призванный *выровнять лунное время со временем солнечным*. Три стрелы нижнего контура животного призваны, вероятно, *намекнуть на осенний астрономический сезон* (≈ 89 сут. – 3 синодических месяца) и *осеннее равноденствие*, с которого начинался год, гон промысловых животных и осенняя охота.

Животное, установить вид которого не удалось, символизирует собой уходящий в прошлое год, стрелы – месяцы его, а охотник – антропоморфное божество, которое предопределяет приход нового времени и всеобщее обновление.

«Сцена с акробатом» святилища грота Делль Адора (Северная Сицилия). Не имея возможности, из-за допустимого объема статьи, детально презентовать отдельные структуры (а, б, в, г) композиции, представленной на рис. 2, ограничусь краткими интерпретационными репликами:

структура а – 10 размещенных по кругу и 2 в центре его человеческих фигур символизируют *месяцы обычной длительности года*, а 13-я – фигура оленя – *интеркаляционный месяц лунного года, продолжительностью 388 сут.*;

структура б – 3 фигуры людей, размещенные ниже «записи» числа 13, являются, видимо, символами *3 лунных годов*, которые завершались *интеркаляцией дополнительного месяца* (34 сут.);

структура в, расположенная левее «хороводов» **структур а и б**, состоит из большого количества коротких линий и разного вида штрихов, которые, возможно,

представляют собой «записи» *сезонных*, а быть может, и *иной длительности периодов*. Сохранность этой части композиции и, соответственно, качество копии исключают проведение детальной расшифровки числового контента знаковых строчек;

структура г, расположенная ниже трех фигур людей, сохранилась тоже плохо. Частично уцелевшие фигуры лошадей, возможно, олицетворяют жертвенных животных.

Краткие итоги поиска. Проведенные расшифровки композиций святилищ Лас Чапаррос и Делль Адора подтвердили результаты «прочтений» календарно-числовых «записей», обнаруженных в других гротах и пещерах Испании: Абри де лас Виньяс, Канчаль де Маома, Ла Пилетта и Лас Бунтрэ. Они в той же мере доказательно засвидетельствовали умение жрецов мезолита Леванта и Сицилии отслеживать время *синодическое и сидерическое, годовое время (лунное, лунно-солнечное и солнечное)*, а также *многолетия*, в том числе *саросного типа, превышающие полвековую длительность периоды*. Помимо того стало, наконец, понятно самое загадочное в многофигурных композициях обстоятельство: для чего знаковые «записи» совмещались с реалистически выполненными фигурами? *То были сюжетного плана повествования, действия которых разворачивались в потоках времени. Для того и совмещались, чтобы одно дополняло и разъясняло другое.*

В целом же «картины» на скальных плоскостях святилищ Леванта представляют собой художественно выполненные изложения мифов, исполненные посредством реалистических фигур, знаков и символов. Они заключают в себе числовой, календарно-астрономического характера контент, который позволяет отнести эти мифы к разряду астрально-космических и определить оптимальный путь интерпретаций «картинных галерей» пещерных святилищ верхнего палеолита Испании и Франции.

ЛИТЕРАТУРА

1. Ларичев В.Е. Космографическая миниатюра из Шато дез Эйзи («Древо измерений», Луна и бизон в искусстве древнекаменного века) // Гуманитарные науки в Сибири. 1995. № 3.
2. Ларичев В.Е. Невидимое → видимое (методика анализа образов искусства древнекаменного века, их семантика и проблема зарождения первобытного художественного творчества) // Методы естественных наук в археологических реконструкциях. Новосибирск, 1995. Ч. 2.
3. Ларичев В.Е. Космографическая миниатюра из Раймонден (Солнце, Луна и Вселенская жертва в искусстве древнекаменного века) // Гуманитарные науки в Сибири. 1996. № 3.
4. Ларичев В.Е. Космографическое панно из «Колодца» Ляско (созвездия эклиптики и экватора в образах искусства древнекаменного века) // Гуманитарные науки в Сибири. 1997. № 3.
5. Ларичев В.Е. Космографическая композиция из «Большого зала» Ляско // Гуманитарные науки в Сибири. 1998. № 3.
6. Beltran A. Arte repetre preistorica. Mulano: Editoriale jaca, 1953.
7. Pluccennik M. The Coastal Mesolithic of the European Mediterranean // Mesolithic Europe / ed. by G. Bailey. N.Y.: Cambridge University Press, 2008.

УДК 394

Е.А. ПИВНЕВА

ИЗ ИСТОРИИ ЭТНОГРАФИЧЕСКОГО ИЗУЧЕНИЯ МАНСИ

Институт этнологии и антропологии
им. Н.Н. Миклухо-Маклая РАН,
г. Москва
e-mail: info@iea.ras.ru

В статье представлен историографический обзор основных публикаций по этнографии одного из малочисленных народов Западной Сибири – манси. Особое внимание уделено современному этапу этнологических исследований, получившему в последние десятилетия принципиально новое содержание благодаря активному включению в этот процесс самих представителей мансийского народа.

Ключевые слова: вогулы, манси, обские угры, этнографические исследования, этнокультурное наследие.

В настоящей статье представлен обзор этнографических работ, относящихся к одному из малочисленных народов Западной Сибири – манси¹. Основное внимание сосредоточено на монографических публикациях, изданных в России.

В ранних исторических источниках манси упоминаются под именем вогулы. В XV – начале XVI в. так называли зауральских пелымских манси, а позже – население в бассейнах Туры, Тавды и Конды в Зауралье и в бассейне Камы на западе от Урала. Самым ранним известием о вогулах считается «Житие Стефана Пермского» (конец XIV в.). В дальнейшем отрывочные сведения о расселении, занятиях, верованиях вогулов включались в русские летописи, карты, грамоты, челобитные и другие документы. На протяжении практически всей истории изучения вогулов-манси вместе с ними обычно рассматриваются остяки-ханты – соседний близкородственный народ (манси и ханты имеют общее название – обские угры, в отличие от дунайских угров – венгров). Первым трудом монографического характера об обских уграх стало относящееся к 1715 г. «Краткое описание о народе остяцком» Григория Новицкого, который в составе миссии митрополита Филофея Лещинского участвовал в крещении вогулов и остяков [1].

В XVIII в., в связи с реформаторской деятельностью российского правительства, начался планомерный и целенаправленный сбор сведений о народах, населяющих восточные провинции Российского государства. Важный вклад в процесс накопления знаний о народах Сибири внесли участники экспедиции, организованной в 1725 г. Российской академии наук. Одному из них, Г.-Ф.Миллеру, принадлежит

заслуга создания фонда копий документов из архивов сибирских городов. В настоящее время они хранятся в собраниях РГАДА («Портфели Миллера») и являются ценнейшим источником по истории и этнографии народов Сибири. Большое научное значение имеет фундаментальный труд Г.-Ф.Миллера «История Сибири», включающий разностороннюю историко-этнографическую информацию (Т. 1. М., 1937, 1999; Т. 2. М.; Л., 1941; М., 2000; Т. 3. М., 2005).

Ко второй половине XVIII в. относятся поездки в Сибирь П.-С. Палласа, И.И. Лепехина, И.Г. Георги. В их трудах помимо прочих сведений можно найти уникальную этнографическую информацию о манси. Так, в сочинении П.-С. Палласа «Путешествие по разным провинциям Российского государства» приводятся данные об охоте, пище, жилище, средствах передвижения, одежде, верованиях и обрядах, социальной организации верхотурских манси [2]. В работу И.И. Лепехина «Дневные записки путешествия по разным провинциям Российского государства в 1771 г.» включены этнографические материалы о южных манси: занятиях, жилище, социальной организации, верованиях, народной медицине и пр. [3]. Из трудов, вышедших в свет в XVIII в., следует отметить также публикацию П. Любарских, в которой приводятся подробные сведения о численности, расселении, занятиях, пище, одежде, жилище, религиозных представлениях чердынских манси [4]. Особая значимость этих работ состоит в том, что они донесли до нас некоторые особенности культуры исчезнувших к настоящему времени групп. Ценные исторические данные о манси содержатся в первом обобщающем этнографическом труде о народах России «Описание всех в Российском государстве обитающих народов» И.Г. Георги [5].

Создание в 1845 г. Русского географического общества с отделением этнографии привело к увеличению числа экспедиций в разные районы Сибири и накоплению информации о населяющих ее народах. Этнографические материалы публиковались в тот период в специальных сериях: «Записки ИРГО»,

¹ Современные манси расселены на обширных пространствах Обь-Иртышского бассейна в административных границах Ханты-Мансийского автономного округа – Югры (9 894 чел.), небольшие группы – в Ямало-Ненецком автономном округе (около 170 чел.) и в Свердловской области (около 250 чел.). Общая численность по переписи 2002 г. – 11 432 чел.

«Вестник ИРГО», «Известия ИРГО», «Труды экспедиции РГО», «Этнографический сборник РГО». В этих изданиях печатали свои статьи о манси С. Мельников (1852), иеромонах Макарий (1853), Н.А. Абрамов (1857), Н.И. Кузнецов (1888) и др.

Значимый вклад в изучение народов Западной Сибири внесли краеведы. В конце 1880-х гг. было образовано Тобольское общество изучения края. Один из видных его членов – этнограф, краевед и географ А.А. Дунин-Горкавич (в 1890–1904 гг. возглавлял Самаровское лесничество Тобольской губ.) оставил нам ценнейшие работы, среди которых особое место принадлежит фундаментальному трехтомному труду «Тобольский Север». Это своеобразная энциклопедия, где дано подробное описание природных богатств, экономики края и жизни населяющих его народов [6–8]. Сюжеты истории манси широко представлены в творчестве уральского писателя-краеведа К.Д. Носилова (1904; и др.) [9].

Сведения о манси включены в общие труды по истории Сибири конца XIX – начала XX в. («Описание Западной Сибири» И. Завалишина, «История Сибири» В.К. Андриевича, «Очерки истории Сибири до начала XIX в.» В.И. Огородникова и др.). В числе публикаций, непосредственно посвященных манси, можно выделить работы Н. Малиева (1872), А.П. Орлова (1873), Н.В. Сорокина (1873), Л.Х. Симоновой (1883), Л. Корикова (1898), И.Н. Смирнова (1904), И.Г. Остроумова (1904), И.Н. Глушкова (1900), В. Павловского (1907), П.П. Инфантьева (1910), В.В. Пигнатти (1912).

С конца XIX в., по мере обобщения этнографических данных и архивных материалов, стала возможна разработка вопросов, касающихся численности и расселения народов Сибири. Одним из первых пожелал доискаться, «сколь людна была Сибирь», П.А. Словцов в его «Историческом обозрении Сибири» (1838–1844; изд. 2-е – 1886). С.К. Патканову принадлежит заслуга обработки материалов Первой всеобщей переписи населения России 1897 г. (1911, 1912) [10; 11]. Богатый статистический архивный материал ввел в научный оборот П.Н. Буцинский (1899) [12]. Он внес также заметный вклад в изучение христианизации народов Северо-Западной Сибири (1893) [13].

Ценное описание религиозных традиций обских угров принадлежит Н.Л. Гондатти, совершившему в 1888 г. экспедицию из Тобольска до Березова и Обдорска. Его работы содержат уникальный материал по священным местам, культу медведя, ритуальной практике, шаманству. Гондатти первым привел сведения о делении манси на две большие группы – Пор и Мось, назвав их родами, или поколениями, что в дальнейшем стало отправной точкой в исследованиях социальной организации обских угров [14; 15].

Необходимо также упомянуть о ценном вкладе венгерских и финских ученых в изучение культуры обских угров, особенно языка и фольклора. Долгосрочные комплексные исследования среди хантов и манси позволили им собрать уникальный материал, который лег в основу многих работ и пополнил фонды различных музеев Венгрии и Финляндии. Первым из венгерских исследователей в Сибири побывал А. Ре-

гули. В 1840-е гг. он собрал уникальные материалы по языку и фольклору, увидевшие свет только после смерти ученого. В конце 1880-х гг. состоялась поездка к манси Б. Мункачи, который занимался расшифровкой текстов А. Регули и сбором информации по мансийскому устному творчеству.

Долгосрочные экспедиции в Северном Приобье в 1840-х гг. провел финн М.А. Кастрен, оставивший для науки богатейшее творческое наследие [16]. В конце 1850-х и в 1870–1880-е гг. среди манси и хантов работал финский ученый А. Алквист. Его путевые записи и этнографические заметки были опубликованы в России в 1999 г. [17]. К концу XIX в. относятся экспедиции в Западную Сибирь финского исследователя У.Т. Сирелиуса [18].

Существенный вклад в изучение мировоззрения финно-угорских народов внес финский лингвист и этнограф К.Ф. Карьялайнен. Результатом его почти пятилетних изысканий среди хантов и манси (1898–1902) стал фундаментальный обобщающий труд «Религия югорских народов». На русском языке в переводе Н.В. Лукиной он издан в Томске в 1994–1996 гг. Одновременно с Карьялайненом изучением культуры обских угров занимался финн Х. Паасонен. В 1900–1902 гг. он записал большой объем фольклорных текстов, подготовленных к печати Е. Вертеш в конце XX в. В 1901–1906 гг. в научной командировке среди манси находился финский ученый А. Каннисто. Кроме материалов в области мансийского языка и фольклора, ему удалось собрать сведения о расселении и численности, религиозных представлениях и обрядах манси (1911 и др.) [19]. Различные аспекты культуры обских угров продолжают привлекать зарубежных исследователей вплоть до наших дней (К. Вавра, К. Вилкуне, П. Вереш, М.С. Бакро-Надь, Е. Шмидт, А. Винцене-Кережи и др.).

В целом к началу XX в. был накоплен обширный фонд знаний о манси, в том числе по различным территориальным группам и отдельным аспектам материальной и духовной культуры. Ценность трудов дореволюционного периода заключается в фиксации характерных черт мансийского общества, не затронутого кардинальными социально-экономическими преобразованиями, – в описании «традиционной» культуры.

В советской этнографии первой половины XX в. значительное место занимали вопросы, связанные с историей, социальной организацией и общественным строем обских угров. В числе наиболее значимых публикаций следует отметить книгу С.В. Бахрушина «Остяцкие и вогульские княжества в XVI–XVII вв.», основанную на обширных архивных, этнографических, лингвистических и других источниках (1935) [20]. И.И. Огрызко ввел в научный оборот документы Тобольской духовной консистории, на базе которых описал политику правительства в отношении религиозных традиций обских угров (1941) [21]. Большой объем относящихся к манси архивных материалов проанализирован А.И. Мурзиной. Ее работы содержат важные выводы, касающиеся исторических форм социальных отношений у манси, а также данные о численности,

расселении, хозяйственных занятиях этого народа в XVIII–XIX вв. (1953 и др.) [22].

Особое место среди сибиреведов занимает этнограф и археолог В.Н. Чернецов. Применяв комплексный подход к изучению культуры, он создал труды по этногенезу обских угров, их общественному развитию, культуре, определив на долгие годы направления дальнейших угроведческих исследований. Именно ему принадлежит гипотеза происхождения обских угров, не утратившая своего значения и сегодня [23–25]. Часть работ Чернецова, в том числе его полевые материалы, была опубликована уже во второй половине XX в. [26].

Вторая половина XX в. – период наиболее активного и всестороннего изучения сибирских народов. Важным научным событием стал выход в свет тома «Народы Сибири» в серии «Народы мира» (М.; Л., 1956), а также «Историко-этнографического атласа Сибири» (М; Л., 1961). Эти фундаментальные труды, подготовленные авторитетнейшими специалистами того времени, содержат разностороннюю историко-этнографическую информацию о народах Сибири, в том числе об обских уграх.

К наиболее значимым монографическим работам обобщающего характера, в которых можно найти ценные сведения о манси, относятся книги Б.О. Долгих о социальной организации народов Сибири [27], С.И. Иванова об орнаменте и скульптуре народов Сибири [28; 29], Ю.Б. Симченко о тамгах народов Сибири [30]. Широкий круг угроведческих проблем рассмотрен З.П. Соколовой в ее многочисленных публикациях, увидевших свет в 1950–1970 гг., а также в более поздний период [31–34]. Многолетние и обширные материалы З.П. Соколовой по обским уграм обобщены ею в 2009 г. в фундаментальной историко-этнографической монографии «Ханты и манси: взгляд из XXI века». В этой книге автор переосмысливает многие сюжеты угорской этнографии с позиций сегодняшнего дня, сосредоточив внимание на сложных и дискуссионных научных проблемах [35].

В работах других исследователей большое внимание (в числе прочих сюжетов) уделялось изучению материальной культуры манси (Е.Г. Федорова) [36; 37], их социальной структуры (А.И. Пика) [38], традиционным праздникам (Н.И. Новикова) [39], этнодемографии (Е.А. Пивнева) [40]. Существенный вклад в изучение религиозного мировоззрения и культовой атрибутики манси внесли И.Н. Гемуев, А.М. Сагалаев, А.В. Бауло [41–45]. Опубликованы обобщающие труды по различным аспектам истории и культуры обских угров в целом (А.В. Головнев, Е.П. Мартынова, О.М. Рындина, А.П. Зенько, В.А. Козьмин, А.А. Богордаева). Книги перечисленных авторов в значительной степени основаны на оригинальных полевых материалах, а также архивных изысканиях и анализе музейных коллекций.

У современных исследователей сохранился интерес к мансийскому фольклору (Е.А. Ромбандеева, Е.А. Кузакова) [46; 47]. В 1990 г. издано подготовленное Н.В. Лукиной собрание мифов, преданий, сказок хантов и манси [48]. В 2001 г. вышел в свет том «Мифология манси» в серии «Энциклопедия уральских

мифологий» [49], в 2005 г. – «Мифы, сказки, предания манси (вогулов)» в серии «Памятники фольклора народов Сибири и Дальнего Востока» [50].

Качественно новое содержание угроведческих работ последних десятилетий связано с заметным увеличением числа специалистов из среды самих манси и хантов, усилия которых направлены главным образом на фиксацию и сохранение собственного этнокультурного наследия. Представители народа манси ведут научную работу в Институте прикладных исследований и разработок, в Югорском государственном университете (г. Ханты-Мансийск), других научных и образовательных центрах. Сбором, хранением и публикацией мансийского фольклора занимаются сотрудники Научно-фольклорного фонда манси (пос. Березово Ханты-Мансийского автономного округа – Югры). Итоги этой деятельности вылились, по словам Н.В. Лукиной, в «мощный информационный поток». Появились и серийные издания («Народы Северо-Западной Сибири», «Вестник угроведения», «Материалы Югорских чтений»), в которых представлен «взгляд изнутри» на угорскую культуру.

В 2000-х гг. увидели свет несколько авторских монографий, принадлежащих перу исследователей из числа манси: С.А. Поповой об обрядах перехода в традиционной культуре манси [51] и календарных праздниках и обрядах [52], Р.К. Бардиной об этносоциальной истории обских и нижнесосьвинских манси [53; 54], В.С. Ивановой о семантике чисел в духовной культуре обских угров [55]. Несомненным достоинством этих работ является привлечение богатого полевого материала, сбору которого способствуют родственные связи авторов с информантами.

Накопленные к началу XXI в. историко-этнографические знания о манси обобщены в вышедшем в 2005 г. в серии «Народы и культуры» фундаментальном томе «Народы Западной Сибири», написанном коллективом ведущих российских сибиреведов. Наряду с общими сведениями о манси в книге представлено описание хозяйства, материальной культуры (средства транспорта, поселения и жилища, одежда, пища), социальных отношений, семейной обрядности и духовной культуры (фольклор, музыка, праздники, декоративно-прикладное искусство).

В заключение можно отметить, что современные угроведческие изыскания проводятся в разных направлениях и строятся как на опубликованных данных, так и на полевых материалах авторов, а также на архивных источниках и музейных коллекциях. Тематика исследований включает в основном «традиционные» для угроведения вопросы, касающиеся этнической истории и различных аспектов культуры хантов и манси (как и в предшествующие периоды, зачастую они рассматриваются вместе). Между тем стремительно меняющиеся социально-экономические условия жизни сибирских народов, сопровождающиеся трансформацией их этнического облика, ставят на повестку дня задачу не только фиксации исторического наследия манси, но и осмысления с новых методологических позиций происходящих в их среде этнокультурных изменений.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Новицкий Г.* Краткое описание о народе остяцком, сочиненное Григорием Новицким в 1715 году. СПб., 1884.
2. *Паллас П.С.* Путешествие по разным провинциям Российского государства. СПб., 1788. Ч. 3, половина 1: 1772 и 1773 гг.
3. *Лепехин И.* Дневные записки путешествия по разным провинциям Российского государства в 1771 г. СПб., 1814.
4. *Любарских П.* Краткое известие о пермских Чердынских вогуличах // Российский магазин. СПб., 1792.
5. *Георги И.Г.* Описание всех в Российском государстве обитающих народов. СПб., 1776.
6. *Дунин-Горкавич А.А.* Тобольский Север. СПб., 1904. Т. 1.
7. *Дунин-Горкавич А.А.* Тобольский Север. Тобольск, 1910. Т. 2.
8. *Дунин-Горкавич А.А.* Тобольский Север. Тобольск, 1911. Т. 3.
9. *Носилов К.Д.* У вогулов. СПб., 1904.
10. *Патканов С.К.* О приросте инородческого населения Сибири. Статистические материалы для освещения вопроса о вымирании первобытных племен. СПб., 1911.
11. *Патканов С.К.* Статистические данные, показывающие племенной состав населения Сибири, язык и роды инородцев // Зап. ИРГО по отд-нию статистики. СПб., 1912. Т. 11, вып. 1.
12. *Буцинский П.Н.* Заселение Сибири и быт первых ее насельников. Харьков, 1899.
13. *Буцинский П.Н.* Крещение остяков и вогулов при Петре Великом. Харьков, 1893.
14. *Гондатти Н.Л.* Культ медведя у инородцев Северо-Западной Сибири // Изв. имп. Общества любителей естествознания, антропологии и этнографии при Московском университете. 1888. Т. 48, вып. 2.
15. *Гондатти Н.Л.* Следы язычества у инородцев Северо-Западной Сибири. М., 1888.
16. *Кастрен М.А.* Путешествие Александра Кастрена по Лапландии, Северной России и Сибири (1838–1844, 1845–1849) // Собрание старых и новых путешествий. Магазин землеведения и путешествий. Географический сборник Николая Фролова. М., 1860. Т. 6, ч. 2.
17. *Алквист А.* Среди хантов и манси: Путевые записи и этнографические заметки. Томск, 1999.
18. *Сирелиус У.Т.* Домашние ремесла остяков и вогулов // Ежегодник Тобольского губернского музея. Тобольск, 1905. Вып. 15.
19. *Каннисто А.* О драматическом искусстве у вогулов // Материалы по изучению Пермского края. Пермь, 1911. Вып. 4.
20. *Бахрушин С.В.* Остяцкие и вогульские княжества в XVI–XVII веках. Л., 1935.
21. *Огрызко И.И.* Христианизация народов Тобольского Севера в XVIII в. Л., 1941.
22. *Мурзина А.И.* Манси (вогулы) в XVIII веке и первой половине XIX в. // Учен. зап. Ленингр. гос. ун-та. Факультет народов Севера. Л., 1953. № 157, вып. 2.
23. *Чернецов В.Н.* Фратриальное устройство обских угров // Советская этнография. 1939. № 2.
24. *Чернецов В.Н.* Вогульские сказки: Сборник фольклора народа манси (вогулов). Л., 1935.
25. *Чернецов В.Н.* Представления о душе у обских угров // Труды Ин-та этнографии. М., 1959. Т. 51.
26. Источники по этнографии Западной Сибири / публикацию подг. Н.В. Лукина, О.М. Рындина. Томск, 1987.
27. *Долгих Б.О.* Родовой и племенной состав народов Сибири в XVII веке // Труды Ин-та этнографии. М., 1960. Нов. сер. Т. LV.
28. *Иванов С.В.* Орнамент народов Сибири как исторический источник (по материалам XIX – начала XX в. М.; Л., 1963).
29. *Иванов С.В.* Скульптура народов Севера Сибири в XIX – первой половины XX в. Л., 1970.
30. *Симченко Ю.Б.* Тамги народов Сибири XVII века. М., 1965.
31. *Соколова З.П.* Социальная организация хантов и манси в XVIII–XIX вв.: Проблемы фратрии и рода. М., 1983.
32. *Соколова З.П.* Эндогамный ареал и этническая группа (на материалах хантов и манси). М., 1990.
33. *Соколова З.П.* Жилище народов Сибири (опыт типологии). М., 1998.
34. *Соколова З.П.* Народы Западной Сибири: Этнографический альбом. М., 2007.
35. *Соколова З.П.* Ханты и манси. Взгляд из XXI века. М., 2009.
36. *Федорова Е.Г.* Историко-этнографические очерки материальной культуры манси. СПб., 1994.
37. *Федорова Е.Г.* Рыболовы и охотники бассейна Оби: Проблемы формирования культуры хантов и манси. СПб., 2000.
38. *Пика А.И.* Сосъвинские манси как этносоциальная общность (XVII–XX вв.): Дис. ... канд. ист. наук. М., 1982.
39. *Новикова Н.И.* Традиционные праздники манси. М., 1995.
40. *Пивнева Е.А.* Манси: популяционная структура, этнодемографические процессы (XVIII–XX вв.). М., 1999.
41. *Гемуев И.Н., Сагалаев А.М.* Религия народа манси: Культурные места (XIX – начало XX в.). Новосибирск, 1986.
42. *Гемуев И.Н.* Мировоззрение манси: Дом и Космос. Новосибирск, 1990.
43. *Гемуев И.Н., Бауло А.В.* Святилища манси верховьев Северной Сосьвы. Новосибирск, 1999.
44. *Гемуев И.Н., Бауло А.В.* Небесный всадник: Жертвенные покрывала манси и хантов. Новосибирск, 2001.
45. *Бауло А.В.* «Тобольское серебро» в обрядах вогулов и остяков. Новосибирск, 2009.
46. *Ромбандеева Е.А.* История народа манси (вогулов) и его духовная культура (по данным фольклора и обрядов). Сургут, 1993.
47. *Кузакова Е.А.* Фольклор манси. М., 1994.
48. Мифы, предания, сказки хантов и манси / сост., предисл. и прим. Н.В. Лукиной. М., 1990.
49. Мифология манси. Новосибирск, 2001.
50. Мифы, сказки, предания манси (вогулов) / сост. Е.И. Ромбандеева. Новосибирск, 2005.
51. *Попова С.А.* Обряды перехода в традиционной культуре манси. Томск, 2003.
52. *Попова С.А.* Мансийские календарные праздники и обряды. Томск, 2008.
53. *Бардина Р.К.* Материалы по этносоциальной истории обских и нижнесосъвинских манси в XX – начале XXI века. Новосибирск, 2010.
54. *Бардина Р.К.* Обские и нижнесосъвинские манси: этносоциальная история в конце XVIII – начале XXI века. Новосибирск, 2009.
55. *Иванова В.С.* О семантике чисел в духовной культуре обских угров. Томск, 2002.

УДК 398.1+398.223+398.224+398.87+394.912

А.А. ЛЮЦИДАРСКАЯ

ТОЛМАЧИ В СИБИРИ. ПЕРИОД НАЧАЛА КОЛОНИЗАЦИИ ТЕРРИТОРИИ*

Институт археологии и этнографии СО РАН,
г. Новосибирск
e-mail: lucid@archaeology.nsc.ru

В статье впервые поднимается проблема обеспечения языкового общения в полиэтничной Сибири XVII–XVIII в. Переводчики, толмачи являлись неперенным условием коммуникации.

Ключевые слова: колонизация, диалог, контингент толмачей, коренные народы Сибири.

Сибирь изначально представляла собой полиэтничный регион, где каждый этнос был ориентирован на свои складывавшиеся веками культурные традиции. По мере вхождения сибирских территорий под эгиду русской государственности этническая разнородность населения Сибири еще более увеличивалась. Коммуникативные действия самых разных уровней требовали преодоления языкового барьера на пути установления взаимопонимания. Несмотря на различие, а порой и диаметрально противоположные представления о миропорядке, колонистам необходимо было искать и находить компромиссы с аборигенами края. Царское правительство было заинтересовано в пополнении казны за счет налогового обложения местного коренного населения. Поэтому необходимо было пресекать возникающие военные конфликты, «объясняя» аборигенов путем заключения договорных отношений и всячески поощрять установление стабильности в отдельных регионах. Для решения этих и иных проблем требовалось элементарное языковое общение.

К XVII в. изменился общий культурный фон в глубоко православной России. Надо заметить, что диалог с язычниками вступал в некое противоречие между государственной и церковной идеологией. Чужие языки в допетровское время рассматривались как средства выражения чуждой культуры [1, с. 336–337]. На практике к услугам толмачей обращались постоянно. Расширение границ государства за пределы Уральских гор и установление политических и торговых связей с азиатскими странами, такими как Монголия, Джунгария и Китай, еще больше увеличивали потребность в толмачах как членах посольских групп. Необходимость в толмачах и переводчиках была столь велика, что Посольский приказ имел право призывать на государственную службу любого человека, знавшего иностранный язык [2, с. 16–21].

Столкнувшись с ситуацией «языческого многоголосья» в Сибири, власти активно начали формировать

«штат» толмачей в рядах служилого сословия. Это был надежный способ обеспечивать общение с представителями иных этносов. Надо заметить, что тесные контакты колонистов с местными коренными народами в бесконфликтных зонах само собой приводили к усвоению на бытовом уровне соседствующих языков.

Однако только на толмачей, состоявших на государственной службе, местная администрация могла полагаться в полной мере. На них лежала ответственность за адекватный перевод. Вместе с отрядами казаков толмачи отправлялись в далекие походы, а переводчики при посольских миссиях во многом способствовали успехам переговорного процесса. «Без русского толмача быть нельзя», – писал из очередного похода в 1668 г. сын боярский К. Лошаков якутскому воеводе [3, с. 339].

В сущности, без создания института толмачей-переводчиков в ходе колонизационного процесса не было бы возможным относительно бескровное, в отдельных регионах Сибири, сосуществование разных по культуре этносов. Вполне вероятно, что отсутствием качественного перевода объясняются большие трудности в достижении положительных контактов с народами северо-востока Сибири, поскольку там не было создано условий для переговорного процесса.

Формирование кадров служилых толмачей происходило несколькими путями. Самым простым было отыскать человека, который в результате своих жизненных коллизий знал два языка сибирских аборигенов или более. Чаще всего это касалось языков, относящихся к тюркской языковой группе. В казачьей среде всегда было много татар, в том числе казанских. Попадали в Сибирь и крымские татары. Кузнецкий сын боярский Евтиха Савинов в своей «скаске» сообщал, что отец его выехал «из Крыма» в Москву, затем был прислан в Кузнецкий острог, где служил 30 лет в городских татарских толмачах, а после был назначен головою местных служилых татар [4, с. 284]. Татарам несравненно проще было усваивать схожие по структуре тюркские языки сибирских аборигенов.

* Работа выполнена в рамках Программы фундаментальных исследований Президиума РАН 25.4.7.

Для квалифицированного толмача-переводчика требовалось помимо хорошего знания языка оппонента еще и умение разбираться в сложившейся ситуации. Толмач должен был строго переводить предложенный ему текст и не предлагать своей интерпретации. Именно такими толмачами были люди, осуществляющие переводы при дипломатических миссиях к правителям соседствующих государств или значимых родоплеменных объединений. Такие толмачи были в Сибири «наперечет», они получали высокое жалование и занимали достойное положение в служилом сообществе. Среднее жалование служилых толмачей колебалось в зависимости от места службы и наложенных обязанностей от 5 до 7 руб. Кроме того, существовали разного рода «прибавки» к положенному жалованию.

В столице Сибири, Тобольске, была сосредоточена административная управленческая структура, которая осуществляла координацию и связь между городами и острогами. Здесь находились переводчики со многих языков, как европейских, так и азиатских. В главном сибирском городе были сосредоточены военнопленные из регионов Западной и Восточной Европы, пополнявшие ряды служилого сословия. В Тобольске, благодаря развитой торговле, почти постоянно присутствовали бухарцы и иные представители тюркоязычных этносов. Постоянно поддерживалось общение с местными аборигенами. В результате тобольские власти постепенно сформировали условия для перманентного языкового общения – толмачи присутствовали при гарнизоне, городской администрации и гостином дворе. Эта же схема языкового общения с различными вариациями внедрялась и в других населенных пунктах.

Достаточно бесперспективной представляется попытка выделить «русских» толмачей и толмачей аборигенов-«новокрещенов», усвоивших все нормы пребывания среди казачьего контингента Сибири. Проследить родословные или хотя бы места рождения сибирских переводчиков удастся крайне редко.

В Томске с середины XVII в. достаточно известной личностью стал Корнило (Кармашко) Капустин. Известно, что в 1656 г. он был в составе посольства к телеутскому князю Коке, причем К. Капустин играл в этих сложных переговорах далеко не подчиненную роль. Эта поездка была не единственной в биографии Капустина. До 1660-х гг. он числился конным казаком, затем был переведен в городовые толмачи. При этом он не гнушался приторговывать пушниной, причем на весьма значительные суммы. Проживал К. Капустин в Томске своим двором [5, с. 93, 101]¹.

Весьма интересна история томичей Канаевых, которые, судя по материалам Г.-Ф. Миллера, были одними из первых служилых «новокрещенов» и вели свою родословную от сына Кучума – царевича Каная [6, с. 26–28, 30–31, 156, 165 и др.]. По другой версии, томские Канаевы были родственниками телеутского князя Коки. В любом случае, томские Канаевы вели свою родословную от представителей элиты родоплеменных объединений Сибири. Наиболее известен

служилый Василий Канаев, который в 1650-е гг. занимался активной торговлей с телеутами (калмаками), это может свидетельствовать в пользу родства с Кокой. В. Канаев совмещал служебные поездки с торговыми сделками в роли помощника приказчика купца В. Шорина. Через руки В. Канаева проходили крупные суммы: в 1656/57 г. его торговые операции составили около 100 руб., в 1661 г. он получил от приказчика Шорина на покупку пушнины 400 руб. [5, с. 71]². Эти сведения иллюстрируют, что квалифицированные толмачи при гарнизонах были людьми весьма обеспеченными, так как помимо жалованья имели возможности пополнять свой бюджет иными путями, чаще всего торговлей. По-видимому, Василий Канаев не сразу занял место официального переводчика, сначала он числился просто служилым и лишь к концу XVII в. получил статус толмача. В Томске Василий Канаев имел усадьбу с двумя теплыми избами и многочисленную родню [7, с. 38–39]³.

В этом же ряду служилых толмачей пребывал томский толмач Иван Березкин. Официально переводчиком И. Березкин был «оформлен» лишь к концу XVII в. Вероятнее всего, его дед – служилый Артемий Березкин в 1630-е гг. был членом посольства к Алтынхану, а в 1639 г. повез статейный список в Москву. Еще один ближайший родственник, Григорий Березкин, начавший карьеру в ранге казачьего сына, а затем конного казака, получал прибавку к жалованию за «монгольскую службу». Таким образом, все Березкины были связаны с военно-дипломатической службой. Семейство было хорошо обеспеченным: толмач Иван Березкин имел в Томске двор с двумя теплыми избами, а в усадьбе сотника Петра Григорьевца Березкина к XVIII в. располагалось три отапливаемые избы, что являлось определенной мерой благополучия. Как и большинство служилых соответствующего ранга, Березкины не гнушались спекулировать пушниной и имели угодья в уезде [8, с. 103, 160, 170; 7, с. 8]⁴.

С «мунгальского» языка переводили служилый бухарец, толмач Ермамет и томские же толмачи И. Уланов и Ф. Федоров. Все они были включены в посольскую группу. В 1640-х гг. Ермамет Шагалаков побывал в Джунгарии, Бухаре, Самарканде и Ташкенте, после чего вернулся в Томск. Толмач находился в составе группы казаков, которые посещали указанные места с целью разведки политической обстановки в этом регионе [8, с. 34, 50, 79, 84, 228–230].

Заметными личностями в Томске в XVII в. были Шумиловы. Иван Шумилов служил толмачом при воеводской администрации, к концу XVII в. это был весьма зажиточный хозяин, имел дома в городе и угодья в уезде. В 1660-е гг. «для толмачества» в Монгольские земли ездил в составе посольства его ближайший родственник Василий Шумилов. Впоследствии Шумиловы стали одной из самых обеспеченных семей Томска [3, с. 94]⁵.

² РГАДА. Ф. 214. Оп. 1. Д. 359. Л. 67, 68, 107; Д. 438. Л. 168.

³ Там же. Д. 1435. Л. 371–417.

⁴ Там же. Д. 979. Л. 356; Д. 1435. Л. 402, 404; Д. 1452. Л. 21 об., 295.

⁵ Там же. Ф. 214. Оп. 1. Д. 1371. Л. 88, 241.

¹ РГАДА. Ф. 214. Оп. 3. Д. 819. Л. 70; Оп. 1. Д. 251, 438; Д. 1435. Л. 376, 377, 402.

Заслуживает внимание один сюжет, связанный с жизненными коллизиями толмача томской приказной избы Никиты Чуры. Документально известно, что он попал к русским в качестве пленного. Джунгары же считали его свои ясырем (рабом). Когда Чура возвращался из Монгольских земель в составе посольской группы, он был похищен бывшими хозяевами. Крайне интересна позиция самого похищенного толмача. Чура говорил своим похитителям, что «...он человек русской, природный государев холоп» и «...жив у них быть не хочет». Толмач предпочитал смерть возвращению в Джунгарию [9, с. 85]. Подобное состояние Н. Чуры лишний раз свидетельствует о полной адаптации к «казацкому» образу жизни. В результате длительного разбирательства Чура был возвращен и прибыл в Томск.

Ситуация, когда в служилом новокрещене мог быть опознан бывший зависимый от какого-либо государственного или родоплеменного объединения человек, не являлась для Сибири XVII в. чрезвычайной. Однако в данном случае речь шла о члене посольства, поэтому факт похищения приобрел особую окраску. Предполагалось (и в большинстве случаев так и было), что каждый состоящий на царской службе человек независимо от этнической принадлежности считался «государевым человеком», и государство защищало и отстаивало его интересы.

От поведения толмачей в многоязычном регионе зависело многое, именно они могли спровоцировать развитие нежелательных этнических конфликтов. Такие ситуации обычно возникали на начальном этапе колонизации Сибири. В Тюмени в 1596 г. произошло событие, связанное с именем толмача Дмитрия Токманаева, скорее всего новокрещена из местных татар. Он «распускал слух» о том, что в Сибирь скоро придут новые воеводы с указом, подогревая надежды местного аборигенного населения на изменение царской политики по отношению к нему. В грамоте, посвященной поведению толмача, написано: «...толмач Митя своровал, смуту и ссору в служилых людях и ясачных татарах учинил. Татары от его воровства побежали и изменили». Толмач был наказан и посажен в тюрьму, но затем прощен и продолжал выполнять свои обязанности [6, с. 148, 149, 287].

Контингент толмачей часто формировался из числа захваченных ясырей. Подбор толмачей основывался на необходимых условиях: способности к усвоению чужого языка и преданности «новым хозяевам». Ясыря крестили и вводили в состав гарнизона со всеми привилегиями служилого человека. Как правило, прежде чем бывший пленник получал статус толмача, он исполнял ряд вспомогательных обязанностей, например, кашевара и т. п. За это время новоявленный служилый приобщался к субкультуре сибирского казачества.

В данном тексте речь идет о толмачах определенного статуса: состоящих на «государевой» службе при гарнизоне и получавших соответствующее своему положению жалованье. Нехватка квалифицированных толмачей в многоязычном пространстве нередко приводила к тому, что в экономически и «административно» неразвитых регионах Сибири в роли толмачей нередко использовали случайных людей. Не зная в

должной мере языка и не ориентируясь в обстановке, они приносили больше вреда, чем пользы. На периферии, преимущественно в Восточной Сибири, практиковалось использование для переговоров «новокрещенных» казачьих жен, которые имели в своем лексиконе лишь минимум слов для бытового общения [10, с. 200; 3, с. 339]. К практике привлечения случайных людей для толмачества прибегали в XVII в. даже в европейской части страны. Известна царская грамота 1677 г. ядринскому воеводе: «...ходят в низовых городех... для толмачества, всяких чинов многие люди, без нашего великого государя указа, собою, и в уезды ездят...» [11, с. 172].

На северо-востоке Сибири процесс вхождения территорий в состав России шел значительно медленнее и сложнее. Не последнюю роль здесь играло отсутствие адекватного диалога между сторонами. В наказной памяти приказчику Ленского острога упоминается, что для толмачества в 1633 г. была привлечена «яколская жонка Быгея» [10, с. 200]. В отписке якутскому воеводе в 1668 г. сообщалось, что «...толмача русского ламутских языков нет же, и подьячего нет же, писать некому. А ламутских женок у служилых и у промышленных людей много, да еще не надежны, не можно на них надеяться, и без русского толмача быть нельзя» [3, с. 339].

В 1651 г. в отписке якутскому воеводе Д. Фрацбекову по поводу похода в Алазейское зимовье сообщалось, что в качестве переводчика была привлечена юкагирская «женка именем Малья, а та женка ясырка» [12, с. 280]. Подобные действия играли не последнюю роль в том, что такие территории надолго оставались «немирными землицами».

В 1680-е гг. в Селенгинском остроге пытались привлечь к процессу коммуникации с коренным населением казака К. Турчанинова и гулящего человека В. Иванова. В документе прямо сказано, что «толмачили они плохо, много не договаривали» [13, с. 245]. Естественно, надеяться на позитивные результаты такого диалога не приходилось. В результате нарушалось поступление в казну пушнины, что, несомненно, тревожило власти.

«Работа» переводчика в XVII в. в сибирских условиях была опасна, особенно для «ренегатов» новокрещенов. Вынужденные исполнять обязанности толмачей, они подвергались большому риску. Народы, ранее не видевшие казаков и не имевшие представления о механизмах государственного устройства, воспринимали толмачей как врагов, посягавших на их территорию, ресурсы и, наконец, жизнь.

Из якутских документов следует, что в 1652 г. был убит толмач Демка [12, с. 336]. Служивший в Якутии толмач Дунай Петров в 1634 г., исполняя свои обязанности, был неоднократно ранен, а в 1637 г. убит [10, с. 209–243]. Во время волнения бурят 1658 г. Иван Похабов сообщал, что буряты откочевали в Монголию, убив толмача Ивана Байкала [14, с. 220]. В 1680-х гг. был ранен монголами селенгинский толмач Клим Турчанинов [13, с. 245, 364], в районе Верхней Тунгуски в 1628 г. был убит толмач Кузьма Семенов [10, с. 172]. И это – лишь малая толика случаев насилия над толмачами.

Сибирская администрация крайне нуждалась в переводчиках с языков коренных сибирских народов, всячески их поощряла, однако испытывала к ним обостренное недоверие. Отмечены прецеденты, связанные с «изменой» толмачей.

Новокрещенный толмач Алексей, в 1660-е гг. исполнявший службу в Телебинском остроге, будучи в ясачных волостях, подговаривал тунгусов «идти войною под Нерчинский и под Телебинский остроги и побивать служилых людей», после чего откочевать в пределы Монголии [15, с. 327]. Похожее поведение продемонстрировал новокрещенный юкагирский толмач Иван Сидоров, действующий в бассейне р. Яны. Как следует из наказной воеводы Голенищева-Кутузова, толмач, оказавшись среди своих соплеменников «казаков де он колол и убежал с юкагирами к родникам своим» [Там же, с. 405]. В 1680-х гг. подобным образом поступил албазинский толмач, казак Любим Иванов. На нартах с государевой пушиной и с заложниками-аманатами толмач ушел от служилого отряда к тунгусам [16, с. 218].

Возвращение служилых толмачей, из числа коренного населения Сибири, к традиционному образу жизни не являлось экстраординарным событием, однако чаще это происходило в отдаленных регионах Сибири – в силу описанных выше причин, главной из которых являлась колоссальная разница сложившихся культур.

При всем несовершенстве создаваемой системы обратной связи между колонистами и аборигенами, переводчики на огромной полиязычной территории Сибири служили необходимым связующим звеном между пришлым и коренным населением. Справедливо принято считать, что торговля неизбежно втягивала людей в сферу общения. При этом прагматизм часто брал верх над сложившимися культурными установками. Необходимыми участниками торгового обмена оказывались толмачи. В Таре при гостинном дворе в 1637 г. работал переводчиком В. Семенов [8, с. 90]. Толмачи, обслуживающие гостинные дворы и разного рода торговщища, были в каждом сибирском городе. В начале 1630-х гг. к Томску подходили представители южных народов, «черные и белые калмаки», как правило, с табунами лошадей для торгового обмена их на «русские товары». Местный воевода «...посылал на калмацкое торговщище за Томь реку» служилых людей и толмачей для совершения торговых сделок. Находясь в военном походе в районе Алтая казак, толмач Михаил Рожнев приобрел путем обмена лисью шубу, сумев «договориться» с врагами⁶.

В середине века не раз был послан для осуществления торговли с городами Средней Азии и Китая толмач из Томска Ермамет Шагалаков [8, с. 228–230]. Воеводский наказ от 1699 г. предписывал «...быть толмачу, чтобы повольно торговать, и сколько доведется и с сколько рублей десятые или рублевые пошлины взять было ему ведомо, а без толмача отнюдь бы целовальники с служилых людей и бухарцев пошлин не имели и торгу не давали» [17, с. 527]. Таким образом,

«торговым» переводчикам необходимо было знать основы таможенного делопроизводства.

Можно достаточно долго перечислять факты использования толмачей в процессе колонизации Сибири. Осуществляли толмачи и разведывательные функции, замечая подчас настроения и намерения народов, которые были недоступны для понимания русскоговорящих казаков. Нечто подобное зафиксировано в отписке Ерофея Хабарова за 1652 г. на Амуре, когда толмачи случайно услышали от правителя местных аборигенов приказ: «не жгите и не рубите казаков, емлите их казаков живьем». Тут же казаками были приняты соответствующие обстоятельства меры [12, с. 365].

Знакомясь, вначале через посредников-переводчиков, с новым языком, коренное население постигало азы русской речи. Сначала это были отдельные слова и предложения, но постепенно активные и мобильные слои аборигенов получали элементарные знания о языке, пригодные для общения. Это был длительный, но поступательный процесс, в результате приведший к тому, что язык колонистов становился языком межэтнического общения. Естественно, не все слои автохтонного населения в равной степени усваивали чуждый язык, но родовая элита, «лучшие люди» со временем были готовы к диалогу с русскими.

Процесс колонизации Сибири являлся многолетней борьбой за территории, богатые природными ресурсами. Основная сложность этого трудоемкого процесса заключалась в том, что огромная территория была населена различными этносами, находившимися на разных стадиях социального развития. Каждый народ отстаивал свою территорию, имея свое самобытное мировоззрение.

Колонизация огромного пространства за Уралом ставила перед царским правительством множество сложных задач, связанных в первую очередь с преодолением сопротивления автохтонных жителей новых территорий. По образному определению этнолога А.В. Головнева, территория является «вместилищем» («телом») народа в естественно-географической среде, тогда как язык можно рассматривать как «дух» народа [18, с. 71]. Включение Сибири в систему русской государственности подразумевало подчинение автохтонного населения сложившимся на Руси нормам «духа и тела». Однако если территориальные вопросы могли быть решены силовыми методами, то «дух народа» необходимо было склонять на свою сторону иными средствами. Путь к диалогу должны были обеспечивать толмачи, являясь проводниками государственных установок.

Относительно быстро подверглись колонизации северные регионы Западной Сибири. Из ранних источников известно, что пути за Урал были освоены новгородцами задолго до похода Ермака. Это подтверждается и исследованиями в области языкознания [19, с. 74]. Контакты с народами уральского и зауральского севера в XIV–XV вв. носили спорадический и кратковременный характер, однако они давали представление об устройстве Русского государства. Этого «ознакомительного периода» были лишены многие этносы северо-восточной части Сибири, а также тундровые ненцы,

⁶ РГАДА. Ф. 214. Д. 819. Л. 9–10, 17 об.

с которыми так же сложно складывались отношения у колонистов. Большое, если не определяющее значение имело социальное развитие вступающих в контакт этносов, наличие у народов военно-потестарной организации или предпосылок к созданию таковой.

Народы, населявшие отдельные территории Сибири, реагировали на подчинение «русскому царю» неоднозначно. Везде имела своя специфика, поэтому было бы неверно рассматривать колонизацию Сибири как единый, однородный процесс. Соответственно, и деятельность сибирских толмачей в разных регионах в различные промежутки времени отличалась по своим задачам и методам работы.

То обстоятельство, что толмачи были востребованы самой жизнью колонистов, подтверждают данные ономастики. Фамилия «Толмачев» прочно закрепилась в словарном обиходе русских переселенцев. Толмачи-переводчики являлись необходимым и незаменимым элементом в осуществлении межэтнического общения в Сибири и на прилегающих к ней территориях Центральной Азии.

Автор выражает благодарность чл.-кор. РАН А.Е. Аникину за консультацию в ходе работы над статьей.

ЛИТЕРАТУРА

1. Лотман Ю.М. Избранные статьи. Таллинн, 1993. Т. 3.
2. Воевода Е.В. Распространение иностранных языков в Московском государстве в XIV–XVI веках // Вест. Моск. гос. обл. ун-та. Серия: Педагогика. 2009. № 2.
3. Дополнения к Актам историческим, собранным и изданным Археографической комиссией. СПб., 1853. Т. 5.
4. Каменецкий И.П. Русское население Кузнецкого уезда в XVII – начале XVIII в. Омск, 2005.
5. Уманский А.П. Телеуты и русские в XVII–XVIII веках. Новосибирск, 1989.
6. Миллер Г.-Ф. История Сибири. М.; Л., 1941. Т. 2.
7. Кузнецов-Красноярский И.П. Томский сын боярский Федор Протопопов. Томск, 1891.
8. Русско-монгольские отношения. 1636–1654 гг. : сб. док. М., 1974.
9. Бутанаев В.Я., Абдыкалыков А. Материалы по истории Хакасии XVII – начала XVIII в. Абакан, 1995.
10. Миллер Г.-Ф. История Сибири. М., 2005. Т. 3.
11. Дополнения к Актам историческим, собранным и изданным Археографической комиссией. СПб., 1859. Т. 7.
12. Дополнения к Актам историческим, собранным и изданным Археографической комиссией. СПб., 1848. Т. 3.
13. Русско-китайские отношения в XVII в.: Материалы и документы в 2 т. М., 1973. Т. 2: 1686–1691 гг.
14. Сборник документов по истории Бурятии. XVII в. Улан-Удэ, 1960. Вып. 1.
15. Дополнения к Актам историческим, собранным и изданным Археографической комиссией. СПб., 1851. Т. 4.
16. Дополнения к Актам историческим, собранным и изданным Археографической комиссией. СПб., 1869. Т. 11.
17. Акты исторические, собранные и изданные Археографической комиссией. СПб., 1842. Т. 5: 1676–1700 гг.
18. Головнев А.В. Говорящие культуры. Традиции самодийцев и угров. Екатеринбург, 1995.
19. Аникин А.Е. Из лексического комментария к русской колонизации Сибири // Гуманитарные науки в Сибири. 2000. № 4.

УДК 391

Е.Ф. ФУРСОВА, Ю.Ю. АФАНАСЬЕВА

**ПОЯСА РУССКИХ КРЕСТЬЯН СИБИРИ КОНЦА XIX – НАЧАЛА XX в.:
ТИПОЛОГИЯ И ЭТНОКУЛЬТУРНАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА***

Институт археологии и этнографии СО РАН,
г. Новосибирск

Статья посвящена этнокультурной характеристике пояса как важнейшего элемента народного костюма различных групп русских Сибири: старожилов, казаков, старообрядцев. На основе анализа технологий, орнаментации и обрядовых функций прослеживаются общие и особенные характеристики поясов у различных групп русских Сибири; предлагаются реконструкции, связанные с генезисом этого элемента культуры.

Ключевые слова: этнокультурная характеристика пояса, типология, орнаментация, русские старожилы, старообрядцы Сибири.

Одним из важнейших элементов народного костюма и наиболее значимым символом русской культуры является пояс – от слова «поюсати», т. е. опоясывать, которое, в свою очередь, является производным от «юсало» (пояс) [1, с. 360]. Но этнографической литературы, специально посвященной типологии, роли и функциям пояса в русском костюме, удивительно мало [2]. Под грузом популярных рассуждений о его

значимости оказались скрыты этнокультурные характеристики пояса. Не осуществлено картографирование различных типов и вариантов поясов; отсутствует привязка их к известным этнографическим (этнокультурным), конфессионально-этнографическим, территориально-этнографическим группам русских. Незначительное количество публикаций собраний поясов Сибири затрудняет проведение сравнительно-исторического анализа.

Основой данного исследования стали авторские полевые материалы и работа с коллекциями местных музеев Сибири. В русских селах Алтая (по р. Чарыш)

* Работа выполнена при финансовой поддержке РГНФ, проект № 10-01-00470 а.

местные жители называли пояса «покротками» – термин, встречавшийся у русских Пермского края и однодворцев южнорусских губерний [3, с. 690]. Широкие пояса для подпоясывания верхней одежды назывались чаще в Западной Сибири «опоясками», чем «кушаками». Причем «кушаками» в Западной Сибири называли длинные, до 3 м, отрезки ткани, повязываемые по талии с подтыканием концов.

В XIX – начале XX в. русские старожилы Сибири сохраняли в быту и обрядах особое отношение к поясу, выделяя его в комплексе других видов одежды. Авторские полевые материалы 1980–2000-х гг. свидетельствуют о его большом значении и в бытовой, и в обрядовой сферах культуры.

Согласно традиции, «распоясаться» – значило вести себя неприлично, а «распоясать» человека означало обесчестить его. В Сибири, как и в Европейской России, считалось, что ходить без пояса так же грешно, как и без креста. Пояса считались ценными подарками, как и полотенца; их дарили родственникам, особенно по духовной линии – крестникам, кумовьям, а также при заключении брачных союзов. По словам В.С. Савельевой (1931 г. р.) из с. Бичура Республики Бурятии, «невеста на свадьбу должна была приготовить подарки всем гостям, обычно это были тканые пояса, платки. Свекру и свекрови полагались самые дорогие подарки».

Во многих изученных образцах поясов основу составляют льняные нити естественного белого цвета, реже – окрашенные в черный цвет. Утком мастерицам служили разноцветные шерстяные нити: более толстые домашнего производства («жички»), более тонкие покупные («гарус»). По технике исполнения все пояса можно разделить на: тканые на ткацком станке «крснах», т. е. браные (или напоминающие эту технику), закладные, тканые на дощечках, наконец, вышитые. Одни техники имели широкое распространение, например, браные и тканые на дощечках, другие (вышитые вперед иглой; «взастил», т. е. гладью; крестом) – ограниченное. Среди браных поясов выделялись изделия с рисунками «елочкой», «ромбов с продленными сторонами», «ромбов с крючьями», свастики.

В конце XIX – начале XX в. орнаментированные пояса, вытканые на ткацком станке «крснах», а также на дощечках, бытовали преимущественно у старожильского, прежде всего старообрядческого населения. Жительница Чановского р-на Новосибирской обл. Е.С. Иванова, например, охарактеризовала браный пояс своего рукоделия как «опояску выбратую на двенадцати цепях (здесь: нитченок. – *Авт.*)». Заметим, что пояса вышеуказанных техник тканья даже для эпохи Древней Руси X–XIII вв. рассматриваются археологами и этнографами в качестве пережиточных [4, с. 9].

Об особенностях поясов семейских Забайкалья писала Г.С. Маслова. По ее словам, «пояса семейских отличались от поясов окружающего русского населения. Известны пояса широкие и узкие. Широкие оригинальные узорные пояса носили на территории Республики Бурятии и в некоторых селениях Петровско-заводского района Читинской области» [5, с. 60].

Семейские ткали пояса на бердечке или дощечках. В каждой деревне были мастерицы, которые могли

изготавливать пояса на заказ. Жительница с. Бичура Бичурского р-на Республики Бурятии Г.И. Иванова (1941 г. р.) свидетельствовала: «Свекровка моя сарафаны хорошо шила, а подруга ее пояса ткала. К нам часто приходили, товару на сарафан приносили, кто сам шить не мог, просили свекровку сшить. А к подруге ее за поясами шли». Пояса умели ткать все крестьянки, но сложные узоры со словами посвящения выполняли редкие сельские мастерицы по заказу или для продажи на ярмарках [6, с. 95].

Пояса, выполненные в технике закладного ткачества, редко встречались у старообрядцев по всей Западной Сибири – в Бухтарминской долине, на Северном Алтае, в Барабе, Присалаирье и др. Такие пояса имели значительное распространение в северных русских губерниях, где изготавливались не только крестьянами и ремесленниками, но и в монастырях (г. Череповец Вологодской губ.) [3, с. 691]. Житель Чистоозерного р-на Новосибирской обл. В.Н. Сурин (1935 г. р.) сообщил, что такого типа пояса «ткали на гусиных косточках». Однако более подробно узнать об этой технике не удалось.

Пояса с узором «елочкой» бытовали повсеместно в Западной и Восточной Сибири (рис. 1, в). Узкие пояса (3,5–4 см) характеризовались меньшим набором цветов – в основном красный и черный, а также белый, розовый, светло-красный. Светлую полосу обычно располагали по центру, она служила фоном для орна-

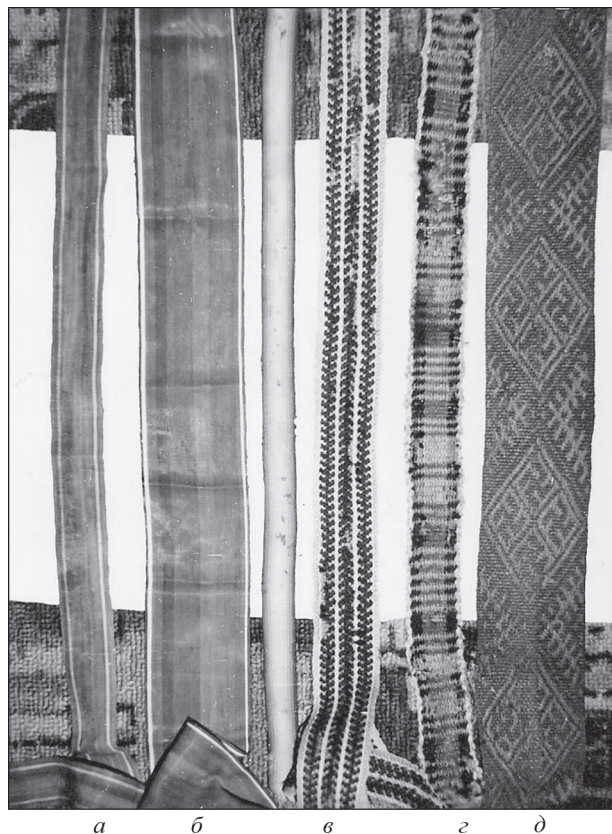

Рис. 1. Пояса и опояски из с. Маслянино Новосибирской области (бывшей Николаевской волости Барнаульского уезда Томской губернии). Конец XIX – начало XX в. Полевые материалы Е.Ф. Фурсовой, 1989 г.

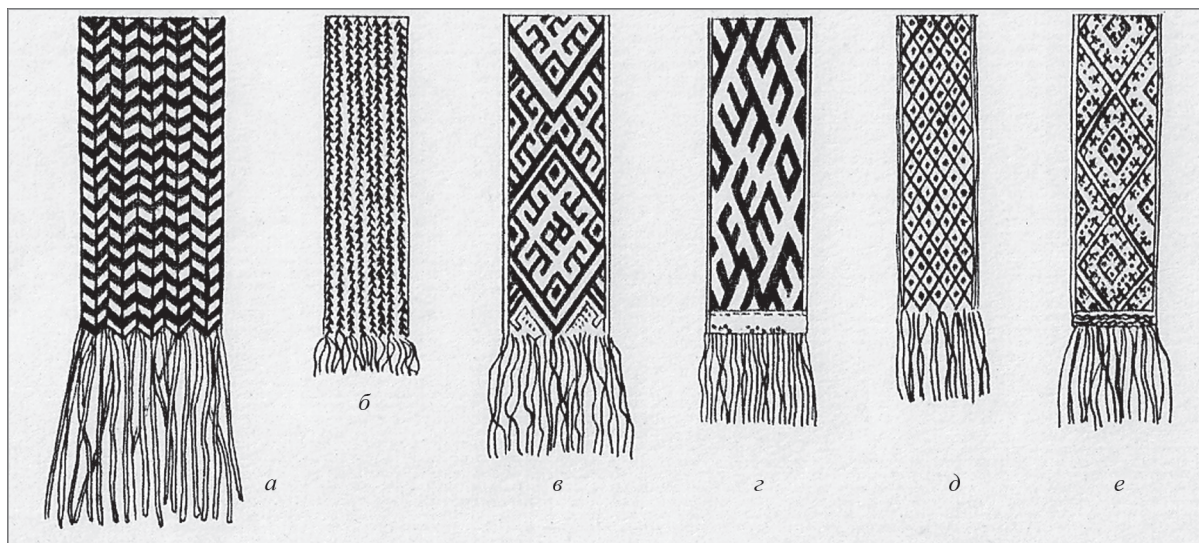

Рис. 2. Пояса старообрядцев из Восточно-Казахстанской области (бывших Верх-Бухтарминской, Владимирской, Александровской и других волостей Бийского округа). Конец XIX – начало XX в. Восточно-Казахстанский областной историко-краеведческий музей, сборы Г.А. Щербик.

мента-«ёлочки», прочих цветов полосы прокладывали по краям. В широких поясах (8–9 см), включавших нечетное число «ёлочек» (3–7–9 шт.), в зависимости от традиций конкретного района могла быть выражена полихромия. Например, в поясах старожилов Салаирского края, семейских Забайкалья можно видеть использование нитей желтого, розового, зеленого, красного цветов на белом или светлом фоне.

По внешнему виду тканые на краснах пояса подразделяются на: 1) с орнаментом на белом или сероватом фоне; 2) с орнаментом на красном (реже другого цвета) фоне. Браные пояса с белым и цветным фонами различались орнаментацией, хотя мотив был везде один и тот же – ромб. В первом типе была представлена цепь из ромбов разной конфигурации, в другом – ромбы группировались в виде ячеистого рисунка. По сибирским материалам можно выделить рисунки в виде ромбов с продленными и пересеченными сторонами, ромбов с крючьями (меандрами), ромбов со ступенчатыми сторонами. Ромбы, как правило, вписаны один в другой и третий.

Крупные и массивные рисунки в виде ромбов с продленными или пересеченными сторонами встречаются у старожилов в Северной Барабе, на Алтае и у старообрядцев-«двоеданов», «кержаков» (рис. 2, в, е). В качестве примера может служить пояс браного тканья (основа – белая льняная нить, уток – шерсть синего и фиолетового цветов). Орнамент составляют ромбы с продленными сторонами, между которыми расположены ромбы, рассеченные на четыре части с образованием малых ромбов (идеограмма «засеянное поле»), по краям проложены полосы из шерсти синего цвета. Кисти выполнены из шерстяных нитей перечисленных расцветок (размеры: длина 234 см, ширина 9 см, длина кистей 12 см). По всей видимости, «кержаки» еще в 1920–1930-х гг. и даже позднее ткали пояса со свастическим орнаментом, интерпретацию или название которого не смог дать ни один информатор.

В литературе, согласно давно устоявшемуся мнению, это солярный символ (по-славянски «коловрат», или «солнцеворот») [7, с. 39]. Фон в подобных поясах, судя по музейным экспонатам и нашим экспедиционным сборам, подбирался цветным.

Из расспросов информаторов относительно орнаментов в виде ячеистых ромбов следует, что, например, в Северной Барабе этот рисунок называли «ягодками», «пятиглыми». Такие рукоделия выглядели менее искусными, наблюдаются сбои и неровности в рисунках. Пояса с подобным рисунком «кружками» считаются ранними по происхождению, они соотносимы со временем формирования женского комплекса с распахнутой поневою [8, с. 132].

В образцах преимущественно с белым фоном, зафиксированных у «поляков» и бухтарминских старообрядцев Алтая, старообрядцев Приобья, Барабы и семейских Забайкалья, узоры выполнены шерстью красного цвета. Узорчатые пояса с преобладанием красных нитей играли важную роль в свадебном обряде в качестве даров невесты жениху и для обозначения свадебных чинов (дружки жениха, сватов). Среди поясов этого варианта выделяются экземпляры с рисунками в виде ромбов из черной или темно-синей шерсти и красными каймами, встречавшиеся в предгорьях Алтая у «поляков» и изредка у старообрядцев-«кержаков» Северного Алтая.

Пояса, тканые на дощечках (вар. «досточках», «карточках»), выделялись орнаментом, который напоминает древние письмены-знаки. Он сохраняется на поясах старообрядцев «двоеданов», «кержаков» Присалаирья и Северной Барабы, Притоболья (рис. 3, в, г). Характер этого орнамента близок к известным в этнографии узорам, сопровождавшим, видимо, в прошлом различные обряды. Например, в 1990-х гг. было найдено вышитое «письмо» в качестве закладки старообрядческой книги.

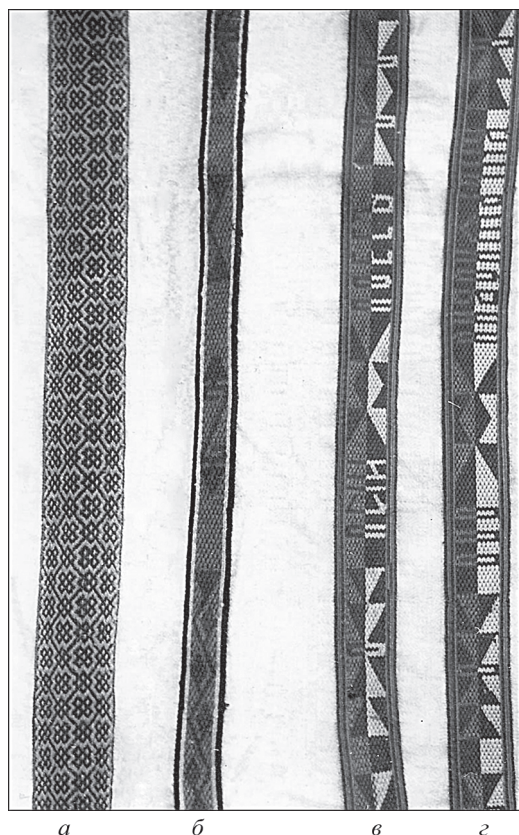

Рис. 3. Пояса Т.А. Поломошновой, 1914 г. р., с. Большой Башелак Чарышского района Алтайского края. Начало XX в. Полевые материалы Е.Ф. Фурсовой, 1986 г.

Поясами «со словесами» и так называемыми именными поясами «благословляли», т. е. дарили на память о себе старообрядки поморского согласия друг другу. Такой пояс уже умершей единоверки хранился у старейшей поморки Новосибирской старообрядческой общины З.П. Леконцевой (по мужу Лаптевой). На поясе, разбитом на пять частей геометрическими фигурами в виде ромбов, прямоугольников и стрелоподобных фигур, выполнена следующая надпись: «СЕЙПОЕСЬ ИМЕННОНОС ИТЬНЕТЕРВТЬ ПАРАСКОВЬИ ВЕДЕНИСТОНЬ!» («сей пояс именной носить не терять Парасковьи Веденистоны»). Для подобных поясов характерны контрастные сочетания ярких, жизнерадостных цветов: оранжевого и фиолетового.

Пояса ткали также на продажу, о чем недвусмысленно сказано на таких экземплярах: «ТКАНЬ СЕЙ ПОЕСЬ НА ВОЛНУ ПРОДАЖУ КУПИ СЕБЕ НОСИ ЛЮБЕ» («двоеданы» из дер. Пушкари Ордынского р-на Новосибирской обл.). Порой неграмотные мастерицы ткали буквы, нередко в зеркальном отображении – прочесть и понять содержание таких поясов практически невозможно. Среди поясов этого типа встречаются исключительно геометрические узоры – ромбы, треугольники, прямоугольники и их сочетания. В этнографической литературе их интерпретируют как символы «солнца», «неба», «грома», «мирового древа», «дуальной пары» [7, с. 14; 8, с. 113]. Сохранились в музейных и семейных собраниях пояса с изображением женских

фигур, которые помещались среди геометрических орнаментов.

На фоне западносибирских поясов выделяются широкие «опояски» браного ткачества из Каинского округа (Бараба), ленточный орнамент которых включает ромбические фигуры, разбитые на три части за счет цветной полосы по центру. По внешнему виду эти опояски обнаруживают сходство с известными поясами семейских Забайкалья.

Основу орнамента поясов у семейских Забайкалья, как и у «поляков» Алтая и других старообрядческих групп, составляли геометрические узоры – ромбические фигуры, «круги», или «шагаечки» и пр. Семейские ткали многоцветные пояса в 6–7 цветов: фон разбивали на продольные цветные полосы, по которым прокладывали браный узор. А в барабинских поясах менялся только цвет утка, цвет нитей основы оставался прежним, поэтому сходство с семейскими можно считать только внешним.

В других группах русских старожилов Сибири для подпоясывания верхней одежды использовали широкие пояса, «кушаки», тканые в виде продольных полос, по которым не выполнялся орнамент. Для подпоясывания нательных рубаш предназначались более узкие пояски, также с разноцветными продольными полосками. Указанные вещи нередко приобретались на ярмарках; таким образом, они представляли собой продукт не только домашнего крестьянского труда, но и ремесленников.

В единичных экземплярах в Присалаирье и других регионах Западной Сибири встречаются пояса, тканые в виде поперечных зигзагообразных линий. Такой орнамент был назван информаторами «копытцем» (рис. 1, а).

В качестве очень редких можно отметить вышитые пояса, которые были обнаружены в селах старообрядцев-«поляков». Такой пояс из Третьяковского р-на Алтайского края выполнен из двух полосок кумача, верхняя украшена вышивкой зеленой шерстью «по счету нитей». Основной узор – ромбы с продленными сторонами в виде крючьев. Пояс служил для подпоясывания присутственной одежды (сарафанов), застегивался сбоку на крючки. Покупные пояса-тесмы с вышитыми «взастил» геометрическими узорами приобретались в лавках, на ярмарках (рис. 3, а).

Узоры поясов закладного ткачества представляли собой разноцветные ячейки с вставленными в них ступенчатыми ромбами, ломаными линиями. Орнамент таких поясов соотносился с другими ткаными узорами (на полотенцах типа «кroleвецких»), они отличаются ярким цветовым решением, контрастными сочетаниями.

Пояса одного и того же типа изготавливали в узком и широком вариантах. Например, узкие пояса «ёлочкой» служили для подпоясывания нательной одежды (мужских рубаш), широкие – верхних видов одежды (шабуров, понитков, зипунов, шуб и пр.). Орнаментированные ромбами браные «опояски» мужчины-старожилы носили с верхней одеждой, придерживаясь правил: новые надевали в праздники, старые – в рабочие дни.

Пояса (женские – длиной примерно 2,5 м, мужские – до 3 м) могли дважды обернуть вокруг талии. Середина пояса приходилась на талию спереди, затем концы перекрещивали сзади и соединяли спереди узлом на боку. При этом свешивались кисти, которые у «полячек» были очень пышными, украшенными не только шерстью, но и блестками, пуговицами. Семейские женщины носили пояса, концы которых затыкали за пояс, скалывали булавкой – «пиночкой». По наблюдениям Г.С. Масловой, более короткие пояса назывались «пряжками» [5]. Особенностью опоясывания семейских являлся обхват талии в несколько раз.

Мужские пояса для верхней мужской одежды у семейских называли «суконниками», так как мастерили из отреза шерсти – гаруса яркой расцветки [5]. В семье П.Ф. Иванова из с. Бичура хранится такой пояс шириной 0,5 м, длиной 3 м, с широкими цветными продольными полосами. Владелец свидетельствовал: «Пояс достался мне от отца, а ему мама ткала его. Он его поверх зипуна завязывал».

Важное значение пояса в традиционной культуре русских сибиряков сохранялось до 1930-х гг. Орнаментированные тканые пояса бытовали в основном в старожильской, особенно старообрядческой среде, где они сохранялись до 1960–1980-х гг. По-видимому, кушаки в виде отрезков тканей употреблялись в основном в среде казачества и соседствовавших групп населения.

Орнаментированные тканые пояса в браной технике по своему происхождению были синхронны таким компонентам русского традиционного костюма, как понева. По характеру орнаментации пояса

обнаруживают сходство с южнорусскими поневами, полотенцами, т. е. наиболее архаичными видами женских рукоделий, а также поясами северо-восточных территорий Европейской России. В прошлом пояса, видимо, различались не только по регионам, но и более детально по местностям и даже селениям – не случайно они играли видную роль подарков при заключении брачных союзов между представителями двух семей-«родов». Многочисленными переселенцами с Русского Севера были занесены в Сибирь пояса закладной техники, требующие дополнительного углубленного исследования.

ЛИТЕРАТУРА

1. Шанский Н.М., Иванов В.В., Шанская Т.В. Краткий этимологический словарь русского языка. М., 1971.
2. Лебедева А.А. Значение пояса и полотенца в русских семейно-бытовых обычаях и обрядах XIX–XX вв. // Русские: семейный и общественный быт. М., 1989.
3. Маслова Г.С. Народная одежда русских, украинцев и белорусов в XIX – начале XX в. // Восточнославянский этнографический сборник. М., 1956.
4. Лебедева Н.И. Научные труды. Рязань, 1996. Т. 1.
5. Маслова Г.С. Русская народная одежда Забайкалья (XIX–XX вв.) // Быт и искусство русского населения Восточной Сибири. Новосибирск, 1975. Ч. 2: Забайкалье.
6. Лебедева А.А. Формирование русского населения в Притоболье и хозяйственный быт (XIX – начало XX в.) // Хозяйство и быт западносибирского крестьянства XVII – начала XX в. М., 1979.
7. Берегова О. Символы славян. М.; СПб., 2008.
8. Скупинский А.К. «Понева» и «вставка» в белорусской женской одежде. К вопросу об их культовом происхождении // Советская этнография. 1932. № 2.

УДК 394

А.А. БАДМАЕВ

СИСТЕМА ПИТАНИЯ ПРЕДБАЙКАЛЬСКИХ БУРЯТ ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЫ XIX в.

Институт археологии и этнографии СО РАН,
г. Новосибирск
e-mail: badmaevaa@ngs.ru

Статья посвящена исторической реконструкции системы питания бурят Предбайкалья в первой половине XIX в. На основе архивных и литературных источников в исследовании показано, что традиционная система питания у предбайкальских бурят сохранялась, однако в ней начинает проявляться влияние новых хозяйственных занятий (пашенное земледелие, рыбный промысел, огородничество). Новации в питании были характерны прежде всего для оседлой части бурят.

Ключевые слова: система питания, буряты, Предбайкальский регион.

Питание предбайкальских бурят первой половины XIX в. не получило сколько-нибудь заметного освещения в отечественной этнографии. Привлечение публицистики первой половины XIX в. и архивных материалов по степным думам предбайкальских бурят дает возможность в полном объеме поставить эту проблему и провести историческую реконструкцию.

Система питания бурят-скотоводов Предбайкалья в рассматриваемый период сохраняла молочно-мясо-зерновую основу. Стадо включало крупный рогатый скот, лошадей и мелкий рогатый скот местных пород. Народная селекция проявлялась в усилиях по скрещиванию бурятской породы лошадей с русскими жеребцами-производителями.

Губернская власть, озабоченная низкой продуктивностью бурятского скота, искала пути повышения его качественных характеристик. Стремления повысить производительность крупного рогатого скота ни у местных властей, ни у населения не обнаруживалось. Молоко получали от коров монгольской породы (составлявших половину поголовья крупного рогатого скота) и кобылиц (их численность в табуне достигала трети), в меньшей степени – от коз. Причем в структуре стада было заметно увеличение доли овец при уменьшении доли крупного рогатого скота и лошадей.

Попытка улучшения породы овец была предпринята в 1832 г. по распоряжению губернатора И.Б. Цейдлера, когда централизованно были закуплены саксонские мериносы для скрещивания с овцами монгольской породы и создана компания, занимавшаяся тонкорунным овцеводством. Компания ввиду нерентабельности прекратила свое существование в 1838 г., но в местах, где были организованы ее филиалы, сохранялись мериносы. Так, в 1844 г. в Балаганском ведомстве, где располагалось одно из четырех заведений компании, насчитывалось 220 овец мериносной породы.

Молочная пища бурят в первой половине XIX в. в основном была представлена кисломолочными продуктами, что обуславливалось невысокой удойностью местного скота и необходимостью удлинения сроков хранения продуктов. Самой распространенной снедью была творожистая масса *aapca*, заготавливавшаяся в конце лета – начале осени. Из кислого молока получали масло, сметану, молочную водку, простоквашу, сушеные сырки, творог. Молочные продукты являлись ингредиентами различных блюд, в ходе приготовления они смешивались с мукой, жаренной крупой или зерном, сушеными лесными ягодами, с другими молочными продуктами, водой. Продолжалась традиция миксации молока от разного скота и приготовления из смеси различных продуктов. Наиболее широкое потребление молочной пищи отмечалось в летний сезон, наименьшее – в конце зимы – начале весны.

Молочные продукты являлись необходимой принадлежностью ритуалов и праздничных застолий. Ассортимент основных молочных блюд, употребляемый представителями различных социальных групп бурятского общества, был примерно одинаков, но отличался количеством и качеством изготовления.

При приготовлении мясных блюд употреблялось мясо как домашних животных – лошадей, крупного рогатого скота, верблюдов, овец, так и диких животных – медведей, волков, лосей, изюбров, зайцев, кабанов, диких коз, белок, сурков и др. У части оседлых бурят в питание была включена свинина – в 1820-е гг. первый недолгий опыт свиноводства имели верхоленские буряты.

По традиции, в пищу использовалось мясо старых животных, старались сберечь молодняк, стельных и дойных коров, кобыл, овцематок и коз, а также производителей и рабочих животных. Сохранялся фиксируемый в XVIII в. обычай потребления мяса павших животных. Об этом, в частности, пишет Г.И. Спасский: «Для многих бурят все равно заколоты ли скот, зверь и птица, или издохли» [1, с. 37]. Запрещалось забивать телят, чтобы не потерять удой у коров. Исключали из

питания мясо «нечистых» животных – собаки, лисицы, россомахи, хорька. Из дичи употребляли мясо водоплавающей и боровой птицы, в то же время считалось «нечистым» мясо ворона, галки, сороки, дятла. В некоторых этнических группах действовали табу на мясо тотемных птиц – орла и лебедя.

Забой крупных домашних животных производился традиционным для монгольских народов способом – прокалывания ножом шеи между первым позвонком и затылочной частью черепа специально приглашенными мужчинами-знатоками забоя. Мелкий рогатый скот забивали, разрывая аорту через разрез в животе животного. Это умел делать любой взрослый мужчина. Данные способы забоя были характерны для всех без исключения этнотерриториальных групп бурят. Приготовлением мясных блюд, за исключением жарения мяса на углях, занимались женщины.

В бурятской кулинарии ценилось жирное мясо, особенно конина и баранина. Из мясных блюд угощением для почетных гостей считались вареная и опаленная конская или баранья голова, а также жареный бараний крестец. Ритуальной пищей оставались отварные баранина и конина, приготовляемые без соли. Соблюдалась во время различных застолий традиция раздачи специально выбранным человеком частей отваренной бараньей туши в соответствии с социальным и половозрастным статусом участников трапезы.

Потребление мясной пищи варьировало в зависимости от состоятельности семьи и сезона. В зимнее время повседневными блюдами были отварное мясо, суп с накрошенным мясом и диким луком, суп из требухи. Летними гостевыми и праздничными блюдами являлись: вареные колбасы и кровь, смешанная с молоком и приправленная луком, жареная печень, обернутая внутренним жиром. Менее распространенным было питье сырой конской крови и жарение ее. Зимой для длительного хранения мясо закладывали в искусственный ледник, в теплое время говядину вялили и сушили, а баранину жарили в собственном соку и хранили в берестяных туесах.

Предбайкалье в первой половине XIX в. становится основной житницей восточносибирского края. Последовательно проводимая политика седентаризации, нацеленная на превращение бурят в оседлое земледельческое население (начиная с губернатора Н. Трескина), приносила свои плоды. Буряты выращивали ярицу (яровую рожь), пшеницу, ячмень и овес.

Анализ статистических сведений, приводимых в отчетах бурятских ведомств, позволяет прийти к выводу о существовании широкого диапазона зерновых в структуре продовольствия у различных этнотерриториальных групп предбайкальских бурят. В одном из документов Кудинской степной думы за 1842 г. находим указание на действовавшую норму потребления хлеба в ведомстве: «На пропитание инородцам вывезено на каждую ревизскую мужеска полу душу согласно назначения высшего начальства не более 30 фунтов в месяц 5619 четвертей»¹. Таким образом, в этот год было оставлено на продовольствие 12,3 %

¹ Национальный архив Республики Бурятия (НА РБ). Ф. 1. Оп. 1. Д. 300. Л. 35.

собранного хлеба, при этом на годовое содержание одной ревизской души выделялось примерно 66,2 кг, т. е. 181 г. в день.

В Аларском ведомстве, правда, чуть позже – в 1849 г., на продовольственное обеспечение населения было заложено около 12 % нового урожая². В итоге на одного аларского бурята приходилось в год 36,5 кг хлеба, в день – 100 г, что было заметно меньше, чем у кудинских бурят. Безусловно, причина такой разницы в хлебном обеспечении двух соседних этнотерриториальных групп кроется в сложившейся структуре хозяйства – в первой половине XIX в. большинство хозяйств аларских бурят было скотоводческим; у кудинских бурят хозяйства в основном имели скотоводческо-земледельческую направленность.

На потребление хлебно-зерновых культур предбайкальскими бурятами негативным образом накладывались периодически наступавшие неурожайные годы. По мнению Ю.А. Гagemейстера, в изучаемое время такими годами для Предбайкалья были 1801, 1811, 1820, 1830 и 1840 [2, с. 355].

На примере верхоленских бурят можно увидеть скачкообразный рост потребления хлеба за короткий исторический период: в 1830 г. было оставлено на провиант 19,7 % урожая³, при этом годовой хлебный пай одного верхоленского бурята составлял 59,76 кг, дневное потребление – 164 г; в 1836 г. было направлено на пропитание уже 45,4 % урожая, в результате на человека приходилось в год 157,6 кг, в день 432 г⁴. Объяснением рекордного на тот момент потребления хлебно-зерновых культур может быть благоприятный урожайный 1836 г. (1830 г. являлся неурожайным). По Е.М. Залкинд, в урожайный год крестьяне в крепостнической России страдали «от низких цен, следствия резкого повышения предложения над спросом» [3, с. 36]. Понятно, что оставшийся в хозяйстве избыток хлеба за невозможностью его выгодно продать буряты пускали на собственное продовольствие.

Мнение М.М. Геденштрома о том, что большинство верхоленских бурят имело скотоводческо-охотничье хозяйство [4, с. 77], опровергается более справедливой оценкой другого автора первой половины XIX в. – Н.С. Щукина, который характеризует верхоленских бурят как «земледельцев и пастухов» [5, с. 18].

Хотя в начале 1830-х гг. в ведомстве наблюдался упадок в земледелии (с 9 115 дес. посевных площадей в 1825 г. до 3 958 дес. в 1831 г.), но ко второй половине этого десятилетия он все же был преодолен (в 1836 г. было посеяно несколько больше, чем в 1825 г.). Как упоминалось, падение показателей земледельческой отрасли провоцировалось природно-климатическим фактором: 1824 и 1836 гг. были урожайными, 1830 г. – нет [2, с. 355].

Развитие земледелия обусловило изменение структуры питания и состава блюд бурят. Из каленой крупы варили кашу *тибэһэн* (с творожистой массой *аарса*), молочную кашу *амһан*, чай *зутараан*, зерно

использовали как субстрат для супа. Пшеничная и ржаная мука также была ингредиентом ряда блюд (супа, чая, саламата), из пресного теста жарили лепешки на специальных каменных плитках. Хлеб сами не пекли, а покупали у русских. Саламат являлся ритуальным и праздничным блюдом.

Наряду с плужным земледелием с 1820-х гг. среди бурят получило развитие огородничество (первоначально в Верхоленском ведомстве). В открытом грунте выращивали репу, морковь, капусту, редьку, огурцы, свеклу, лук, кроме того, возделывали горох и бобы. Беднее овощные культуры были представлены у кудинских бурят. Локальный характер имело также культивирование брюквы оседлыми аларскими бурятами.

Вот как характеризуется бурятское огородничество в одном из документов: «У инородцев (балаганских бурят. – *Авт.*) в огородах ежегодно сажается картофель, капуста, репа, ретья, морковь и часть огурцы, свекла и лук, на продажу сеи овощи не поступают, употребляют оные на собственное продовольствие и заготавливаются для посева, эту часть постоянно занимаются оседлые инородцы и оная постепенно умножаются»⁵.

Как следует из текста, овощеводством занималась, прежде всего, оседлая часть бурят, у остальных было распространено картофелеводство. Например, в 1842 г. картофель сажали 78,8 % балаганских бурят (15 487 чел., примерно 3 100 семей), из числа занятых картофелеводством 82,8 % являлись так называемыми кочевыми бурятами, а 17,2 % – оседлыми бурятами. Большинство кудинских бурят также выращивало эту клубненосную культуру – 89,1 %. Особенно в этом плане был знаменателен 1842 г., когда представители всех родовых подразделений кудинских бурят (23 рода) начали сажать картофель. Годом ранее этим занимались только в 14 родах⁶.

Картофель становился одним из важных продуктов в питании предбайкальских бурят. Некоторые выкладки, сделанные на основе архивных данных, позволяют нам определить его место в рационе кудинских бурят. Так, в 1842 г. 71,75 % урожая картофеля ушло на продовольствие. Расчеты показывают, что в итоге на одного кудинского бурята в среднем в год приходилось 313 кг, в день – 857 г картофеля. Однако в 1841 г. урожай у них был на 31 843 четвертей меньше и достигал всего 990 четвертей, соответственно, и удельный вес картофеля в структуре питания кудинских бурят снизился.

Пожалуй, наименее обеспеченными хлебом и картофелем были ольхонские буряты – в основном они занимались скотоводством и рыболовством. Показательны в этом плане данные Ольхонской степной думы за 1844 г.: земледельческим трудом занимались 0,6 % бурят (33 чел.); посадкой картофеля – примерно 11,6 % бурят. Эти цифры свидетельствуют, что в культивировании картофеля были задействованы преимущественно кочевые буряты, которые осознанно включали его в пищу. В 1844 г. урожай картофеля составил 8 904 кг, что было на 5 304 кг больше, чем в предыдущий год⁷.

² НА РБ. Ф. 6. Оп. 1. Д. 62. Л. 160.

³ Там же. Ф. 4. Оп. 2. Д. 92. Л. 34 об. – 35.

⁴ Там же. Оп. 1. Д. 218. Л. 176.

⁵ НА РБ. Ф. 3. Оп. 1. Д. 367. Л. 42.

⁶ Там же. Д. 334. Л. 92 об. – 93 об.

⁷ Там же. Ф. 12. Оп. 1. Д. 62. Л. 30.

Такой резкий скачок в производстве, несомненно, был результатом усилий бурятских родоначальников по пропаганде этой сельскохозяйственной культуры. Однако большой роли в питании ольхонских бурят картофель не играл – в год на одного человека, занятого его разведением, приходилось всего 10 кг. Картофель употребляли только в печеном виде, овощи – сырыми и вареными, использовали для супа.

Напитками служили кирпичный чай, сваренный с молоком, жареным тестом, бараньим курдюком и солью, чай из листьев или корней растений, вода или топленый снег (зимой), березовый сок (поздней весной) или *шилта* – разведенный в воде засохший березовый сок, квашенное кобылье, коровье или овечье молоко (летом). Алкогольным напитком являлся *дарахун* ‘молочная водка’, как правило, употребляемый в теплом виде в летний сезон.

Потребность в растительной пище удовлетворялась сбором дикоросов (дикого лука *мангир*, луковиц алой сараны, ягод и т. д.). Мелко нарезанный сушеный лук был приправой к мясным блюдам, в том числе супам, вареные луковицы сараны использовались в разных блюдах. Пряности в то время не были известны в бурятской кухне.

Рыба была представлена в системе питания, но не являлась повседневной пищей большинства предбайкальских бурят. Она входила в трапезы, как правило, бедной части бурят, замещающая мясо. В то же время у ряда этнотерриториальных групп (нижнеудинских, унгинских, ольхонских бурят), у которых рыболовство было одним из основных занятий, рыба занимала заметное место в питании и была включена в ритуальную пищу. Например, в 1831 г. в Ольхонском ведомстве из улова омуля было оставлено на продовольствие 1 558 пуд., т. е. в рацион питания одного ольхонца в год поступало в среднем 4,7 кг омулей. Заметим, что омуль представлял собой основу рыбной пищи ольхонских бурят.

Рыбу ловили на Байкале (на Малом море), в верховьях Ангары, на ее притоках (Унга, Залари и др.), в озерах (Алят и др.). В частности, промысловый календарь ольхонских бурят предусматривал путину на Малом море с середины июня до середины июля, в это время основным промысловым объектом был омуль «бугульдейка»; с середины августа вылавливали сига у берегов о-ва Ольхон; зимой ловили хариуса у баргузинского берега, весной – в устьях рек Бугульдейка, Анга и др. [6, с. 119]. Другие буряты, не имея возможности самим добывать рыбу, приобретали ее у ольхонских бурят: «Рыболовных мест по ведомству верхоленских братских не имеется, и потому братские никакой рыбопромышленности не производят, ибо некоторые инородцы и для себя рыбу покупают у братских Ольхонского ведомства, обитающих около Байкала моря»⁸.

Рыбу употребляли в вареном, жареном (жарение на рожне), соленом и копченом виде. При приготовлении жареной и копченой рыбы соль и приправы не использовались. В теплое время рыбу засаливали в бочках, зимой ее замораживали. Технология засолки рыбы ольхонскими бурятами была заимствована у русских. Ее распространение было связано с расширением промысла, приобретающего все более товарный характер. Но большинством бурят рыбные блюда не считались престижными.

Повседневные трапезы бурят в первой половине XIX в. не претерпели изменений. Правда, у оседлых предбайкальских бурят будничная пища дополнилась печеным хлебом и блюдами из овощей и картофеля. Ритуально-престижные трапезы подверглись трансформации у той части христианизированных бурят, кто оседло проживал в поселениях со смешанным (русско-бурятским) или русским населением. Попытки православной церкви заставить новообращенных бурят придерживаться исключительно христианских канонов в питании не имели большого успеха. Соблюдать церковные праздники с сопутствующими им формами трапез, поддерживать религиозный пост и менять компонентный состав трапез (свадебной, поминальной, новогодней) – все это означало предать традиции предков и тем самым войти в противоречие с бурятским обществом. На такой поступок был готов не всякий неопит.

Небольшой эффект имела среди аларских бурят пропаганда буддийскими ламами воздержания от конины и мяса павших животных. Представители этой религиозной системы, имея положительный опыт адаптации буддийского вероучения к бурятской среде, пытались повлиять на ритуально-престижные трапезы данной этнотерриториальной группы. В целом система питания предбайкальских бурят первой половины XIX в. оставалась традиционной.

ЛИТЕРАТУРА

1. Спасский Г.И. Буряты или братские // Сибирский вестник. 1824. Ч. 1–2, кн. 2. С. 22–86.
2. Гагемейстер Ю.А. Статистическое обозрение Сибири, составленное по высочайшему Его Императорского Величества повелению при Сибирском комитете действительным статским советником Гагемейстером. СПб., 1854. Ч. 2.
3. Залкинд Е.М. Общественный строй бурят в XVIII – первой половине XIX в. – М., 1970.
4. Геденштром М.М. Отрывки о Сибири М. Геденштрома. СПб.: типография мед. деп-та Мин-ва внутр. дел, 1830.
5. Жукин Н.С. Поездка в Якутск. СПб.: типография Конрада Вингебера, 1833.
6. Буряты / отв. ред. Л.Л. Абаева, Н.Л. Жуковская. М., 2004.

УДК 398.332.24(=554)

П.Е. ПРОКОПЬЕВА

О ЛЕТНЕМ ПРАЗДНИКЕ ЛЕСНЫХ ЮКАГИРОВ

Институт гуманитарных исследований
и проблем малочисленных народов Севера,
г. Якутск
e-mail: pproe@yandex.ru

В статье дается характеристика летнего, связанного с солярным культом, праздника лесных юкагиров. Анализ этнографических материалов позволяет считать его главным праздником традиционного календаря, ориентированного на обеспечение благополучия в новом хозяйственном году. Прослеживаются основные тенденции в трансформации и возрождении праздника.

Ключевые слова: лесные юкагиры, традиционный календарь, летний праздник.

Традиционный календарь лесных юкагиров-одулов – этноязыковой группы юкагиров Верхней Колымы – включал шесть времен года. Исследователь юкагирской культуры конца XIX – начала XX в. В.И. Иохельсон сообщал, что юкагиры едва ли соотносили их с какими-либо конкретными числами и что, будучи крещенными, датируют их уже по греко-православным праздникам: лето *пуэ* длилось от дня святой Акулины (13 июня) до дня Марии (8 сентября), осень *надэ* – с 8 сентября до дня святого Михаила (8 ноября), зима *чидэ* продолжалась с 8 ноября до Очищения (2 февраля), первая весна *порэ* исчислялась от Очищения до дня святого Егория (23 апреля), вторая весна *шиллэ* или *шинлэ* – с 23 апреля до начала таяния снега, обычно до дня святого Николая (9 мая), третью весну *шоңдылэ* отсчитывали от таяния снега до дня святой Акулины [1, с. 86]. В юкагирских названиях двенадцати месяцев отразились природные особенности конкретного периода года и специфика хозяйственной деятельности, соответствующей ему. Так, май называли *полдичэ кинидэ*, т.е. ‘месяц листвы’, август – *йуку-кучийэ кинидэ* ‘месяц мошки’, сентябрь – *анид кинидэ* ‘месяц рыбы’ (время ловли рыбы на зиму), октябрь – *ончизн кинидэ* ‘месяц самцов диких оленей’ (время охоты на диких оленей) [1, с. 84–85].

В прошлом у лесных юкагиров существовали такие календарные праздники, как осенний праздник рыбной ловли, весенняя отправка на промысел лося, летние сборы [2, с. 265, с. 267–268; 3, с. 41–43; 1, с. 187–188, 4, с. 153–154]. Если осеннее и весеннее праздничные мероприятия у одулов всецело связывались с определенными видами традиционного хозяйствования, то их летний праздник, на первый взгляд, носил разнонаправленный характер и решал различные задачи. Данная статья ставит своей целью проанализировать содержание этого праздника по этнографическим материалам и прояснить основную его идею.

Летнее собрание являлось общим для всех юкагирских родов, проживавших на разных притоках

р. Колымы. Время проведения этих сборов, согласно данным этнографов, варьировалось от начала [3, с. 41] до конца июня [2, с. 265]. Продолжительность праздника могла достигать месяца.

Местность, где устраивалось собрание, называлась *шахадьибэ*, что в переводе с юкагирского означает «место для сборов». В конце XIX – начале XX в. *шахадьибэ* было избрано место Прорва, которое находится недалеко от с. Верхнеколымск (в более отдаленные времена, по-видимому, существовали и другие такие площадки). У В.И. Иохельсона находим: «На Колыме, в известных местах... съезжался в конце июня первобытный юкагирский флот из многочисленных мино¹ и веток» [2, с. 265] и «Ясачненские юкагиры показывали мне одно из этих мест южнее устья Ясачной»² [1, с. 187].

Июнь оптимально подходил для проведения общеплеменного сбора, поскольку, во-первых, летняя пора сама по себе благоприятствовала встрече рассредоточенных по Колыме родов; во-вторых, это был период, свободный от трудовых забот, когда сезон охоты уже миновал, а время массовой рыбной ловли еще не наступило. Путь на *шахадьибэ* был долгим – часто дорога туда и обратно занимала два-три месяца. Всеобщее собрание являлось значимым событием в жизни юкагиров.

В.И. Иохельсон писал: «На шахадзибэ этот удивительно жизнерадостный полярный народ проводил время в пении, плясках, играх и состязаниях. Шаманы производили камлания, приносили жертвы духам, хангичэ³ рассказывали о промысле, воины о военных подвигах, а молодежь обоего пола не пропускала случая пользоваться молодостью» [2, с. 265]. Здесь узнавали о делах каждого рода, совместно обсуждали различные важные вопросы и принимали решения по ним, совершали товарный обмен. О том, какое большое

¹ Мино – треугольный плот (П. П.).

² Ясачная – река, приток Колымы (П. П.).

³ Хангичэ – первый охотник (П. П.).

значение имели сборы для юкагиров, свидетельствует тот факт, что они прибывали на *шахадьибэ* «с песнями и многочисленными салютами из кремневых ружей» [Там же, с. 267], встречали друг друга радостными криками и объятьями [3, с. 41].

Праздник, приуроченный к лету, не только удачно совпадал со свободным от промысла временем, он был ориентирован на солярный цикл. В религиозных воззрениях юкагиров Солнце почиталось как высшее божество. В.И. Иохельсон указывал, что оно «считается благодетельным существом, защитником угнетенных, охранителем справедливости и нравственности» [1, с. 207]. Женское украшение круглой формы, символизирующее Солнце, способно было остановить гигантского людоеда *Чуульдыи Пулута* и уничтожить его.

Одно из обращений юкагиров к Солнцу гласило: «Пугуд-эмэй, тэт пугодьэлэ митул пугэлбик, эндэбон тэт пугодьэлэ митин кэйк! Шайар-ландэт кичэч эрчэбон йэдугудэ йотник. – Солнце-мать, твоим теплом нас согрей, питание твоим теплом нам дай! Откуда бы то ни было приходящее зло в другую сторону направь» [4, с. 151].

В юкагирском фольклоре Солнце «сердится» и «темнеет», если происходит кровосмешение и смертоубийство среди юкагиров, особенно тогда, когда проливается много крови в войнах. Юкагирский ученый Н.И. Спиридонов подчеркивал, что «национальные празднества в начале лета есть действие, при помощи которого показывается главному покровителю – солнцу мир, любовь и согласие...» [3, с. 43]. Не случайно место проведения праздника объявлялось мирной территорией, лишенной всяких столкновений и конфликтов.

Календарная привязка летнего собрания юкагиров играет ключевую роль для понимания его сути и назначения. Летний месяц, примерно соответствующий июлю, открывал начало года [1, с. 84]. Летние сборы, организуемые приблизительно во время солнцестояния и совпадающие с переходным периодом в трудовом цикле, очевидно, нужно расценивать как встречу нового года, и именно в этом контексте следует рассматривать весь комплекс традиций, обрядов и обычаев, связанный с ними.

Н.И. Спиридонов сообщал: «Первым пунктом собрания является деловая часть, где все бошшаки родов сообщают коротко и ясно о всех делах, начиная с прошлого года, удачах и неудачах, счастии и несчастьи. Весь народ, сам по себе, под предводительством старейшин, выслушивает и, наконец, выносит то или иное решение. Чаще всего по вопросам вражды выносятся решения мира и помощи друг другу и дают понять, что тот или иной род действовал неправильно или сделал нарушение традиций и законов и тем самым опозорил себя и весь народ» [3, с. 42].

Стремление участников сборов подвести итоги года с момента разлуки вполне согласуется с высказанной мыслью о том, что собрание, по всей видимости, связывалось с началом нового годового круга. Осмысление результатов и решение старых проблем издревле являются одними из условий успешного вхождения в новый жизненный цикл.

Важный компонент общеплеменного съезда составляли игры и соревнования, не случайно у сборов

существовало другое название – *лододьал* «место для игр». В.И. Иохельсон, описывая собрание юкагиров, сравнивал их со сборищами древних славян, известными под названием «игрищ между сел» [2, с. 265]. По словам исследователя, на *шахадьибэ* в одних играх принимали участие только воины, другие были доступны всем, но в них заметным было разделение мужчин и женщин, подобно враждующим стойбищам [1, с. 187]. На празднике организовывали соревнования по бегу, стрельбе из лука, рубке леса, поднятию тяжестей, устраивались гонки на лодках и т. п. [3, с. 42].

Известно, что юкагиры большое внимание уделяли физической подготовке. «Занятиями мужчин были война и охота», – сообщал В.И. Иохельсон [5, с. 288]. Лучший из воинов *тэбэйэ шоромо* («сильный человек») и первый охотник *хаңичэ* («преследователь») занимали почетные места в родовой иерархии юкагиров после старейшины *лигэйэ шоромо* и шамана *алмы*. Молодым людям полагалось пройти суровую военную школу – *кичил* «учение», чтобы защищать род от врагов и самим нападать на вражеские стойбища. «Юкагирские «сильные мужчины», – читаем у В.И. Иохельсона, – славились своей храбростью, силой и проворством по всей Северо-Восточной Сибири» [1, с. 180]. Не удивительно, что на таком большом празднике в лице воинов демонстрировались мощь и сила народа, готовность к преодолению препятствий и отражению нашествия неприятеля. Манифестацией доблести и бесстрашия сородичей служили на *шахадьибэ* и рассказы о военных подвигах.

В развлекательную часть праздничной программы сборов, помимо всевозможных конкурсов и игр, входили танцы. Несомненно, развлекательная функция всех этих элементов является приобретением позднего времени, а в своей основе они восходят к древнейшим ритуалам и обрядам, преследующим различные цели.

У юкагиров популярным являлся круговой танец. В.И. Иохельсон писал:

«Танцующие мужчины и женщины образуют круг, держась за руки, и начинают медленно двигаться справа налево по ходу движения солнца. <...> Движения, сначала медленные, становятся все быстрее и быстрее, танцоры все более возбуждаются. Круг вертится все с большей скоростью. Постепенно все присутствующие попадают под воздействие танца. Старики и старухи вступают в круг, дети и немощные люди начинают притопывать на месте, подражая танцующим. По праздникам юкагиры кружатся в хороводе весь день до изнеможения и даже до состояния, напоминающего опьянение. Некоторые покидают круг для отдыха, разрывая цепь танцоров, и, восстановив силы, вновь присоединяются к танцу, замыкая круг» [1, с. 191–192].

Как отмечалось выше, за внешней стороной этого веселья скрывалось ритуально-обрядовое поведение. В работе Н.И. Спиридонова [3] содержится информация о том, что на осеннем празднике, связанном с рыбной ловлей, сохранялись «пляски и пение – знак радости и благодарности духам воды и рыбы» [3, с. 43]. В нашем архиве имеется рассказ Е.Н. Дьячковой (1914 г. р.), также подтверждающий сказанное:

Утром Егор Иванович, Григорий Иванович лося убили. Убив, на ветке много мяса привезли. Мы

(дети. – П. П.) очень радовались, прыгали-прыгали, в ладоши хлопали, от того что будем кушать. Мы радовались только тому, что поедим. Дедушка танцует... «Дедушка, ты почему прыгаешь?» «Радуюсь, обязательно надо так радоваться, прыгать» [6, с. 153].

Совершенно очевидно, что танцы не только предназначались для выражения положительных эмоций, но и являлись своего рода магическим действием, обеспечивающим и закрепляющим успешные результаты коллективного труда.

На летнем празднике юкагиров за соблюдением обрядов следил шаман. Как явствует из юкагирского фольклора, *алма* активно участвовал во всех жизненно важных сферах общества. Он выполнял функции охранителя рода, выступал в качестве посредника между людьми и божествами, духами, умершими родственниками, занимался лечебной практикой. Проследим содержание одного из воззваний шамана к благодетельным божествам; обращаясь к Небу, он произносит: «Кудбуд-эчиэ, пугомук, ньанбумук, тэт уорпэ нумдугик, пугомук, ньанбумук. – Небо-отец, тепло дай, согрей, своих детей пожалей, тепло дай, согрей» [1, с. 301–302]. Из материалов В.И. Иохельсона следует, что на летних сборах шаманы привлекались не только как жрецы, между ними также устраивались соревнования для испытания могущества их духов-защитников [1, с. 188].

Шаманские камлания органично присутствовали на праздниках и у других народов Севера.

Лопарские шаманы, в прошлом могущественные и игравшие видную роль в жизни лопарей, принимали самое деятельное участие во всех праздниках, в том числе в проведении Иванова дня. Шаманы священнодействовали при совершении обряда жертвоприношений, были ходатаями в подземном царстве за больного, могли предсказывать будущее, узнавать, что происходит в отдаленных краях, лечить болезни и т. д. [7, с. 122].

Как известно, Иванов день – день летнего солнцестояния – являлся одним из центральных календарных праздников у народов Европы. Сближают летнее празднество юкагиров с этим посвященным солнечному культу европейским праздником такие эпизоды, как игры, танцы, развлечения, совместное пиршество. Интересно сравнить и следующие явления. Ритуальные костры на Иванов день традиционно жгли на возвышенностях. «Преимущественное расположение костров на высотах (холм, гора) позволяет думать о связи ритуального огня с древним культом солнца» [8, с. 283].

У юкагиров для проведения праздника, видимо, тоже предпочтительным было высокое место. В.И. Иохельсон упоминал об одном таком месте: «Оно расположено на высоком берегу Колымы и сейчас называется Шаманский камень. На вершине этого “камень”⁴ имеется большое ровное пространство» [1, с. 187]. Нам рассказывали, что Прорва – место, где собирались юкагиры позже, называется *Ульэгэ чорхо* – Сенный

бугорок⁵. Можно предположить, что выбор высокой площадки у юкагиров, на которой обязательно разжигались костры, в том числе для отправления обрядов, также обусловлен солярным культом.

Важным для летних праздников являлся и брачный мотив. В Иванов день совершались обряды, направленные на благополучие семьи, проводились гадания девушек о замужестве. Юкагирский праздник, символизирующий начало нового хозяйственного цикла, также проникнут идеей личного счастья. В эти праздничные дни молодые люди заводили знакомства, создавались пары.

Сборы служили местом не только для возникновения новых семейных уз, но и дружбы между членами разных родов. В.И. Иохельсон сообщал:

В знак рождения новой дружбы юкагиры обмениваются подарками. Друзья обязуются помогать друг другу при материальных затруднениях и в сражениях с врагами. Говорят: «*мит ахимэйэили*», что означает: «У нас тесная дружба». <...> Женщины и девушки также объединяются в союзы друзей и обмениваются подарками» [1, с. 188].

Всеобщий праздник юкагиров предоставлял также прекрасные возможности для обмена товаром. Так, Н.И. Спиридонов отмечал: «Цель приезда обуславливается... и чисто материальными соображениями, которые сводятся к обмену между собой шкурками, сушеным мясом, меховой одеждой, орудиями производства (ножами, топорами и т. д.), лодками, лыжами, собаками и т. д.» [3, с. 42]. Расположение *шахадзибэ* вблизи от г. Верхнеколымска делало возможным заключать также торговые сделки с якутами и русскими.

В.И. Иохельсон говорил о том, что в Верхнеколымске «юкагиры вносят исправнику, который приезжает из Среднеколымска, ясак, священник исполняет требы, а якутские и русские купцы выменивают у юкагиров то, что ими было добыто зимой и весной, на чай, табак, ситец или платки. Берут также у юкагиров за бесценок, или за старые сомнительные долги, карбасы, которые юкагиры делают из белого тополя» [2, с. 267]. Н.И. Спиридонов так объяснял важность торговли для юкагиров: «Племена прибыли сюда за 1000 км; весь вопрос существования заключается в приобретении охотничьих припасов (пороха, свинца) и средств для ловли рыбы (прядева, конских хвостов, волос), не говоря о других продуктах и товарах» [3, с. 42]. В свете этих данных выбор места для сборов ближе к административному центру был вполне объясним, так как диктовался реалиями жизни народа.

При описании летнего праздника юкагиров ученые акцентировали внимание на том, что его содержание зависело от того, как люди провели год [1, с. 253; 3, с. 41]. «Но если весенний промысел лосей или оленей плох, – писал В.И. Иохельсон, – если была голодовка, то мужчины-промышленники до того ослабевали, что не бывали в силах строить судов (мино) и шахадзибэ были малолюдны» [2, с. 265].

⁴ «Камень» – буквальный перевод юкагирского слова *тис* («гора», «камень»).

⁵ Сообщила в 2000 г. А.В. Слепцова (1930 г.р.), с. Нелмное Верхнеколымского улуса Республики Саха (Якутия). – Личный архив автора.

В суровых условиях Севера сквозь праздник, связанный с почитанием солнечного божества, красной нитью проходит мысль о процветании и благоденствии народа. Летний праздник позволял собрать в одном месте все юкагирские роды, и потому, без сомнения, являлся символом единения народа. Собрание, проходившее под знаком примирения и любви, было призвано напомнить о необходимости устранения междоусобных войн в целях сохранения народа, зарядить сородичей оптимизмом и уверенностью в собственных силах перед трудными зимними месяцами.

Вот что рассказывают о забытом впоследствии летнем празднике юкагигов старожилы:

«Сюда приезжали на карбасах. Так и плывут. Колыма вся закрыта. Так много. Приезжают сюда в Верхний (Верхнеколымск. – П. П.) молиться в церковь. Так много юкагигов было. Карбасы на муку меняли, уезжали. Карбасов много делали. Меняли, уезжали, опять вверх уезжали, поднимались. Молиться ходили ведь сюда. Батюшка был. Спускались детей крестить – детей крестить надо. <...> Танцевали тут, как волна, очень много, молодежь. Как поедут, так праздник бывает, танцуют»⁶.

А по словам другого информанта, юкагиры начинают приготавливаться с апреля месяца:

«С верховьев спускаются, с Шаманихи, Поповки, Ясачной, Рассохи, со всех концов реки спускаются и начинают делать ветки, карбасы. В конце июня они спускаются, чтоб к июлю сюда приехать. Садятся на лодку, шлюпку, девчата, парни, старики, женщины, веслами начинают гребсти:

<i>Одулиэтэ, кимдъэиэнник,</i>	Юкагиры, пожалуйста,
<i>Чамдъа уушэник,</i>	Веслами гребите,
<i>Илул Ульэгэ чорхо лаңи</i>	К милому Сенному бугорку
<i>кэбэйльэйиши.</i>	уезжаем.
<i>Окко, окко, окко обой,</i>	Жара, жара, жара стоит,
<i>Куш пугуогэн!</i>	Пусть будет жара!
<i>Хи-ху, хи-ху!</i>	<i>Хи-ху, хи-ху!»</i> ⁷ .

О традициях проведения праздника у верхнеколымских юкагигов сообщается в рассказе старожилы:

В Верхнеколымске давно церковь была. Когда река вскрыется, съезжались туда. Детей крестили, которые родились зимой. Наверное, конец мая – начало июня. Наши, наверное, пушнину привозили, на топоры меняли. Якуты в Верхнем скотоводством занимались, юкагиры обменивали

на конский волос, из них плели ниточки, ими сети волосяные вязали. Из конского хвоста сети плели, из конской гривы делали веревку, на которую насаживали сеть... Был праздник, наверное, встречались. Когда потом встретятся? Танцевали, *ехор* танцевали. Наш танец называется *ехор*»⁸.

Летний праздник юкагигов был утрачен, видимо, в 1930-х гг. в связи с переходом на оседлый образ жизни, когда отпала необходимость в частых встречах и товарообмене, происходило разрушение религиозно-мировоззренческих установок. Попытка воссоздания праздника была предпринята на I съезде юкагирского народа в 1992 г. в с. Нелемное Верхнеколымского улуса [9]⁹. В настоящее время летние сборы юкагигов *шахадыйибэ* ежегодно проходят в Якутске под патронатом Ассоциации юкагигов и Совета старейшин юкагирского народа Республики Саха (Якутия).

К сожалению, сегодня мало кто из юкагигов знает об истинных истоках этого древнего народного праздника. Практическая сторона праздника оказалась со временем невостребованной, но его глубинный моральный и нравственный смысл не должен быть предан забвению.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Иохельсон В.И.* Юкагиры и юкагиризированные тунгусы / пер. с англ. В.Х. Иванова, З.И. Ивановой-Унаровой. Новосибирск, 2005.
2. *Иохельсон В.И.* По рекам Ясачной и Коркодону. Древний и современный быт и письмена // Известия РГО. СПб., 1898. Т. 34, вып. 3.
3. *Спиридонов Н.И.* Одулы (юкагиры) Колымского округа. Якутск, 1996.
4. *Иохельсон В.И.* Материалы по изучению юкагирского языка и фольклора, собранные в Колымском округе. Якутск, 2005.
5. *Иохельсон В.И.* Народное творчество юкагигов // Север Азии в этнокультурных исследованиях: материалы Междунар. науч.-практ. конф., посв. 150-летию со дня рождения В.И. Иохельсона (Якутск, 15–16 августа 2005 г.). Новосибирск, 2008.
6. *Прокопьева П.Е.* Птицы в традиционных представлениях лесных юкагигов (по фольклорным и этнографическим материалам) // Гуманитарные науки в Сибири. 2009. № 4.
7. *Морозова М.Н.* Скандинавские и финские лопари // Календарные обычаи и обряды в странах зарубежной Европы: летне-осенние праздники. М., 1978.
8. *Гроздова И.Н., Токарев С.А.* Заключение // Календарные обычаи и обряды в странах зарубежной Европы: летне-осенние праздники. М., 1978.
9. *Жукова Л.Н.* Религия юкагигов. Языческий пантеон: учеб. пособие. Якутск, 1996.

⁶ Записано в 2005 г. от Е.Н. Дьячковой (1914 г. р.), пос. Зырянка Верхнеколымского улуса Республики Саха (Якутия). – Личный архив автора.

⁷ Записано в 2000 г. от А.В. Слепцовой (1930 г. р.), с. Нелемное Верхнеколымского улуса Республики Саха (Якутия). – Личный архив автора.

⁸ Записано в 2009 г. от А.Е. Шадринной (1930 г. р.), с. Нелемное Верхнеколымского улуса Республики Саха (Якутия). – Личный архив автора.

⁹ Автор этнографической реконструкции обряда «Встреча нового Солнца» Л.Н. Жукова (см. [9, с. 81–82]).

УДК 394

С.П. ТЮХТЕНЕВА

ТЕЛЕНГИТЫ РЕСПУБЛИКИ АЛТАЙ МЕЖДУ ДВУМЯ ПЕРЕПИСЯМИ НАСЕЛЕНИЯ

Институт этнологии и антропологии РАН,
г. Москва
e-mail: kere163@mail.ru

Статья посвящена этнокультурным процессам среди коренного населения Республики Алтай в период между переписью населения 2002 и 2010 гг. После того как в марте 2000 г. теленгиты, тубалары и челканцы были внесены в Единый перечень коренных малочисленных народов РФ, дебаты о том, являются ли теленгиты отдельным от алтайцев народом, не прекращаются.

Ключевые слова: алтайцы, теленгиты, коренные малочисленные народы, перепись, этническая идентичность.

Целью настоящей статьи является анализ событий, происходивших у алтайцев в межпереписной период. Основу исследования составили полевые материалы автора, собранные в селах Республики Алтай (РА) в 2002–2011 гг. Согласно этим материалам, за рассматриваемое время отношение теленгитов к своему новому статусу эволюционировало от неприятия идеи включения их в список коренных малочисленных народов (КМН) до принятия этой идеи и использования ситуации в свою пользу. К коренным малочисленным народам в Республике Алтай относятся также кумандинцы, тубалары и челканцы. Однако наделение указанных народов особым статусом было воспринято в общественном сознании менее болезненно, чем теленгитов. Этим и обусловлено обращение автора к теме самоопределения теленгитов.

По переписи 2002 г. в РА было зарегистрировано 2 600 теленгитов, 840 кумандинцев, 1 600 тубаларов и 864 челканца. Алтайцами называли себя 62 192 чел. [1]. По прогнозам, численность теленгитов здесь должна увеличиться.

Начало проекта «имагинации» нового сообщества – коренного малочисленного народа теленгиты – относится к началу 1990-х гг., когда велась работа над текстом новой Конституции РФ, текстами конституций субъектов РФ. В новом российском законодательстве появились статьи, особо оговаривающие права коренных малочисленных народов, например, в ст. 69 Конституции РФ. По мнению С.В. Соколовского, «шестидесятилетнее табу на употребление формулы коренные народы и замена ее выражением малые, или малочисленные, народы (народности) неслучайно. Оно объяснялось официальной позицией, выраженной представителем СССР на одной из сессий Рабочей группы ООН по коренному населению, в соответствии с которой использование выражения “коренные народы” уместно лишь в колониальном контексте. В соответствии с этой позицией было заявлено, что “коренных народов” в юридически строгом понимании этого термина на территории СССР нет» [2, с. 98].

Впервые о коренных народах было упомянуто в Указе президента России от 5 февраля 1992 г. № 118. Указ содержал предложение о ратификации Конвенции Международной организации труда «О коренных народах и народах, ведущих племенной образ жизни в независимых странах», № 169. Термин «коренные народы Севера» был употреблен в указе № 397 от 22 апреля 1992 г., в котором было дано распоряжение «подготовить до конца 1992 г. и внести в Верховный Совет РФ проекты законов “О правовом статусе коренных народов Севера” и “О правовом статусе национального района, национального сельского и поселкового Советов, родовых и общинных Советов коренных народов Севера”» [2, с. 98].

К моменту официального признания Россией особой категории населения – коренные народы Севера – и следует отнести появление идеи о включении теленгитов в Единый перечень коренных малочисленных народов Севера, Сибири и Дальнего Востока Российской Федерации. При этом какого-либо движения среди теленгитов за признание их коренным малочисленным народом в начале 1990-х гг. не было отмечено. Категоризацию теленгитов в качестве этнокультурного меньшинства, нуждающегося в особом статусе, осуществляли федеральные, республиканские и районные власти РА. Выход Постановления правительства РФ от 24 марта 2000 г. № 255 о включении теленгитов в Единый перечень КМН РФ вызвал неоднозначную реакцию среди всего коренного населения республики. Таким образом, самоопределение теленгитов как особого этнокультурного сообщества произошло уже после включения их в Единый перечень.

Поводом для принятия властями республики решения об отнесении теленгитов к КМН послужило, вероятно, постановление правительства РФ «Об отнесении районов Республики Горный Алтай к местностям, приравненным к районам Крайнего Севера» от 9 апреля 1992 г. № 239. Территории проживания теленгитов – Улаганский и Кош-Агачский районы (с экстремальными условиями для жизнедеятельности) – были

приравнены к районам Крайнего Севера. В тот период это решение властей республики было вполне понятно и объяснимо: они стремились обеспечить приемлемый уровень жизни для населения в сложных социально-экономических условиях «переходного» периода.

Но следует сказать о том, что в российском законодательстве отсутствует правовой механизм определения того, каким образом человек может быть признан представителем коренного малочисленного народа. По прошествии ряда лет лица, желающие получить официальный статус представителя КМН, стали использовать судебный механизм. В 2009 г. этим правом воспользовалось 387 тубаларов Чойского района, 557 челканцев Турочакского района, а 137 чел. ожидало решения суда¹. Всего по переписи 2002 г. было учтено 800 челканцев и 1 500 тубаларов и, таким образом, в 2009 г. 87 % челканцев, 26 % тубаларов и 2,5 % (60 из 2 368) теленгитов имели на руках судебные решения об официальном признании их представителями коренных малочисленных народов².

В период подготовки переписи 2002 г. среди теленгитов развернулась кампания «Запишись алтайцем», которую проводили все СМИ республики. Согласно сложившемуся в массовом сознании мнению, если бы алтайцев оказалось меньше 50 тыс., то республику могли бы ликвидировать, и виной всему стали бы те, кто назвал себя теленгитами, – такова была суть утверждений организаторов предпереписной кампании. Итоги переписи показали, что теленгитами записалось 2 368 чел. (из них 1 893 чел. из числа жителей Улаганского района). Республика Алтай сохранила свой статус.

В мае 2009 г. силами Государственного собрания – Эл-Курултай (ГС-ЭК РА), правительства РА и Института алтаистики РА была проведена конференция «Единство культурного многообразия – основа устойчивого развития Республики Алтай». И хотя председатель ГС-ЭК И.И. Белеков неоднократно заявлял, что между конференцией и предстоящей в 2010 г. переписью населения прямой связи нет, ее тематика позволяет предположить обратное. Одной из центральных была тема, касающаяся этнического состава населения РА.

Весьма показательно выступление на этой конференции главы Улаганского района: «Уважаемые участники конференции, я думаю, что многих здесь присутствующих больше всего волнует не то, что делает администрация Улаганского района в плане межэтнических отношений, а то, как при переписи населения 2010 года запишется население Улаганского района»³. Это выступление в полной мере отражало состояние «теленгитского дискурса». Глава Улаганского района избегал утверждать, что теленгиты (улаганцы) являются самостоятельным народом, но и не хотел отвергать их законодательно определенный правовой статус, а именно:

«Исторические корни улаганцев тоже уходят вглубь тысячелетий; В этом прекрасном уголке на сегодняшний день живут три разных народа – алтайцы, часть которых считают себя теленгитами, русские и казахи; В 1765 году благодаря мудрости нашего зайсана Тадыша из рода телёсов улаганцы навсегда воссоединились с остальным алтайским народом и народами нашей Великой Отчизны; Отраднo, что в настоящее время теленгиты, как и другие народности Горного Алтая возродили институт зайсанов, тем самым продолжив традиции своих предков; Большинство жителей Улаганского района с пониманием и мудростью относятся к обсуждаемой проблеме. Как показала перепись 2002 года из восьми тысяч алтайцев, проживающих на территории района, только лишь 1893 или 16,3 % назвались теленгитами. Сейчас каждому из нас предстоит сделать исторический выбор, почувствовать себя частичкой одного алтайского народа».

Выступавший оценивает сложившуюся ситуацию следующим образом:

«Возможно, в 90-е годы меры, принятые Правительством Республики Алтай – отнесение Улаганского и Кош-Агачского районов к местностям, приравненным к районам Крайнего Севера, положительно отразились на социально-экономическом развитии Улаганского района – семидесятипроцентный коэффициент к заработной плате и пенсии, в том числе «северный завоз», который в определенный период материально поддержал жителей этих районов. Но в то же время он сыграл и отрицательную роль, породив в сознании жителей иждивенчество и пассивность. В настоящее время от этих привилегий на практике остались лишь льготные поступления в Полярную Академию Санкт-Петербурга и Томский государственный университет, которые предоставляет льготы по проживанию в общежитии»⁴.

Итак, в ходе кампании 2002 г. значительная часть теленгитов восприняла основную мысль – если совокупная численность алтайцев окажется менее 50 тыс. чел., то их республику могут упразднить. Вместе с тем, определенная часть теленгитов решила на юридическое оформление своего статуса, ориентируясь на сохранение так называемых северных льгот.

Определенную роль в процессе самоопределения теленгитов сыграли общественные и неправительственные организации. В частности, речь идет о АНО «ЮРИКС» («Юристы за конституционные права и свободы», Москва), международных и российских организациях «Лаураветлан», Ассоциация КМНСС и ДВ РФ, Ассоциация коренных малочисленных народов РА.

По инициативе «Лаураветлан – Информационно-образовательной сети коренных народов»⁵, начиная с 2004 г. в республике проводятся обучающие семинары-тренинги для представителей КМН. Один из таких семинаров назывался «Защита прав коренных малочисленных народов на исконную среду обитания

¹ <http://www.regnum.ru/news/1153686.html> (дата обращения: 21 апреля 2009 г.).

² <http://www.gorno-altaisk.info/news/4088> (дата обращения: 21 сентября 2009 г.).

³ <http://www.kurultai.altairepublic.ru/print.php?sid=1264> (дата обращения: 5 июня 2009 г.).

⁴ <http://www.kurultai.altairepublic.ru/print.php?sid=1264> (дата обращения: 5 июня 2009 г.).

⁵ <http://www.indigenous.ru/modules.php?name=Content&pa=showpage&pid=1> (дата обращения: 18 апреля 2011 г.).

и традиционный образ жизни». Он состоялся 24–25 февраля 2004 г. в с. Кош-Агач. На семинаре с лекцией выступила член Московской коллегии адвокатов, почетный адвокат России О.А. Яковлева. Лекция была посвящена вопросам конституционных и законодательных гарантий прав коренных малочисленных народов и механизмов их защиты, в том числе практике применения законодательства о создании общин и территорий традиционного природопользования.

В мае 2005 г. Центр ЮРИКС провел семинар-тренинг в с. Чемал Чемальского района РА. Он был посвящен анализу норм российского и международного законодательства, гарантирующих защиту прав КМН. Особый акцент был сделан на правах на землю и природные ресурсы как основу жизнедеятельности коренных малочисленных народов РА. Кроме того, приглашенные на этот семинар имели возможность изучить Конвенцию Международной организации труда «О коренных народах и народах, ведущих племенной образ жизни в независимых странах» № 169.

Таким образом, за последние годы представители теленгитов наряду с другими коренными малочисленными народами РА существенно повысили уровень юридических знаний, получили инструментарий для использования российского и международного законодательства с целью защиты своих прав. Это, безусловно, определило и рост этнокультурного самосознания теленгитов. Большое значение в этом процессе сыграли исследования западных и российских антропологов, этнографов и фольклористов.

В настоящее время формируется многоуровневая идентичность коренного населения Алтая. Но если бы за основу категоризации и легитимации теленгитов как КМН был взят их родовой состав (а роды – *сеоки* у южных алтайцев и у теленгитов практически идентичны), то объективировать их как особую этнокультурную группу вряд ли удалось бы. Поскольку же решение о придании теленгитам статуса КМН принимали представители местной и федеральной власти, то этот факт ими попросту не был учтен. Для самих же жителей Кош-Агачского и Улаганского районов РА принципиальной разницы в том, как себя называть – «теленгит» или «алтаец» – нет, поскольку оба этнонима для них значимы как маркеры двухуровневой этнической идентичности.

В период подготовки переписи 2010 г. председатель Государственного собрания – Эл Курултай РА И.И. Белеков неоднократно консультировался с администрацией Института этнологии и антропологии РАН по поводу возможности двойного учета КМН Республики Алтай. В результате было принято решение об обращении в Росстат с предложением учесть КМН РА как по отдельности, так и совокупно: «По итогам консультаций с руководством Республики Алтай предложено в отношении алтайцев использовать принцип “группа – подгруппа”, как это было сделано в отношении части дагестанских народов. В последние годы в этом регионе оформили свой статус коренные малочисленные народы и были включены в утверждаемый правительством РФ список четыре группы: кумандинцы, тубалары, теленгиты, челканцы» [4]. Таким образом, было закреплено употребление двойного этнонима алтаец-теленгит.

По мнению известного сибиреведа Л.П. Потапова, алтайцы консолидировались в единый алтайский этнос лишь в годы советской власти [3]. В последние годы наметилась тенденция к новой консолидации алтайцев. Так, на состоявшемся 16 апреля 2011 г. очередном 6-м курултае алтайцев главой алтайского народа, Эл башчы, был избран Урмат Князев – выходец из Кош-Агачского района. На собрании делегатов из районов республики присутствовали как собственно алтайцы, так и кумандинцы, тубалары, теленгиты и челканцы.

Таким образом, власти РА, предпринявшие в условиях кризиса после распада СССР меры по улучшению социально-экономического положения населения, проживающего в сложных природно-климатических условиях, не предполагали, сколь далеко идущими окажутся последствия этого решения. Начиная с 2009 г. вновь усилился процесс консолидации единого алтайского народа, являющегося «титутельным этносом».

ЛИТЕРАТУРА

1. Национальный состав населения. Итоги Всероссийской переписи населения 2002 года. Официальное издание. Горно-Алтайск, 2005. Т. 2.
2. Соколовский С.В. Концептуализация этнического в российском конституционном праве // Расизм в языке социальных наук / под ред. В. Воронкова, О. Карпенко, А. Осипова. СПб., 2002.
3. Потапов Л.П. К вопросу о национальной консолидации алтайцев // Советская этнография. 1952. № 1.
4. Тишков В.А. Как и почему меняется национальный состав страны // Российская газета. 2010. 6 окт.

КНИЖНАЯ КУЛЬТУРА

УДК 821.161

Л.И. ЖУРОВА

АВТОРСКИЕ СВОДЫ В РУССКОЙ ПУБЛИЦИСТИКЕ XVI в. (постановка проблемы)

Институт истории СО РАН,
г. Новосибирск
e-mail: istochnik_history@mail.ru

В статье рассматривается проблема формирования неофициальных сводов в русской публицистике первой половины XVI в., составленных крупными общественными деятелями: Нилом Сорским, Иосифом Волоцким, митрополитом Даниилом и Максимом Греком. На основе анализа построения авторских кодексов, их архитектурники выявляются способы реализации замысла писателей и особенности восприятия текста читателями.

Ключевые слова: публицистика XVI в., Иосиф Волоцкий, Нил Сорский, митрополит Даниил, Максим Грек, авторское самосознание, рукописный сборник, собрание сочинений.

Развитие русской публицистики XVI в. происходило на подъеме веры в разум, в силу убеждения, в силу книжного слова [1, с. 129–130]. Осмысление исторических событий, идеологическая полемика в Московской Руси [2; 3], двигавшейся к эпохе самодержавия, требовали новых форм словесности. Наряду с официальными сводами, памятниками «обобщающего характера» [4, с. 107–114; 5–7]: Никоновской летописью, Великими Минеями Четъими, Стоглавом, Степенной книгой – шел интенсивный процесс создания публицистами сводов из собственных сочинений. Складывавшийся в первой половине XVI в. опыт собирания авторских текстов (составление избранного) открывал одно из перспективных направлений древнерусской книжности, в которой «любой текст запечатлевал в себе как эпизодическую, так и семантическую авторскую память» [8, с. 155]. Это знаковое явление в книжной культуре первой половины XVI в. было вызвано возраставшим осознанием значимости своих сочинений, ответственности писателя за свое слово и, главное, заботой о его восприятии читателем. Оно должно рассматриваться в контексте стиля эпохи второго монументализма, когда, по словам Д.С. Лихачева, «красота подменяется размерами. Авторы стремятся действовать на своих читателей величиной своих произведений» [1, с. 134–135].

Имена писателей, которые, как правило, были известными историческими деятелями в средневековой культуре, обеспечивали рецепцию их сочинений. Индивидуальность публицистов проявлялась постепенно. Их творчество, спровоцированное общественно-политической обстановкой в Московской Руси, подготовило

эпистемологический сдвиг, который, по словам И. Беренсмайера, «заключался в переходе от опоры достоверного знания на личное наследие и личный авторитет к новому опытному знанию» [9, с. 623–637].

Изучение авторских сводов первой половины XVI в. позволяет выделить два типа в истории их складывания. Первый представляет собой обширное монологическое высказывание автора на одну тему. Он однороден по составу и форме: речь автора организована в виде последовательно связанных глав (гомогенный тип). К нему следует отнести такие произведения, как «Устав» Нила Сорского и «Просветитель» Иосифа Волоцкого. Второй тип более сложен по своей архитектонике, он составлялся и редактировался самими авторами из собственных сочинений на разные темы, разнороден по составу и по жанрам, тексты не имеют между собой жестких связей, их системные отношения обусловлены только авторской интенцией (гетерогенный тип). Таким типом свода представляются «Сборник» митрополита Даниила и собрания сочинений Максима Грека.

В самом значительном произведении Нила Сорского, известном в науке как «Устав», ведущей темой избраны вопросы внутренней жизни монашествующего человека, главным образом, борьбы инока со страстями. Жанр сочинения определен Ф. Лилиенфельдом как богословский трактат [10, с. 97].

Во вступлении, которое в традиционной средневековой культуре «помогало читателю “узнавать” в произведении необходимое настроение, привычные мотивы, темы» [11, с. 71; 12, с. 129], Нил Сорский определяет свой замысел так: если многие святые

отцы, наученные Божиею благодатью, высказались различными словами о помыслах человека, то и «я многогрешный и неразумный, собрав от Святых Писаний, что сказали об этом духоносные отцы, написал для напоминания себе»¹. И здесь же он определил метод своего изложения: «Поскольку же не из тех я, кто в здравии благодушия и тишине от страстей пребывает, но в узах болезни страстей нахожусь, то это немногое сказал я не от себя, но от Святых Писаний, малое от многого собрав, как пес от крошек, падающих со словесной трапезы господ своих – блаженных отцов, да хоть немного *будем их подражателями*» (здесь и далее курсив мой. – Л. Ж.). Таким способом автор настраивает читателя на восприятие своей учительной речи. В конце своего сочинения книжник повторит: «Не от себя... сказал я, но от Богодухновенных Писаний святых отцов, просвещенных разумом... Если же от этого писания кто-то пользу получит, пусть и о мне грешном помолится». Так пространное высказывание автора замыкается, оно завершено и содержательно, и композиционно. Полнота текста, по замыслу писателя, усиливает убедительность авторского слова и воздействие его на читателя, а именно, иноку (инокам) в первую очередь адресована речь Нила Сорского.

Основная проблема – что надо делать иноку, желающему спастись, – составляет смысловой стержень пространного сочинения, которое автор представил как свод 11 глав. Обсуждение выбранной в каждой главе темы нацелено на поучение. Заголовком сборника – «Из писаний святых отцов о мысленном делании: ради чего это нужно и как подобает стараться о том» – заявлена коммуникативная установка автора. Текст и заглавие становятся подтекстами единого текста. В средневековой книжной культуре название аннотирует сочинение. Содержание глав «Устава» напрямую представлено в единообразных по форме названиях, которые подготавливают восприятие текста: «Глава 1. О различении стадий ведущейся с нами мысленной брани, о победах и поражениях в ней и о том, что надо тщательно противиться страстям», «Глава 3. О том, как и чем укрепляться при наступлении браней мысленного подвига», «Глава 8. О слезах: что подобает делать хотящим обрести их» и т.д. Так в 11 главах сборника изложено практическое руководство старца по духовной работе инока над собой.

Главы «Устава» различаются пространством текста. Автора как бы не заботит пропорциональность частей (одна глава обширна, другая очень кратка), основное – это их согласованность. Выстраивая текст линейно, Нил Сорский опирался на Священное Писание и патристику, не увлекаясь при этом цитированием. Авторское начало этого средневекового книжника проявилось в искусстве сопряжения своего слова с «чужим» текстом, и «лишь прозорливый взгляд, по наблюдению Ф. Лилиенфельда, может открыть сквозь завесу этих отеческих мнений талантливого писателя» [10, с. 98].

Другое широко распространенное в древнерусской литературе сводное сочинение русской публицистики принадлежит Иосифу Волоцкому. «Книга на новгородских еретиков» тоже построена по доминантному принципу. Критика московско-новгородской ереси, бывшей по сути реформационным движением, гуманистическим течением [1, с. 127], составила основное ее содержание. Книга и заглавие в древнерусской литературе всегда соответствуют друг другу, т. е. они коиндексальны. Читатели «Книги на новгородских еретиков» в XVII в. нашли другое название памятнику – «Просветитель», которое, как показала история текста этого сочинения, отразило сильную рецепцию авторского замысла.

По содержанию «Книга на новгородских еретиков» – первый русский свод православного богословия, по форме – это свод авторских текстов. «Рабочим» материалом послужили послания Иосифа Волоцкого архимандриту Вассиану о Святой Троице (Слово 1), епископу Суздальскому Нифонту (Слово 12), инокам о повиновении соборному определению (Слова 15 и 16) и др. Изложение в Словах заново отредактировано автором, оно более подробное, логичное и последовательное, нежели в посланиях. Текстуальный анализ этих сочинений позволяет видеть особенности творческой лаборатории публициста.

Первая редакция «Книги» (1502 г.) состояла из 11 глав; вторая, пространная, редакция (1510–1511 г.) включала уже 16 глав ([13], здесь же предложена новая концепция отношений редакций «Просветителя»). Совпадение числа статей первой редакции «Книги» с «Уставом» Нила Сорского может быть не случайностью, а указателем на авторитетный образец. С помощью изучения предшествующего опыта «можно описать историческое развитие древнерусской литературной системы, выделяя динамические схемы, которые явились результатом творческого подражания порождающим моделям, кодифицированным господствующей литературной верой» [14, с. 139]. «Книга» Иосифа Волоцкого есть, согласно авторской интенции, «рецепт» духовного выздоровления грешника. Свой замысел Иосиф объяснил тем, что о появившихся еретиках новгородских не написано книг, не найдено ни одного лекарства, чтобы исцелить эту болезнь. «И таковыя ради беды, и азъ мало нечто събрахъ отъ божественныхъ Писаний, съпротивно и обличительно еретическымъ речемъ»². Комментированное чтение авторитетных сочинений – главный прием изложения своей позиции в полемике и ведущий принцип строения авторского текста Иосифа Волоцкого.

«Книга» создана как система ответов идеологическим противникам. Важную роль в организации сборника играют заголовки. Основные, ключевые вопросы полемики вынесены в пространные номинативные названия каждой главы. Двучленная конструкция заголовков (первая часть содержит тезис еретиков, вторая – антитезис-ответ богослова) настраивает на

¹ Цит. по: Нил Сорский, преподобный. Устав о скитской жизни / Нов. рус. пер. Екатеринбург: Изд-во Ново-Тихвинского жен. монастыря, 2002; URL: <http://www.omolenko.com/biblio/nil-sorskiy.htm>

² Цит. по: «Просветитель», или обличение ереси жидовствующих. Творение преподобного отца нашего Иосифа, игумена Волоцкого. Казань, 1903. С. 46–47.

восприятие полемической речи автора. Например, «Слово 10. На ересь Новоградских еретиков», хулящих писания святого Ефрема и глаголющих, яко ложна суть писания его. *Зде же* имать сказание от Божественных Писаний, яко святого Ефрема писании истинно и подобна суть пророческому и еуаггельскому и апостольскому писанию» (с. 294). Единоначатие заглавий – «на ересь Новгородских еретиков» – связывает все Слова в сводный текст. Названия выполняют функцию претекста и подготавливают понимание сложных рассуждений.

Слово 11, которым заканчивалась первая редакция свода, «На ересь Новгородских еретиков, хулящих иноческое жителство», отличается от всех других своим строением: текст поделен на пять глав, каждая из которых имеет свое название. Несомненно, тема устройства монашеской жизни в разворачивающейся полемике с нестяжателями для автора, ставшего идеологом стяжательства, была чрезвычайно важна концептуально, и потому он выделяет ее структурно. Новые главы второй редакции (12–16) не нарушают общую стилистику и композицию текста, а дополняют, обогащают аргументацию полемической речи Иосифа Волоцкого.

Внутренние связи, существующие между главами «Просветителя», скрепляют текст в единое целое, делают свод не просто набором отдельных сочинений, а организованным на авторской интенции монолитным высказыванием публициста. Так, идеи предисловия симультанно распределены в первых 13-ти Словах; автор в последнем, 16-м слове отсылает читателя к 13-й и 15-й главам. В заключительных Словах свой собранный труд Иосиф Волоцкий называет книгой (Слово 15: «пусть прочтет слово, которое написано в начале этой книги»; Слово 16: «пусть он прочтет тринадцатое слово, помещенное в этой книге»). Такая референция не случайна, автор тем самым подчеркивал учительный характер своего труда и рассчитывал, вероятно, на его широкое распространение и массовое чтение.

Таким образом, ведущий принцип изложения Нила Сорского и Иосифа Волоцкого, основанный на проблемно-тематической выборке из книг Священного Писания, памятников учительной и житийной литературы, – рекуррентный, т. е. пошаговое движение в развитии темы разворачивает концепцию авторов до конца. Выписки и цитаты фундировали авторское высказывание, и сам публицист, прикрывавшись «чужим» словом, находился на пути перехода от имперсонального типа творчества, присущего древнерусской книжности, к индивидуальному, динамично развившемуся в литературе Нового времени. Авторская позиция именно в публицистическом сочинении должна быть выражена особенно внятно, ответственность писателя за сказанное слово возрастала. Форма и архитектура авторского свода способствовала презентации общественно-политических взглядов публицистов и рецепции читателей.

Другой тип авторского свода собственных сочинений – гетерогенный – представлен «Соборником» митрополита Даниила (РГБ, ф. 173, собр. МДА, № 197), состоящим из 16 слов, которые И.Д. Беляевым, митрополитом Макарием, В. Жмакиным оценены как не

связанные между собой сочинения [15, стлб. 193–209; 16, с. 181–275; 17, с. 288].

В отличие от своего наставника и в силу своего положения – главы церкви – Даниил обратился к комплексу проблем, наиболее актуальных для своего времени. Свободная (не проблемно-тематическая) подборка текстов в его авторском сборнике (а авторский или тематический сборники представляют собой систему) производит впечатление некоторой внутренней неупорядоченности, неопределенности опыта. Мера этой неупорядоченности в системе – энтропия – обычно стремится к уменьшению или увеличению, поэтому можно говорить об уровнях энтропии авторских сборников. «Просветитель» Иосифа Волоцкого имеет нулевой уровень энтропии. «Соборник» Даниила имеет повышенный уровень энтропии. Собрания сочинений Максима Грека демонстрируют стремление автора к снижению уровня энтропии.

Совпадение числа глав «Соборника» и «Просветителя» (16) позволяет описать систему, организованную авторами, через количественную характеристику, она представляет в данном случае однородную структуру. Видимо, стремясь выдержать цифровое соответствие, Даниил несколько искусственно делит одну тему – о неразлучении мужа и жены – на два Слова (14 и 15), и близкую к ней – «о втором браке» – выделяет в самостоятельное Слово 16. Наряду с этим качественная, а именно содержательная составляющая обнаруживает разнородность авторских сборников, анализ которой позволяет понять замысел публицистов.

В составе «Соборника» Даниила можно видеть некоторую логику. Взяв на себя роль проповедника, митрополит избрал учительный, а не полемический тон речи. Цель автора сформулирована в кратком предисловии «Соборника», роль которого заметно редуцирована в сравнении со вступительными словами сборников Нила Сорского и Иосифа Волоцкого. Даниил предлагает читателям «духовную трапезу в питание и наслаждение», дело пастыря, пишет он, «кормити христоименитых людие»³. Писатель использует известный способ изложения: «Сего ради мы, в мале потрудившися, от Божественных Писаний избравше истинная разумения и рассужения, совершихомъ ко всехъ душевней ползе» (л. 4 об.). Опять обращение к Писанию как неиссякаемому источнику знаний – проверенный способ строения собственной речи писателя. В Словах Даниила «чужие речи», в отличие от стиля Иосифа Волоцкого, сконцентрированы в одном месте. В трехчастной структуре Слов Даниила вторая часть, составленная из цитат и выписок, является самой обширной. В библиографию вошли библейские книги, патристика, правила соборные, богослужебная литература, сочинения и жития святых, патерики и различные сборники. Выписки (на языке средневековой письменности – свидетельства), как правило, служат писателю подготовительными материалами. Включение их в компилятивный текст Слов Даниила может быть оправдано просветительскими целями. В первой же части Слов определяется тема

³ Цит. по рукописи: РГБ. Ф. 173. Собр. МДА. № 197. Л. 4.

повествования, в третьей, названной автором «Наказание», содержится собственно поучение, назидание; это развернутое заключение, вытекающее из материалов первых двух частей. Занимающее сильную позицию конца текста, «Наказание» функционально наиболее значимо, выразительно, выдержано в традиции средневековой риторики и потому более рассчитано на эффект читательского восприятия (именно оно было в первую очередь опубликовано В. Жмакиным).

Круг вопросов, поднятых Даниилом в Словах, связан с темами богословскими – о ложных пророках, о соблюдении церковных преданий, о крестном знамении, о Едином Боге, о вочеловечении Господнем и с темами общечеловеческими, конституированными в божественных заповедях – о смирении враждующих, о несотворении зла, о послушании властям, о неразлучении мужа и жены. Сама последовательность Слов может быть представлена в виде движения от небесного к земному.

Содержательное поле сочинений Даниила и Максима Грека различается количеством поднятых тем. Спектр проблем, затронутых в трудах «гипербореяца из Эллады», многоцветен. Формы повествования, способы организации текста, поэтические и риторические приемы Максима Грека разнообразны, но находятся в рамках высокой культуры книжного слова.

Формирование Святогорцем собраний собственных сочинений (конец 1540 – первая половина 1550 г.) – самое масштабное предприятие в практике составления неофициальных, авторских сводов Московской Руси первой половины XVI в. Систематизация Слов Святогорца в 47 главах Иоасафовского собрания определена как его «ответ судиям» [18, с. 186–219]. Монументальность формы самого полного прижизненного свода – Хлудовского (74 главы) – усиливала звучание публицистического голоса автора и укрепляла позиции ученого грека, анализировавшего отношения человека и власти, человека и общества, человека и человека, человека и Бога в их концептуальном развитии [19, с. 330–481]. В истории древнерусской книжной культуры такие проекты продекларировали особую форму авторского права. Составление собраний трудов Максима Грека русскими книжниками в конце XVI – начале XVII в. (Синодальное собрание в 112 глав, Полное собрание в 151 главу и др.) происходило в развитие авторского опыта и отражало особенности рецепции читателей.

Практика составления авторских сводов XVI в., несомненно, знаменует собой важный этап истории становления индивидуального начала в средневековой литературе.

ЛИТЕРАТУРА

1. Лихачев Д.С. Развитие русской литературы X–XVII веков. Л., 1973.
2. Казакова Н.А., Лурье Я.С. Антифеодальные еретические движения на Руси XIV – начала XVI века. М.; Л., 1955.
3. Клибанов А.И. Реформационные движения в России в XIV – первой половине XVI вв. М., 1960.
4. Лихачев Д.С. Человек в литературе Древней Руси. М.; Л., 1958.
5. Клосс Б.М. Никоновский свод и русские летописи XVI–XVII вв. М., 1980.
6. Степенная книга царского родословия по древнейшим спискам: тексты и комментарии: в 3 т. / Отв. ред. Н.Н. Покровский, Г.Д. Ленхофф. М., 2007. Т. 1.
7. Емченко Е.Б. Стоглав: исследование и текст. М., 2000.
8. Смирнов И.П. О древнерусской культуре. Л., 1977. С. 155.
9. Berensmeyer I. No fixed address: Pascal, Gervantes and the changing function of literari communication in early modern Europe // New lit. history. Virginia, 2003. № 4. P. 627.
10. Лилиенфельд Ф. О литературном жанре некоторых сочинений Нила Сорского // Труды Отдела древнерусской литературы. М.; Л., 1962. Т. 18. С. 97.
11. Лихачев Д.С. Поэтика древнерусской литературы. М., 1979. С. 71.
12. Сазонова Л.И. Украинские старопечатные предисловия конца XVI – первой половины XVII в. (борьба за национальное единство) // Тематика и стилистика предисловий и послесловий (русская старопечатная литература XVI – первой половины XVIII в.). М., 1981.
13. Алексеев А.И. Сочинения Иосифа Волоцкого в контексте полемики 1480–1510 гг. СПб., 2010.
14. Пиккио Р. Влияние церковной культуры на литературные приемы Древней Руси // Пиккио Р. Slavia Orthodoxa. Литература и язык. М., 2003. С. 139.
15. Беляев И.Д. Даниил митрополит московский // Изв. Импер. Академии наук по Отделению русского языка и словесности. СПб., 1856. Т. 5, вып. 4. Стлб. 193–209.
16. Макарий (Булгаков). Сочинения московского митрополита Даниила. Статья преосвященнейшаго Макария, архиепископа литовского и виленского // Христианское чтение, изд. при Санкт-Петербургской духовной академии. 1872. № 10. С. 181–275.
17. Жмакин В. Митрополит Даниил и его сочинения. М., 1881. С. 288.
18. Синицына Н.В. Максим Грек в России. М., 1977.
19. Журова Л.И. Авторский текст Максима Грека: рукописная и литературная традиции: в 2 ч. Новосибирск, 2008. Ч. 1. С. 205–490; 2011. Ч. 2. С. 127–291.

УДК 821.161.1

Т.В. ПАНИЧ

**ЖИТИЕ ПАТРИАРХА ИОАКИМА: ОСОБЕННОСТИ КОМПОЗИЦИИ
(к вопросу о специфике агиографического жанра в XVII в.)**

Институт истории СО РАН,
г. Новосибирск
e-mail: istochnik_history@mail.ru

В статье исследуются жанровые особенности Жития патриарха Иоакима, устанавливается специфика его структуры и композиции. Памятник рассматривается как совокупность сочинений разной жанровой природы, выполняющих функцию определенных структурных элементов традиционной житийной схемы.

Ключевые слова: агиография, житийная топика, традиция, поздние жития, трансформация жанра, структура, композиция.

В последнее время заметно возрос интерес исследователей к агиографическому жанру – одному из ведущих жанров древнерусской литературы [1]. Особый интерес представляют жития позднего периода русского средневековья, так как они отличаются значительным разнообразием композиционного строения и содержания, отражая историко-культурные изменения и закономерности развития литературной системы «переходной» эпохи. На специфику поздних житий обратил внимание В.О. Ключевский [2, с. 297–357]. О «кризисе средневековой идеализации человека в житийном жанре» писал Д.С. Лихачев [3, с. 104–106]. Признаки трансформации агиографического канона в поздних житиях были отмечены Л.А. Дмитриевым на примере северорусских житий [4, с. 259–261]. Некоторые параметры изменений агиографической модели в XVII в. (нарушение традиционной композиции, усиление биографической составляющей, «сюжетную избыточность», обилие персонажей) выделила М.Д. Каган-Тарковская [5, с. 122–132]. На сегодняшний день имеется ряд научных работ, посвященных поздним житиям. Вместе с тем еще многие проблемы, связанные с развитием агиографического жанра в XVII в., остаются нерешенными. В специальном исследовании нуждаются и отдельные житийные памятники этого периода, анализ которых может внести большую ясность в понимание специфики поздних житий, позволит оценить характер изменений их жанровой формы.

Одним из таких памятников является Житие патриарха Иоакима [6, с. 351–355]. Оно известно в двух списках первой четверти XVIII в. (оба введены в научный оборот Н.П. Барсуковым) [7; 8, с. 117–126]: 1) РГБ, собр. И.Д. Беляева, № 29/1535¹ (далее – Б); 2) РГБ, собр. Троице-Сергиевой лавры, II, № 14 (далее – Т)².

¹ Список дефектный: утрачено несколько листов; текст опубликован Н.П. Барсуковым [7, с. 3–148].

² Из этого списка Н.П. Барсуков опубликовал фрагменты, утраченные в списке Б [8, с. 117–126]. Полностью текст списка издан в нашей работе, см.: [9, с. 68–94].

Списки вторичны, так как содержат пропуски и ошибки (в том числе фактические³). Их текстологическое исследование позволило установить две редакции сочинения [9, с. 41–94].

Памятник представляет собой подборку текстов: составитель сопроводил жизнеописание патриарха рядом разных по жанру, но тематически связанных с ним сочинений, образующих агиографический комплекс, в котором последовательно рассказано о жизни и кончине патриарха Иоакима.

В списке Б комплекс состоит из семи сочинений: Жития Иоакима; Послания Игнатия Римского-Корсакова⁴ Афанасию Холмогорскому с рассказом о том, «како бысть преставление святейшаго Иоакима патриарха»; Духовного завещания Иоакима; «Описания краткого» его смерти и погребения; двух эпитафий («Стихи надгробные» и «Над гробом в таблице написано») и небольшого текста, также касающегося кончины патриарха.

В списке Т (сокращенная редакция) сохранилось пять сочинений из семи исходных. Отсутствуют: «Стихи надгробные» и текст на тему кончины патриарха.

В данной работе мы будем опираться на список Б, представляющий более раннюю и более полную редакцию памятника⁵.

Чтобы понять суть авторского замысла создателя агиографического комплекса, касающегося его композиционного строения, рассмотрим каждое из составляющих его сочинений, начиная с первого текста – собственно Жития патриарха Иоакима.

В этом произведении, как и в других житиях

³ Так, год составления Завещания патриарха при переводе на летоисчисление «от Рождества Христова» в обоих списках указан с ошибкой: «1605», хотя в написании «от мироздания» сохраняется верная дата: «7198» (1690) (см.: Б, л. 88 об.; Т, л. 59–59 об.).

⁴ Имя автора Послания сообщает список Т (л. 43).

⁵ Ссылки на листы рукописи приводятся после цитаты в круглых скобках с указанием принятого нами буквенного обозначения списка.

«переходной» эпохи, проявились отклонения от канонической жанровой модели. Поскольку жизнеописание Иоакима было создано вскоре после его смерти (17 марта 1690 г.)⁶, содержание сочинения тесно связано с реалиями и событиями второй половины XVII в. Здесь присутствуют реальные исторические персонажи (цари, духовные и мирские лица из окружения патриарха); отражена тема борьбы официальной церкви со старообрядцами (эпизод с отправкой увещательной грамоты Иоакима (еще новгородского митрополита) в Соловецкий монастырь); затронута проблематика государственного и церковного землевладения (сюжет о наказании болезнью боярина Михаила Головина, отрезавшего при межевании часть земли, принадлежавшей патриаршему дому); говорится об участии молодого Иоанна (мирское имя будущего патриарха) в военных действиях («послан бысть сопровит сопостатов в Киевския страны»). Автор уделяет большое внимание церковной карьере Иоакима, подробно перечисляя все пройденные им должностные ступени, тем самым создавая своеобразный документ, содержащий конкретные сведения о биографии патриарха. В этом отчетливо проявляется одна из примет житийной литературы XVII в. – усиление биографического начала [5, с. 126].

Отход от агиографического канона прослеживается и в композиции сочинения, о чем свидетельствует отсутствие в нем некоторых стандартных элементов структуры жанра. Здесь нет вступления и заключения («похвалы святому»); нет этикетной рубрики «посмертные чудеса» – функционально и содержательно значимого элемента житийной схемы (посмертные чудеса, как известно, являлись одним из неперенных условий канонизации святого).

Несмотря на такую композиционную ущербность и несоответствие сочинения канонической схеме, его содержание насыщено агиографической топики. В соответствии с требованиями жанра будущий патриарх происходит «от благочестивых и православных родителей». Рождение младенца отмечено особым знаком: его появление на свет в праздник Богоявления («во время всенощного бдения, в самый благовест») говорит об избранности для служения Церкви – традиционный агиографический мотив, присущий житиям церковных деятелей. Описывая далее жизнь Иоакима, автор продолжает ориентироваться на агиографическую парадигму, используя житийные клише, с помощью которых создает образ святого с соответствующими каноническими атрибутами и этикетными характеристиками – вполне в духе требований агиографического стандарта.

Особый интерес представляет воспроизведение в Житии событий, связанных с пребыванием будущего патриарха в Новоспасском монастыре в должности келаря. На первый взгляд, внимание писателя сосредоточено на конкретных и обыденных деталях монастырского быта. Он рассказывает о том, как Иоаким, прийдя в обитель, налаживал порядок в монастырском

хозяйстве, преодолевая жестокое сопротивление братии («сопостат возстави на него кромолу в братии») и ничем не мотивированную ненависть со стороны настоятеля Прохора. Однако и здесь обнаруживаются мотивы и образы из арсенала агиографической топики. Например, сцены столкновений героя с монастырской братией напоминают типичные для жанра эпизоды духовной брани житийного героя с бесами (автор постоянно подчеркивает, что злоба его гонителей инспирирована дьяволом – «супостатом человеческих душ»). Иоаким смиренно сносит несправедливые обвинения, наветы и поношения в свой адрес (очевидное влияние агиографического сюжета об оклеветанном праведнике), отвечая обидчикам добрыми делами: «все творяше по глаголу апостола, промышляюще добрая пред Богом и человеки» (Б, л. 8). Описывая бытовые ситуации, агиограф создает житийный образ «трудолюбивого», «терпеливого», «праведного» и «кроткого раба Христова». Обыденные происшествия (например, конфликт монастырских клириков с келарем Иоакимом из-за недостатка хлеба или их бунт из-за испорченной рыбы), переосмысленные в контексте житийной топики, приобретают значение вневременных отвлеченных событий, а реальный монастырский келарь Иоаким преобразуется в святого, главными чертами которого являются смирение и кротость. Эти качества, по мысли автора Жития, Иоаким сохранил до конца жизни: «И бысть зѣло кроткий и тихий пастырь и многая исправления во святой соборной Церкви сотвори» (Б, л. 22).

Как уже было отмечено, жизнеописание имеет незавершенный вид: автор останавливает повествование на сюжете о чудесном исцелении боярина Головина и его супруги, подкрепляя рассказ цитатой из Псалтири: «Близ Господь всѣмъ призывающим Его, воистину волю боящихся Его сотворит, и молитву их услышит, и спасетъ я» (Пс 144: 18–19).

Продолжением данного текста является второе сочинение комплекса – Послание Игнатия Римского-Корсакова Афанасию Холмогорскому, которое во многом компенсирует его событийную неполноту и композиционную незавершенность⁷. Оно повествует о «скончании» патриарха Иоакима и является центральным по своему месторасположению и идейному значению в структуре комплекса. Именно в Послании нашел отражение один из важнейших агиографических топов – «благочестивая смерть» святого. Особую роль в его реализации играет ряд видений, записанных автором со слов знавших патриарха людей⁸.

Часть видений отмечена символикой его скорого ухода из жизни. Это предсмертное видение самого Иоакима (видение двух трапез: царской и патриаршей), сокровенный смысл которого истолкован автором Послания с помощью цитат из Священного Писания как призвание патриарха в Небесное Царствие [11, с. 115–127]. Смерть патриарха предсказывает и видение

⁷ Не исключено, что агиобиографическая часть комплекса появилась уже после написания Послания, с чем и связана ее неполнота.

⁸ Этот литературный прием Игнатий использовал и позднее, когда работал в Сибири над Житием Симеона Верхотурского [10, с. 196–271].

⁶ Другие тексты комплекса были подготовлены приблизительно в это же время, за исключением Завещания патриарха, написанного перед его кончиной.

игумена Сретенского монастыря Пахомия, в котором Иоаким торжественно восходит на царское крыльцо «с великою славою и украшением великим патриархъшеским...» в сопровождении «нездешних жителей» (скончавшихся бояр и патриарших диаконов; Пахомий называет их имена) (Б, л. 38–38 об.).

В других видениях события происходят после кончины патриарха. В них Иоаким предстает в облике пастыря, заботящегося о своей пастве и после смерти («яко и по смерти его Господь Богъ намъ, чадомъ его, таковая святыми молитвами его подают утѣшение» – Б, л. 59 об.). Так, он прозорливо предупреждает архимандрита Петровского монастыря Иова о неблагоприятном духовном климате в его обители, своевольном поведении иноков: «В монастыре твоём братия суть самовластни, потреба тебе над ними зѣло смотрити» (Б, л. 63 об.). По свидетельству других визионеров, являвшийся им патриарх совершал литургию, причащал, благословлял, поучал паству «зѣло полѣзно и умилиѣлно». Доместик Новоспасского монастыря Харлампий получает в видении прощение и благословение от патриарха: «Святѣйший же Иоаким патриарх радостно... благословляше его обѣма рукама по хрепту, глаголя “Бог да простит тя” трикратно» (Б, л. 58). В структуре данного сюжета присутствует традиционный для видений мотив созерцания света. Харлампий рассказывает: «Приидох же и видѣх его сѣдѣща на оном крыльцѣ. Трапеза же и крыльцо бѣяху без мѣры свѣтлыи» (Б, л. 57 об.). Замечание визионера о необычной яркости света («без меры») подчеркивает его особую природу и особое символическое значение в описываемой картине видения: ослепительный неземной свет (традиционно сопутствующий изображению святых), в сиянии которого предстает перед Харлампием патриарх, должен быть интерпретирован в качестве еще одного знака, подтверждающего его святость.

Содержание видений соотносится с этикетными представлениями о благочестивой кончине подвижника, которая по законам агиографии должна сопровождаться знаменательными событиями и чудесными явлениями. Отдельные сюжеты видений напоминают посмертные чудеса, выполняя, таким образом, функцию отсутствующего в первом тексте комплекса этого композиционного элемента. Насыщенные традиционными житийными мотивами и символами видения содержательно обогащают агиографический образ патриарха Иоакима, созданный в первом сочинении комплекса.

Следует сказать, что Послание, как и жизнеописание патриарха, тесно связано с культурно-историческим контекстом конца XVII в., насыщено признаками эпохи с ее злободневными проблемами. Так, здесь нашла отклик полемика по вопросу о времени предложения святых даров. Автор затронул и события, связанные с избранием преемника Иоакима на патриаршем престоле, сопровождавшимся столкновением интересов разных властных группировок.

Значимую роль в структуре агиографического комплекса играет Духовная грамота (Завещание) патриарха, следующая за Посланием. Однако Игнатий упоминает о ней еще в Послании. Примечательно, что он делает это в том месте текста, где рассказывает

о приближении кончины Иоакима: «Всесвятѣйший Иоаким патриарх себѣ изнемогающе позна себѣ, яко не точию по болѣзни, но и по старости, яко близ день скончания его, призывает во извѣщение православия своего исповѣдь его послушающаго пречестнаго господина отца Пахомия... И все, еже имѣ в помыслѣ своем, возвѣсти ему. И от него с Богом святым, яко от духовнаго своего отца приемлет себѣ, да якоже извѣстил ему таинственно, сице и явственно чадом своим предложит сице писание – исповѣдание и послѣдняго гласа завѣтъ, сииречь грамоту духовную» (Б, л. 32 об. – 33).

Важно подчеркнуть, что автор выстраивает повествование в соответствии с жанровым канонами. Как известно, житийный герой, получив откровение о скорой смерти, призывает духовного отца (для исповеди) и близкое окружение и оставляет им свое последнее наставление или завещание (часто это всего лишь несколько слов). Первоначально в житиях говорилось об устном завещании, но со временем (это касается житий церковных деятелей, главным образом святителей) возникла традиция иногда прилагать к жизнеописанию святого текст его духовной грамоты, которая становилась частью агиографического повествования. Таковы, например, жития митрополитов Киприана [12, с. 108–112], Фотия [12, с. 152–169], игумена Кирилла Белозерского [13, с. 132–217] и др. Судя по всему, появление такой практики было обусловлено самой композиционной спецификой жития, ведь составленная перед смертью духовная грамота по своему содержанию соответствовала «предсмертному завещанию» святого – традиционному элементу агиографической схемы, представляя его в развернутом виде. Важно иметь в виду и то, что духовная грамота в этом случае становилась документальным свидетельством последней воли святого.

Следуя этой традиции, составитель изучаемого нами агиографического комплекса помещает текст Духовной грамоты патриарха Иоакима сразу после Послания архимандрита Игнатия. Она, таким образом, выполняет здесь функцию указанного структурного элемента житийной модели и логически продолжает агиографическую тему предыдущих текстов.

Завещание содержит и автобиографический материал, что является одним из характерных признаков этого жанра [5, с. 130–131; 14, с. 386–387]. Здесь использованы и некоторые этикетные формулы житийного канона («благочестивые родители» и «благочестивое воспитание»): «родителми благочестивыми родихся в мир сей и во благочестии непорушном Восточныи Церквѣ в православной вѣре воспитан» (Б, л. 70). Это тематически и текстуально сближает Завещание с первым текстом комплекса. В Завещании прослеживаются и такие важные агиографические мотивы (закрепленные в традиции святительского жития), как учительство, забота о больных, убогих и нищих, вдовах и сиротах, щедрая милостыня и др. Патриарх Иоаким предстает здесь в облике, который совпадает с идеальным образом святителя, нарисованным в его жизнеописании и Послании архимандрита Игнатия: смиренный и кроткий «раб Христов», заботливый пастырь и защитник православия.

Следующие за Духовным завещанием небольшие тексты продолжают тематику житийного сюжета, сообщая о смерти и погребении патриарха. В стихотворных эпитафиях, завершающих повествование, кратко обозначен его жизненный путь. По своему содержанию и композиционному расположению эпитафии выполняют в повествовании функцию житийного топоса «похвалы святому». Здесь Иоаким прославляется как праведный пастырь, чей подвиг состоял в церковном и общественном служении:

Шестнадесятѣльно опасно правяше
Паству, врученну Богом, тому угождаше.
Труд подъемля несносный, борим от противных,
Врагов и еретиков злословим злоумных.
Но терпением своим вся тыя побѣди,
Словеса разумными вспять она отврати.
И поиде вслѣд отцев, мзду от Бога взяти,
И паствѣ своей свыше молитву низслати
(Б, 96 об.–97).

Итак, анализ показал, что сочинения комплекса сближает не только общая тема и агиографическая топика (житийные мотивы и образы, наполняющие каждый из текстов), но и особый прием распределения текстового материала. Автор использует традиционный принцип «ансамблевого» строения текста, когда житие дополняется новыми сочинениями, связанными с именем святого. Однако использование этого приема в рассматриваемом нами случае имеет свою специфику. Если в классических житиях новые сочинения представляют лишь дополнительные сюжеты (обретение мощей святого, прижизненные или посмертные чудеса и др.), событийно и тематически обогащающие основной, «полноценный» по своей жанровой структуре текст, то в изучаемом памятнике соединенные с жизнеописанием Иоакима сочинения, помимо привнесения новых сюжетов, выполняют еще и функцию недостающих в нем элементов стандартной агиографической модели. Следует учитывать и то, что в отличие от ранних житий, где «ансамбль» складывался постепенно, на протяжении многих лет, Житие патриарха Иоакима изначально было создано как совокупность текстов разной жанровой природы.

Работая над его композицией, составитель сосредоточил свои усилия на поиске новых структурно-се-

мантических возможностей агиографического жанра, сохраняя при этом преемственную связь с традицией. В итоге ему удалось отобразить все необходимые элементы канонической житийной схемы. Столь свободный подход создателя памятника к его композиционному оформлению в соответствии с собственным творческим замыслом демонстрирует его авторскую волю, свидетельствует об определенном уровне авторского самосознания, рост которого признан исследователями одной из инноваций «переходной» эпохи.

ЛИТЕРАТУРА

1. Русская агиография. Исследования. Публикации. Poleмика. СПб., 2005.
2. Ключевский В.О. Древнерусские жития святых как исторический источник. М., 1988.
3. Лихачев Д.С. Человек в литературе Древней Руси. М., 1970.
4. Дмитриев Л.А. Житийные повести Русского Севера как памятники литературы XIII–XVII вв. Л., 1973.
5. Каган-Тарковская М.Д. Развитие житийно-биографического жанра в XVII веке // Труды Отдела древнерусской литературы. СПб., 1996. Т. 49. С. 122–132.
6. Каган М.Д. Житие Иоакима патриарха // Словарь книжников и книжности Древней Руси. XVII век. СПб., 1992. Ч. 1. С. 351–355.
7. Житие и завещание святейшего патриарха Московского Иоакима / Изд. ОЛДП. СПб., 1879. Вып. 47.
8. Житие московского патриарха Иоакима / Изд. ОЛДП. ПДП. СПб., 1880. Вып. 2. С. 117–126.
9. Панич Т.В. Житие патриарха Иоакима (вопросы атрибуции, истории текста и литературной специфики памятника) // Традиции отечественной духовной культуры в нарративных и документальных источниках XV–XXI вв. Новосибирск, 2010. С. 41–94.
10. Литературные памятники Тобольского архиерейского дома XVII века / Изд. подг. Е.К. Ромодановская, О.Д. Журавель // История Сибири: Первоисточники. Новосибирск, 2001. Вып. 10.
11. Панич Т.В. Книга «Щит веры» в историко-литературном контексте конца XVII века. Новосибирск, 2004.
12. Степенная книга царского родословия по древнейшим спискам: Тексты и комментарий: в 3 т. / Изд. подг. под рук. Н.Н. Покровского. М., 2008. Т. 2.
13. Житие Кирилла Белозерского // Библиотека литературы Древней Руси. СПб., 1999. Т. 7: Вторая половина XV века. С. 132–217.
14. Понырко Н.В. Житие протопопа Аввакума как духовное завещание // Труды Отдела древнерусской литературы. Л., 1985. Т. 39. С. 379–387.

УДК 94(47).048+281.93+821.161

Л.Д. ДЕМИДОВА

**ОКРУЖНОЕ ПОСЛАНИЕ МИТРОПОЛИТА ФОТИЯ
В СОСТАВЕ «ХРИСТИАНООПАСНОГО ЩИТА ВЕРЫ...» ИНОКА АВРААМИЯ***

Институт истории СО РАН,
г. Новосибирск
e-mail: lardem.nsk@gmail.com

Статья посвящена анализу одной из глав старообрядческого сборника «Христианопасный щит веры...». Автор показывает, как инок Авраамий, используя фрагменты окружного послания митрополита Фотия, благодаря новому расположению и собственным комментариям превратил текст, написанный в начале XV в., в обличающий сторонников церковной реформы, прежде всего – патриарха Никона. Придав посланию митрополита Фотия вневременной характер, составитель сборника актуализировал его обличительную направленность, в результате чего оно стало восприниматься читателем как полемическое сочинение, написанное от лица защитников старого обряда.

Ключевые слова: рукописные старообрядческие сборники, инок Авраамий, митрополит Фотий, церковная реформа.

Историко-полемический сборник инок Авраамия «Христианопасный щит веры...», составленный в 1667–1669 гг. в защиту старого церковного обряда, исследователи называют «одним из образцов старообрядческой книги как историко-литературного жанра» [1, с. 33]. Благодаря единству замысла составителя, продуманной композиции и структуре его с полным правом можно отнести к авторским сочинениям [2]¹. Сборник состоит из 46 глав. Помещенные в нем материалы, по замыслу составителя, должны были стать надежными свидетельствами для защиты старых церковных обрядов, дать Авраамию и его единомышленникам весомые аргументы при отстаивании своей позиции. В числе этих материалов – сочинения защитников старого обряда, выписки из старопечатных книг, произведения авторов Древней Руси. Основательность замысла инок Авраамия позволила Р. Крамми утверждать, что «Христианопасный щит веры...» имеет «энциклопедический характер» [3, р. 128–129].

Составляя сборник, Авраамий стремился к тому, чтобы все без исключения его главы воспринимались читателем в определенном ключе. Для этого ему пришлось провести большую работу, методы которой были весьма разнообразны. Чаще всего он давал к приводимым текстам небольшие комментарии, которые сам назвал «пристижениями». Они выполняли функцию предисловий или послесловий. В них составитель сборника старался представить собственную точку зрения на вопрос, обсуждаемый во включенном в сборник сочинении. При этом он обязательно актуализировал

высказанные предшественником идеи, показав их связь с современными событиями. Авраамий применял «пристижения», чтобы придать используемым текстам новое звучание. В некоторых случаях составитель включал произведение без каких-либо изменений, а иногда осуществлял редактирование, чтобы еще более акцентировать внимание читателя на важной для него мысли, высказанной другим автором. Подобный прием работы с исходным текстом Авраамий применил в главе 24-й «Христианопасного щита веры...». Попытаемся проследить, каким образом составитель, комментируя и редактируя одно из сочинений митрополита Фотия, написанное в конце 1415 – начале 1416 г., сумел придать ему современное звучание.

Внимание Авраамия привлекло «Поучение Фотия Киевского и всеа Руси, к епископом и к всякому священническому и иноческому чину, и к благочестивым князем и властителем, и всем христоименитым господним людям, избрано от Ветхаго и Новаго Завета, и от святых апостол и святых отец правил, о нынешнем новом разрушении и мятежи церковнем, бывшем от несмысленных и суесловных и несвященных епископ, иже святая правила поправших, паче же не святая правила, но себе поправших» [4, с. 316–356]², написанное в ответ на окружную грамоту, которая была разослана собором литовских епископов в связи с поставлением на Киевскую митрополию игумена Григория Цамблака. Иерарх Русской церкви в своем послании обличал литовских епископов и призывал паству хранить верность законному митрополиту, т. е. ему [5, с. 339–348; 6, с. 86–97].

Подзаголовок, данный Авраамием этому Посланию, перечисляет лишь его адресатов – клириков и мирян, «в православной вере непоколебимо пребывающих и благочестно живущих», но не акцентирует вни-

* Работа выполнена при финансовой поддержке гранта Президента РФ по поддержке ведущих научных школ НШ-3942.2010.6.

¹ В данной работе все ссылки на текст «Христианопасного щита веры...» даются по списку: ГИМ, Синодальное собрание № 641 (сокращенно – Син.), который считается основным. Разночтения указываются по списку: РГАДА, собр. Мазурина. Ф. 196. Оп. 1. № 532 (сокращенно – Маз.)

² Далее цитаты приводятся по данной публикации с указанием страниц в основном тексте в круглых скобках.

мание на теме. Очевидно, что Авраамий, уделявший большое внимание не только содержанию вошедших в сборник текстов, но и оформлению заглавий, сделал это намеренно. В других случаях составитель сборника не упускал возможности подчеркнуть сходство отдаленной исторической ситуации с современными ему событиями. Так, включив в качестве 18-й главы «Христианоопасного щита веры...» одну из редакций «Повести об осьмом Флорентийском соборе» Симеона Суздальского в неизменном виде, он постарался создать у читателя представление о сопоставимости двух событий – Ферраро-Флорентийского собора, принявшего унию в 1439 г., и Поместного собора Русской Православной Церкви 1653 г., с которого, по мнению защитников старого обряда, началась церковная реформа. Цель была достигнута: Авраамии удалось установить аналогию и распространить негативную оценку унии на «проклятый никонов собор» [2].

В 24-й главе Авраамий сознательно отказался от того, чтобы провести аналогию между церковным расколом XVII в. и ситуацией, сложившейся в 1414–1415 гг., так как она едва ли была сравнима с заключением унии, представлявшей защитникам старого обряда одним из этапов всемирного «падения», отступления от «истинной веры». Более перспективным в данном случае, по-видимому, ему показался другой подход. Авраамий постарался «обезличить» текст, чтобы его содержание приобрело вневременной характер, стало предельно актуальным в современной ему ситуации, когда, как он заметил в «пристижении», «все... уклонишася вкупе от исполнения церковнаго и в ереси впадша, от никонова ересоначальства, мнози отступницы явишася» (л. 175 об.). Именно «от сих причин» (т. е. по этой причине), как объясняет далее составитель, он и включил это авторитетное сочинение митрополита Фотия в сборник.

Скорее всего, Послание привлекло внимание Авраамия потому, что оно было авторитетно и обладало необходимым в тогдашних исторических обстоятельствах полемическим пафосом, а также имело другое, не менее важное, достоинство – яркий литературный стиль, вследствие чего, по словам Е.Е. Голубинского, «оно читается легко, производя то сильное впечатление, на которое было рассчитано» [7, с. 382]. Послание было включено в сокращенном виде, о чем Авраамий сообщил в предваряющем текст названии: «И се от втораго поучения Фотия митрополита избрав положися»³. Об этом говорят и первые слова развернутого заголовка-аннотации: «Слово выбрано от поучения Фотия митрополита», а также замечание Авраамия в предваряющем текст «пристижении»: «...от словес фотиевых Божию помощию на краткая словеса, хранения ради верных, сия предложися». Таким образом, составитель сборника счел нужным подчеркнуть, что вниманию читателя предлагаются только фрагменты из сочинения митрополита Фотия. Бережно отнесясь к исходному тексту, Авраамий фрагментарно представил

его, и фрагменты воспроизведены практически дословно, но при этом изменил последовательность изложения.

Выписки из Послания предваряются «пристижением», в котором Авраамий обличал своих оппонентов в ереси, заявляя, что они попрали «святые правила» и тем самым отступили от «правой веры». Чтобы придать этому утверждению весомость, составитель сборника подчеркнул, что выражает приведенное мнение не от своего имени («на свою бо аз хвалу и гордыню анафему полагаю» (л. 157 об.)), а «словесами великого пастыря, трблженнаго отца» митрополита Фотия. Обозначив таким образом важность послания митрополита Фотия для подкрепления точки зрения защитников старого обряда, Авраамий далее отметил, что он поместил его в сборник «хранения ради верных» (Там же).

В конце главы дано еще одно «пристижение», в котором Авраамий, ссылаясь на апостольские правила, предложил читателю практический вывод из послания митрополита Фотия: не совершать совместного богослужения с отступниками от истинной веры. В этой главе Авраамий не ограничился двумя «пристижениями», открывающим и заключающим ее. Кроме того, он дополнил избранные фрагменты своими комментариями, поместив их непосредственно в текст главы. В нескольких случаях дополнения представляют собой авторские ремарки, отделяющие выписки из Послания от рассуждений Авраамия.

Например, при помощи замечания «прочее же услышим наказание Фотиево» (л. 157 об.) Авраамий осуществил переход от вводного «пристижения» к тексту Послания. В другом месте главы ремарка «Фот[ия] мит[рополита]», также отделявшая рассуждение Авраамия от очередного фрагмента Послания, была вынесена на поле (л. 166 об.). Слова «Возвратимся же на подлежащее и услышим святого Фотия» (л. 159 об.) отделяли сделанное составителем сборника дополнение к первому фрагменту Послания от следующего фрагмента, принадлежащего митрополиту Фотию. Замечание «Конец Фотиеву» (л. 171 об.), выделенное кинovarью, указывало читателю на окончание текста Послания и на начало заключительного «пристижения» Авраамия⁴.

Общий принцип организации текста 24-й главы таков: сначала Авраамий приводит один из фрагментов Послания, который обязательно заключает собственным комментарием. Последний должен был развить и дополнить мысль митрополита Фотия в нужном составителю ключе. Затем либо при помощи уведомляющей ремарки, либо без нее Авраамий помещает следующий фрагмент текста, который также дополняет и комментирует.

Приведем характерный пример работы Авраамия с текстом митрополита Фотия. В «Христианоопасном щите веры...» послание начинается со слов: «Молю вас, возлюбленнии, яко да уставит кииждо ум свой к глаголемым...» Этот фрагмент заимствован из вступительной части текста, но не является его началом.

³ Поучение называется в «Христианоопасном щите веры...» вторым, так как 23-я глава также содержит сочинение митрополита Фотия.

⁴ В Маз. ремарка «Конец Фотиеву» отсутствует. Вместо нее стоит слово «Пристижение», также выделенное кинovarью (л. 321 об.).

Приведа довольно обширную цитату из Послания, Авраамий отредактировал ее окончание:

Послание Фотия (РИБ, т. 6, с. 322)

...тем же убо кая суть яже о нем (имеется в виду дьявол, сеющий вражду в церкви. – Л. Д.), не мое есть еже сказати, понеже хотят ся вмае от иных явити пред всеми вами, иже на святая правила разъярився и некоторая слабоумная обретши, и прельщает лукавством своим, възмогше люте Христову паству погубити...

Внесенное Авраамием дополнение придало фрагменту из Послания совершенно иной смысл, нежели тот, который вкладывал в него митрополит Фотий. Опираясь на авторитет иерарха Русской Церкви, внеся в текст его сочинения совсем небольшие пояснения, Авраамий сумел таким образом вину за церковные раздоры возложить на сторонников реформ. Эпитет «слабоумные», который в послании Фотия относился к «дрогнувшей» и прельщенной пастве, у Авраамия был перенесен на его оппонентов. Затем Авраамий привел фрагмент Послания, начинающийся со слов: «Хощу убо о сем явити и известити вашей любви...» Эта цитата тоже была заимствована им из вступительной части Послания, но в исходном тексте она предшествует только что рассмотренному нами фрагменту.

Вторая выписка также подверглась изменениям. Основа фразы была заимствована у митрополита Фотия: «Вы же возлюбленнии, не прельщайтесь от злодейства их и лукавства (речь идет о лживых пастырях и начальниках. – Л. Д.), но якоже прияли есте святое крещение от зборныя и апостольския Христовой церкви, такоже прияли есте от нея имети святителя единого, и якоже есте прияли, съхраните се до конца веком» (с. 318). Однако его мысль очень умело была дополнена: «Но якоже прияли есте святое крещение, сохраните е, и якоже прияли исповедание православныя веры, во Отца и Сына и Святаго Духа, Господа истиннаго и животворящаго, такоже аллилуйю по святых отец преданию, паче же от святых ангел, еже есть аллилуйя, аллилуйя, слава Тебе, Боже, и о сложении перстов, и прочее догматы церковныя по древнему благочестию, сохраните благочестие до конца века» (л. 159 об.).

Авраамий, заменив окончание фразы из послания митрополита Фотия, в которой указывалось на обязанность паствы подчиняться только одному пастырю, на призыв к читателю-современнику сохранить благочестие путем соблюдения древних церковных обрядов, сумел тем самым изменить смысл фразы, сделав его остросовременным. Необходимость сохранения чистоты веры обосновывалась, по мысли Авраамия, тем, что настали «последние времена». Для подтверждения этой мысли он продолжил цитировать сочинение Фотия: «Но близ вас конец веком достиже, якоже глаголет апостол, и восташа лютая времена и беззаконие исполнися, и любовь многих увянула и прелщающии мнози и прелщаемии множайшии» (л. 159 об.). Составитель сборника явно рассчитывал на эффект, произведенный этой фразой, которая подводила итог размышлениям самого Авраамия и его единомышленников, идеально

ХЦВ, Син., л. 149 об.

Тем же убо и кая суть яже о сих? Не мое есть, еже сказати, понеже хотят ся вмае от иных явити пред всеми вами. *Аще мы умолчим, камене возопиют.* Иже на святая правила разъярився, *паче же на святых отец, предавших нам сия.* И некоторыя слабоумныя прелшают лукавством своим, възмогше люте Христову паству⁵ погубиша.

вписываясь в мироощущение защитников старого обряда. Авторские дополнения составителя сборника придавали фрагментам Послания смысловое единство, а идеи, сформулированные митрополитом Фотием в начале XV в., приобретали новое звучание и помогали выразить точку зрения Авраамия.

Редакторская работа Авраамия демонстрирует не только изобретательность мысли, но и литературное мастерство: вставки полностью вписываются в текст Послания стилистически. В результате Авраамию удалось сохранить блестящий, обличительный, местами довольно язвительный язык Послания, но при этом коренным образом изменить смысл текста. Его актуализация в новых исторических условиях была сделана настолько мастерски, что Послание стало восприниматься читателем как полемическое обращение от лица защитников старого обряда.

Особенно хорошо это видно на примере дополнения Авраамия, помещенного после фрагмента послания Фотия, в котором излагается правило 2-го Вселенского собора о Максиме Кинике и толкование на него. В нем Максиму дается следующая характеристика: «Сей Максим Киник, киник же скажется безстыдный, иже Божию церковь раздра и много мятежа и молвы сию исполни, волк в пастыря вместо явлься» (л. 161 об.). Через несколько строк Авраамий дополнил текст собственным рассуждением, в котором дал не менее яркую характеристику патриарху Никону: «Не мните же, возлюбленнии, хуждыши быти сих и сего разбойника и татя и ученика диаволя в ересех и в волхованиих и в злостроумии, глаголю же Никона еретика⁶, недостойне похитившаго престол патриаршества все-светлой России, грех ради наших» (л. 162).

Далее следует эмоционально насыщенный фрагмент Послания, представляющий собой образец красноречия со множеством ярких образов, метафор, риторических восклицаний и вопросов. В нем автор осыпал укорами литовских епископов, «самозаконно содеявших» поставление Григория Цамблака. Поскольку этот фрагмент Авраамий поместил сразу после характеристики патриарха Никона, он стал восприниматься читателем как обличение современников Авраамия – высшего духовенства Русской Православной Церкви, поставивших Никона патриархом: «Увы, начинают замышления не разсуждением правильным,

⁵ Маз.: «стаду» (л. 293)

⁶ Маз.: «и татя и ученика диаволя» (л. 299 об.).

но паче мучителски, samozаконно поставление его содеявше, яко в сенном (в оригинальном тексте – «сонном». – Л. Д.) привидении играюще проявление сии, спешаще гнуснии, и мерскаго онаго поставляют, и священную одеждоу непотребнаго несвященне одевают, еже: достоин! возгласивше ему, иже многаго стыда и лукавства достойнаго» (л. 161 об.). К последней фразе составитель сборника сделал следующее дополнение, исполненное не меньшего драматизма: «Одевают волка овчею кожею, иже и воззрением своим многим ужаснутися сотвори. Таже начинает убо поядая, нападая на церковь Божию, спеша разрушити и смутити, воюет убо ея, низлагает, развращает». Подобным образом включены в текст и другие дополнения-комментарии. Их яркая полемическая окраска не только имела обличительный характер, но и призывала «верных» хранить благочестие и чистоту православия.

Таким образом, благодаря редакторской работе составителя сборника, фрагменты послания митрополита Фотия превращались в полемический текст, направленный против сторонников церковной реформы, прежде всего патриарха Никона. Для составителя сборника послание Фотия являлось не только авторитетным текстом, подтверждавшим его точку зрения. Авторские дополнения Авраамия придали тексту остросовременный характер. В ряде случаев, никак не отделяя свои дополнения от текста митрополита Фотия, по сути, стирая грань между ними, Авраамий достиг такого эффекта, когда Послание, написанное в начале XV в., по мере чтения стало восприниматься как полемическое сочинение, созданное защитниками старого обряда. Авраамий «заставил» Фотия говорить «от лица» своих сторонников.

Это наблюдение подтверждается заголовком, который дан Посланию в предисловии сборника: «Второе Поучение Фотиево на еретики обличительно, преложено на нынешних отступников» (л. 1 об.). Под «еретиками» здесь, естественно, понимались сторонники Никона, бывшие адресатами полемических сочинений не митрополита Фотия, а Авраамия. Указание на то, что Пос-

лание именно «преложено», т. е. переработано с целью обличения «нынешних отступников» свидетельствует о функции, которую придавал этой главе Авраамий в составе «Христианоопасного щита веры...»: не проведение исторических аналогий, не просто обращение к авторитетному тексту для подкрепления своего мнения, а полное адаптирование чужого сочинения к полемическим нуждам защитников старого обряда, переадресация исходного текста.

Рассматривая Послание в контексте авторского сборника Авраамия, необходимо отметить, что по тематике эта глава не только тесно связана с соседней, 23-й главой, содержащей еще одно послание митрополита Фотия, но также развивает тему «неправедных пастырей», затронутую в 22-й главе («Повесть об Удоне, епископе Магдебурском»). Благодаря ярко выраженной обличительной направленности оно может также рассматриваться как дополнение к главе 20 («О соборном деянии и низвержении Никонове»), содержащей обвинения, выдвинутые против Никона низложившим его собором. Послание, таким образом, органично вписывается в композиционный замысел Авраамия, развивая затронутые ранее темы.

ЛИТЕРАТУРА

1. Словарь книжников и книжности Древней Руси / под ред. Д.С. Лихачева. СПб., 1992. Вып. 3: XVII в., ч. 1.
2. Демидова Л.Д. Повесть Симеона Суздальского в составе «Христианоопасного щита веры...» // Гуманитарные науки в Сибири. 2010. № 3. С. 7–10.
3. Crumney R.O. The Origins of the Old Believer's Cultural System: The Works of Avraamii // Beiträge zur 7. Internationalen Konferenz zur Geschichte des Kiever und des Moskauer Reiches. Berlin; Wiesbaden, 1995. (Forschungen zur osteuropäischen Geschichte, Bd 50).
4. РИБ. СПб., 1908. Т. 6, № 39.
5. Карташев А.В. Очерки по истории Русской Церкви. Париж, 1959. Т. 1.
6. Макарий (Булгаков), митр. История Русской Церкви. СПб., 1886. Т. 4.
7. Голубинский Е.Е. История церкви. М., 1900. Т. 2.

УДК 94(47).04+930.85

Н.С. ГУРЬЯНОВА

**О ВОСПРИЯТИИ СТАРООБРЯДЦЕМ ЭСХАТОЛОГИЧЕСКИХ
ПОСТРОЕНИЙ ПРЕДШЕСТВЕННИКА***

Институт истории СО РАН,
г. Новосибирск
e-mail: gurian@academ.org

Статья посвящена исследованию восприятия и трактовки старообрядцем, жившим в начале XIX в., авторитетного в кругу защитников старого обряда эсхатологического сочинения «Об антихристе. 18 разделов». Анализ написанного им нового предисловия, а также внесенных корректив в авторское введение к сочинению позволил представить реальную картину восприятия эсхатологических построений предшественника старообрядцем, жившим чуть позже. Это очень важный аспект изучения мировоззрения старообрядцев.

Ключевые слова: старообрядчество, эсхатология, рукописи, сочинения, читатель.

Отличительной особенностью мировосприятия человека средневековья была острота эсхатологических ожиданий. Для определенной части населения России она оставалась характерной чертой не только в переходный период от средневековья к Новому времени, но и в XVIII–XIX вв. Дело в том, что реформа, начатая патриархом Никоном, привела к расколу в Русской церкви и всплеску эсхатологических настроений, особенно в среде не принявших нововведения в обряде и богослужбной практике. Этому способствовала издательская политика Московского печатного двора времени патриарха Иосифа, благодаря которой в обществе распространялись произведения, посвященные обсуждению вопросов эсхатологического учения [1, с. 32–56].

В XVIII в. защитники старого обряда после разделения этого религиозно-общественного движения на поповщину и беспоповщину, а затем и на согласия внутри каждого направления, опираясь на тексты Священного Писания, святоотеческого предания, а также на произведения православных авторов, в том числе и относящиеся к творческому наследию Киевской митрополии, попытались убедить читателя в якобы совершившемся воцарении в мире антихриста. Каждый автор предлагал собственную систему доказательства этой мысли. Эсхатологические построения составили основу формирующейся идеологии вновь образованных согласий.

Иерархи Русской церкви вынуждены были не только опровергать мысль о должном вскоре последовать конце света, но и предложить решение проблем эсхатологического учения. Вышедшее из печати в 1703 г. сочинение Стефана Яворского [2], являвшегося тогда местоблюстителем патриаршего престола, не только открывает ряд такого рода произведений, но и характеризует его. Современный исследователь В.М.

Лурье очень верно обозначил эти тексты как «новая противораскольническая эсхатология», подчеркнув, что только старообрядцы унаследовали существовавшую в дониконовской Москве ясность историко-эсхатологических концепций, хотя они и не были едины в своих эсхатологических воззрениях, а господствующая Церковь «после неудачных попыток заменить их латинскими суррогатами... осталась ни с чем» [3, с. 2, 7].

Сочинение «Об антихристе. 18 разделов», написанное во второй половине XVIII в. [4, с. 287, № 10], во многих отношениях является этапным в эволюции старообрядческого эсхатологического учения. Именно его посчитали типичным для беспоповцев еп. Макарий (М.П. Булгаков) [5, с. 241, сн. 431], а вслед за ним и И.Ф. Нильский, посвятивший свой труд критике учения старообрядцев о конечных судьбах мира и человека [6, с. XXIV, сн. 36]. Для старообрядцев оно тоже оказалось значимым. Об этом нам позволяет говорить следующее обстоятельство. Известные на данный момент списки (три последней четверти XVIII в.¹, два первой четверти XIX в.² и один конца XIX в.³) представляют собой аккуратно переписанные, практически дословно воспроизводящие текст. Это означает, что старообрядцы очень уважительно относились к этому сочинению, не внося никаких корректив, способствуя его распространению. В нем были представлены все отобранные к тому времени несколькими поколениями защитников старого обряда цитаты, составлявшие эсхатологическое учение.

Каждый раздел сочинения посвящен конкретной теме. Иногда вначале помещено небольшое авторское введение, поясняющее читателю тему раздела, суть

¹ РГБ, собр. Егорова (ф. 98), № 1748, 4°. 182 л.; 1884, 4°. 179 л.; собр. Музейное (ф. 178), № 9952, 4°. Л. 6–153 (далее М. 9952).

² БАН, собр. Дружинина, № 968 (15), 4°. Л. 3–242. Список учтен В.Г. Дружининым; РГБ, собр. Егорова (ф. 98), № 1668, 2°. Л. 1–268.

³ РНБ, Q.I.1371. Л. 1–225 об.

* Работа выполнена при финансовой поддержке РГНФ, проект № 11-01-0035а

обсуждаемой проблемы. Не только во введении, но и в разделах постоянно подчеркивается, что данное сочинение – не размышления конкретного человека, а в нем собраны авторитетные тексты, способные помочь читателю решить важнейший для него вопрос – о переживаемом времени. Например, перед оглавлением замечено: «От Святаго Писания и учителей церковных вкратце собравше, любви вашей предлагаем», а в первом разделе заявлено: «Мы же не своя, но готовая святых разсуждения собравше, zde предлагаем»⁴.

Современному читателю трудно оценить, каким образом воспринимались подобные эсхатологические построения современниками. Получить об этом представление может помочь список сочинения «Об антихристе. 18 разделов», сохранившийся в рукописи РГБ, собр. Барсова (ф. 17), № 147, написанной в начале XIX в. В нем нашла отражение попытка создать новую редакцию первых трех разделов сочинения, которое явно привлекло неизвестного старообрядца своей убедительностью аргументов и авторитетностью приводимых свидетельств. При этом он написал новое предисловие и отредактировал уже имеющееся. Эти два текста дают возможность получить представление о восприятии старообрядцем, жившим в начале XIX в., сочинения «Об антихристе. 18 разделов».

Новое предисловие написано в форме обращения к читателю и слушателю, о чем сказано уже в заголовке: «Предисловие, купно же и увещание к любезному читателю и ко всем хотящим послушати малыя книги сея»⁵. В этом тексте автор постарался более подробно осветить проблему необходимости для христианина чтения Священного Писания, которая была поднята и в предисловии к сочинению «Об антихристе. 18 разделов». Для этого он привел дополнительные аргументы в пользу утверждения мысли об обязательности «прилежного» и «со вниманием» чтения Священного Писания, чтобы «уразуметь», т.е. понять, «таинственное» и «скрытое» в нем: «... аще бы поистинне со вниманием и неленостно Святое Писание прочитали быхом, то вся нужная и потребная не точию мужие, но и жены могли быхом разумети»⁶.

Внимательное и неоднократное прочтение Священного Писания особенно необходимо и важно, по мнению автора, в переживаемое время, которое он характеризует следующим образом: «Паче же в таковое нынешнее столь нужное и многостонательное последнее время, в каковое несть истиннаго пастыря, ниже учителя, но вся та от среды отяшася и истребишася жгушим северным ветром». Чуть ниже он еще раз не менее эмоционально и образно опишет настоящее: «И в таковое столь лютное и мрачное время, в неже истинное и праведное солнце не светит, луна не блистает и звезды небесныя падоша на землю и вся умная светила погасоша и темный мрак покры всю землю»⁷. Как считает автор, только обращение к Священному Писанию может спасти христианина в такой ситуации.

В заключение он делает вывод, что чтение предлагаемой книги тоже предоставляет такую возможность: «Таковая же и толика, яко весма нужная и необходимая написах в предисловии сем, зело бо желаю и весма хошу, да часто прочитаете или послушаете, яже наперед имать написана быти. И аще вся та со вниманием прочитаете или послушаете, то воистинну познаете вся козни вражия и ничим же может прельстити вас»⁸. Автор-старообрядец, обратив внимание на сочинение «Об антихристе. 18 разделов», написанное в последней трети XVIII в., в новом предисловии попытался убедить читателя, что знакомство с этим текстом можно уподобить чтению Священного Писания. По его мнению, представленная в этом сочинении подборка фрагментов из него и их истолкований проясняет вопрос о переживаемом времени.

Неизвестный автор-старообрядец, живший в начале XIX в., не только представил текст, составленный предшественником, в качестве авторитетного, способного предостеречь читателя и прояснить для него вопрос о «последних временах», но и обсудил проблему возможностей человека познать тайны эсхатологии. Он постарался обосновать свое право «поведати великия и дивныя вещи», которые позволили бы понять сложнейшие вопросы учения об антихристе: «И тако, призвав Господа Бога в помощь, с таковым намерением, аще правая и полезная писати хошу, то и псу провещати повелит. Видим бо во Святом Писании, яко многажды и скоты и зверие человеческим гласом провещаша и неразумныя человеки научиша. Сие же и аз многогрешный, аще и пса горший есмь нравом и житием, но не словом, ни разумом, понеже бо полезная и спасительная писати имам и поведати великия и дивныя вещи паче всякаго человеческого смысла и разума. О них же многия от святых со мною боязнию молчанием преидоша»⁹.

В данном случае кажется, что автор характеризует себя в духе традиции древнерусского книжника, начиная со слов «аз многогрешный...», но далее он подчеркивает свою значимость, способность «поведати... вещи паче всякаго человеческого смысла и разума», которые даже многие писатели от «святых» обошли молчанием. В качестве яркого примера подобного рода он ссылается на классика христианской литературы Ефрема Сирина: «Преподобный же Ефрем Сирин во 105-м слове своем, аще и потщася написати нечто, но обаче со многим недоумением и боязнию сие глаголя: «Како аз грешный Ефрем, исполнен сый неведения, возмогу изрещи болшая мене...»¹⁰.

Далее приведена довольно пространная цитата из 105 слова Ефрема Сирина¹¹, в которой описан образ антихриста. После этого следует заключение: «Таковая же и толика преподобный Ефрем, аще и написа, но зело кратко и неявлено весма. Мнози бо таковая словеса его прочитающе по чернилом, мнят яко... Но сие мнящи, неправомышляют, но отседе да разу-

⁴ М. 9952. Л. 13.

⁵ РГБ, собр. Барсова, № 147. Л. 2.

⁶ Там же. Л. 13–13 об.

⁷ Там же.

⁸ Там же. Л. 19.

⁹ Там же. Л. 3.

¹⁰ Там же. Л. 3–3 об.

¹¹ Там же. Л. 3 об. – 4. См.: [7, л. 295–295 об.].

меют...»¹². В данном случае автор определенно делает заявку на то, что он способен пояснить читателю скрытый смысл, заложенный в Священном Писании, а также не вполне ясные толкования этих важных для каждого христианина, живущего в «последние», антихристовы, времена, фрагментов в святоотеческом предании.

Предшественник, написавший сочинение «Об антихристе. 18 разделов», видел свое назначение только в том, чтобы собрать воедино фрагменты текстов, составляющих эсхатологическое учение. Он считал, что при желании и внимательном их прочтении каждый сумеет уяснить для себя время пришествия антихриста. Об этом нам позволяет говорить фрагмент из заключительной части сочинения, из которого мы приведем только одну ключевую фразу: «А и мы прилежни будем ко обысканию писанных, имущим бо ум и просвещены очи сердца своего разумно будет пришествие его»¹³.

Действительно, как уже было отмечено, в упомянутом сочинении свое видение решения проблем эсхатологического учения автор давал благодаря отбору и последовательности расположения фрагментов текстов, дополняя их краткими авторскими комментариями. Старообрядец, живший в начале XIX в., обратив внимание на это сочинение, стремясь познакомить с ним других, совсем иначе видит свою роль в прояснении скрытого смысла, заложенного в Священном Писании и святоотеческом предании. Написав новое введение, он постарался убедить читателя в авторитетности отобранных предшественником фрагментов, знакомство с которыми, по его мнению, можно сравнить с прочтением Священного Писания. Себя он представил как способного помочь читателю понять тексты, составившие сочинение «Об антихристе. 18 разделов». Все это дает нам основание рассматривать данного писателя-старообрядца (РГБ, собр. Барсова, № 147) не только в качестве редактора, но и читателя, размышляющего над сочинением предшественника.

Например, опираясь на знакомство с сочинением «Об антихристе. 18 разделов», в новом предисловии он описал образ антихриста как противника Христу, во всех своих действиях ему противоположного, и рассудил так: «Отсель не ясно ли всякому хотящему истинну познати, яко наченши от Ветхаго Рима, даже досель, мало помалу, вся вселенная различною прелестью помрачися. О сем бо и поведати хошу в последующих отделениях, не от себе же, ниже от своего смысла, но от Святаго Божественнаго Писания»¹⁴. Здесь, обращаясь непосредственно к читателю, автор обозначил, что предлагаемый далее, в «последующих отделениях», текст посвящен раскрытию темы завоевания мира антихристом.

Следом он поместил существенно переработанную часть сочинения «Об антихристе. 18 разделов», представив этот текст, судя по приведенной цитате, как собственные разыскания. Его предваряет пространственный заголовок: «Книжица, собранная о антихрис-

товых предотеках и о самих антихристах, о первом, наставшем по тысящи лет в Ветхом Риме, о втором, распространившем власть свою во втором Риме, еже есть в Константинополи. О третьем же и последнем, наставшем по тысящи шести сот шестидесяти шестом лете. Собранное от разных книг весма ясное и достоверное свидетельство»¹⁵. В этом заголовке-аннотации кратко изложено понимание эсхатологических построений предшественника, а в заключительной фразе дана очень высокая оценка качества текста, который охарактеризован как «весма ясное и достоверное свидетельство».

Действительно, старообрядец, живший в начале XIX в., очень уважительно отнесся к исходному тексту. Он постарался не только сохранить мысль, сформулированную предшественником, но и сделать ее более понятной для читателя. Это было не столько литературное редактирование первоначального текста, а в большей степени его осмысление. Довольно краткие и не всегда ясные высказывания предшественника он превращал в образное изложение, в котором превалировала апелляция к бытовому сознанию. Например, в предисловии сочинения «Об антихристе. 18 разделов» читаем: «Аще бо вещей века сего бывающее прилежное испытание благо и полезно бывает. Зане, аще испытает кто прилежно кую-либо вещь, таковой приходит в совершенное ведение тоя вещи, юже испытает»¹⁶. Из контекста понятно, что автор хочет убедить читателя в необходимости читать Священное Писание «со испытанием», т. е. учиться понимать скрытый в нем смысл, поскольку даже в земных делах только прилежно обучающиеся могут освоить основы профессии.

Именно в таком ключе пытается раскрыть эту, высказанную предшественником, мысль и автор рассматриваемой рукописи (РГБ, собр. Барсова, № 147): «И о сем убо размыслим не точию бо в духовных и нужных сих ко спасению нашему принадлежащих, но и во всяких земных вещех прилежное испытание благо и полезно велми. Понеже бо прилежно испытает и непрестанно о том мыслит, како которую вещь начати или окончати. И аще непрестанно о том мыслит, таковой поистинне скоро в совершенное ведения тоя вещи приходит. А яко тако есть воистинну, то от сего можем познати»¹⁷. Совершенно очевидно, что в данном случае автор, опираясь на сформулированную предшественником мысль, постарался досконально объяснить ее концептуальный смысл, соотнеся его с прагматикой повседневной жизни.

Далее, как и его предшественник, он переходит к конкретным примерам. В сочинении «Об антихристе. 18 разделов» находим краткие указания на факты, иллюстрирующие столь же кратко сформулированную мысль о необходимости обучения любому ремеслу. Первым следует замечание относительно «всяких художеств»: «Например, всяких художеств художники не единым прикосновением во известии художества

¹² РГБ, собр. Барсова, № 147. Л. 4–4 об.

¹³ М. 9952. Л. 157 об.

¹⁴ РГБ, собр. Барсова, № 147. Л. 6 об.

¹⁵ Там же. Л. 20.

¹⁶ М. 9952. Л. 7 об.

¹⁷ РГБ, собр. Барсова, № 147. Л. 24 об. – 25.

бывают, но довольным испытанием и трудом многим и долгим временем своего художества искус приему»¹⁸.

Старообрядец, живший в начале XIX в., превратил это замечание в развернутое указание на то, что в любом «художестве» необходим длительный процесс обучения и прилежность, чтобы достичь профессиональных высот: «Например, разных художеств художники, ковахи, древодели, швецы, сапожники и вси, иже каковое-либо художество проходящи, елико их есть. Иже чесому научитися восхотят, не единым прикосновением навикают оному, но частым приседением и непрестанным вниманием, прежде навикают и обучаются от ведущих не точию бо во дни, но и в нощи не спят. И тако частым трудом и всегдашним вниманием постизают ведение и желаемаго художества научаются. Не точию же сами тыя вещи действуют, но и других хотящих тому же научают, приемше совершенное ведение от частаго к той вещи прилежания»¹⁹.

В этом случае особенно ясно проступает уважительное отношение к исходному тексту. Сохранены практически все слова, которые использовал предшественник, но они встроены в пространное рассуждение, которые позволили образно и всесторонне обрисовать контуры обсуждаемой проблемы. Уже начало первой фразы показывает, каким образом это было сделано. Повторив выражение предшественника, заменив только слово «всяких», автор-старообрядец заявил, что в этом примере речь пойдет о «разных художеств художниках». Далее конкретизировал это понятие для читателя, указав на некоторые из них, а затем представил свое понимание выражения «не единым прикосновением во известии художества бывают». Он описал достаточно подробно процесс обучения, отметив, что обучаются обычно от «ведущих» в этой области, приложив максимум усилий, а потом и сами передают опыт желающим постичь ремесло.

В качестве еще одного примера в пользу необходимости обучаться любому делу в сочинении «Об антихристе. 18 разделов» приведено следующее замечание: «Сие и градодержатели бывают мудры правители, егда многим трудом и долгим временем содержат градоправление»²⁰. Автор, живший в начале XIX в., взяв за основу это замечание, сразу же подчеркнул, что оно касается не только градодержателей, но

и любых «многих людей правителей»: «Сие же и градодержатели и многих людей правители того ради бывают разумны и премудры воеже управляти грады и народы и благочинно содержати порученная им могоще. Егда не на пиры и на обеды и частая всенародная увеселия обзирают, ядуще и пиюще и различныя проклады творяще, но егда и сами собою и своими подчиненными трудящися день же и ношь не усыпаяще, исполняяще им от вышния власти порученная, сие бо и сами себе беспорочных соблюдают и подчиненных своих законно управляют»²¹.

Краткое замечание предшественника и в этом случае было превращено в поучительный и образный рассказ о том, каким образом следует управлять городом и народом. Приведенные примеры работы с текстом сочинения «Об антихристе. 18 разделов» позволяют сделать вывод, что старообрядец, живший в начале XIX в., попытался разъяснить читателю эсхатологические построения предшественника. Для этого он написал новое предисловие, а имеющееся дополнил рассуждениями, в которых представил свое понимание обсуждаемых проблем. Точно так же он поступил и с тремя разделами основного текста сочинения. Все это позволяет нам рассматривать его не только в качестве редактора, но и читателя, зафиксировавшего в рукописи РГБ, собр. Барсова, № 147 свое восприятие сочинения «Об антихристе. 18 разделов».

ЛИТЕРАТУРА

1. Гурьянова Н.С. Старообрядцы и творческое наследие Киевской митрополии. Новосибирск, 2007.
2. Стефан (Яворский). Знамения пришествия антихристов. М., 1703 (описание издания см.: Гусева А.А. Свод русских книг кирилловской печати XVIII века типографий Москвы и Санкт-Петербурга и универсальная методика их идентификации. М., 2010. С. 407, № 1541).
3. Иеромонах Григорий (Лурье В.М.). Три эсхатологии. Русская эсхатология до и после великого раскола // Мир православия. Волгоград, 2000. Вып. 3. С. 150–178.
4. Дружинин В.Г. Писания русских старообрядцев. СПб., 1912.
5. Макарий, еп. Винницкий. История русского раскола, известного под именем старообрядчества. СПб., 1855.
6. Нильский И. Об антихристе против раскольников. СПб., 1859.
7. Ефрем Сирин. Слово 105: О антихристе // Ефрем Сирин. Поучения. М., 1647 (описание издания см.: Зернова А.С. Книги кирилловской печати, изданные в Москве в XVI–XVII веках. М., 1958. С. 66, № 202).

¹⁸ М. 9952. Л. 7 об.

¹⁹ РГБ, собр. Барсова, № 147. Л. 25.

²⁰ М. 9952. Л. 7 об.

²¹ РГБ, собр. Барсова, № 147. Л. 25 об. – 26.

УДК 94(47).05+94(47).06+94(571)+ 912.43(093)

И.А. ШИПИЛОВ

НАУЧНАЯ ОСНОВА КАРТОГРАФИЧЕСКИХ МАТЕРИАЛОВ ГЕОДЕЗИСТОВ – УЧАСТНИКОВ ЭКСПЕДИЦИЙ В СИБИРЬ В ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЕ XVIII в.*

Институт истории СО РАН,
г. Новосибирск
e-mail: istochnik_history@mail.ru

В статье рассматриваются картографические материалы геодезистов – участников экспедиций в Сибирь в первой половине XVIII в. как источники для комплексных картографических изданий, работ российских и европейских ученых и картографов. Показана роль исследований геодезистов в формировании адекватных представлений у просвещенных российских и европейских читателей о географии Сибири. Анализ элементов научной основы в картографических работах геодезистов позволил автору определить их вклад в становление и развитие картографии как науки в России.

Ключевые слова: геодезисты, картографы, научная основа карты, широта, долгота, Сибирь.

Участниками научно-исследовательских экспедиций, организованных в первой половине XVIII в. для всестороннего изучения России, были созданы многочисленные карты, ставшие для российских и европейских ученых и просвещенных читателей источниками сведений о географическом пространстве Российской империи, включая малоисследованную в то время Сибирь. На основе указанных материалов в России были выполнены первые картографические комплексы. Особое место среди них занимает Атлас Российской империи¹, опубликованный в 1745 г. Петербургской Академией наук на русском и латинском языках с французским и немецким переводами титульного листа. В научных кругах России и Европы он получил широкое распространение, вызванное большим исследовательским интересом [1, с. 55–59].

Основными источниками для составления семи специальных карт и части Генеральной, изображающих Сибирь в Атласе 1745 г.², стали картографические материалы геодезистов, работавших на востоке России в исследуемый период. Однако в нем были слабо использованы труды геодезистов – участников Второй Камчатской экспедиции (ВКЭ), которые поступили в Академию наук и были обработаны уже после 1745 г. Эти материалы были учтены при создании итоговых карт экспедиции, в числе которых – карта, изображающая новые открытия ВКЭ от Оби до Тихого океана, изданная Академией наук в 1754 и 1758 гг. и переведенная на европейские языки. Она позволила уточнить имеющиеся представления о географии Сибири.

Геодезистами – участниками экспедиций в Сибирь был выполнен комплекс работ, которые можно условно разделить на основные (специальные) и дополнительные. К последним относятся сбор этнографических данных о жизни, быте и культуре местных народов, а также сведений естественнонаучного характера, в том числе о флоре и фауне, и метеорологические наблюдения. Главным итогом специальных геодезических исследований – географического описания (маршрутов, водоемов и иных географических объектов) и инструментальной (топографической) съемки территории – стали карты сибирских регионов.

Карты Атласа 1745 г. и итоговая карта ВКЭ выполнены на научной (математической) основе, элементами которой являются: астрономо-геодезические координаты (опорные пункты), проекция и координатная сетка, масштаб [2, с. 37–56, 160]. Этот факт свидетельствует о становлении картографии как науки в России в обозначенный период. Для определения роли в этом процессе геодезистов – участников экспедиций в Сибирь особое значение имеют выявление и анализ элементов научной основы в их картографических работах и материалах, используемых при составлении карт.

В первой половине XVIII в. центрами образовательной и научной подготовки геодезистов-картографов были Московская математико-навигационная школа, начавшая работу в 1701 г., и открытая в 1715 г. Петербургская морская академия. В Математико-навигационной школе арифметику, геометрию, тригонометрию, навигацию и астрономию «с их практическими приложениями к геодезии и... мореплаванию» преподавали приглашенный из Абердинского университета профессор А.Д. Фарварсон с коллегами из Великобритании С. Гвыном и Р. Грейсом, а также российский математик Л.Ф. Магницкий [3, с. 5, 7, 11]. Наряду с лекционными курсами проводились практические занятия, на

* Работа выполнена при финансовой поддержке гранта Президента РФ по поддержке ведущих научных школ № НШ-3942.2010.6.

¹ Атлас Российской империи. СПб., 1745.

² Там же. № 12, 14–20.

которых учащимся объясняли назначение и способ применения различных инструментов – квадрантов для определения широт по высотам небесных тел, зрительных труб для наблюдения за последними, компаса или астролябии для определения румбов, карандашей, готовален с циркулями для создания карт [3, с. 19, 21; 4, с. 15]. Одним из основных учебных пособий в Московской школе и в Петербургской академии была «Арифметика» Л.Ф. Магницкого (1703 г.), значительная часть которой посвящена задачам и методам геодезических исследований, инструментальной съемке и составлению карты по ее результатам [5, л. 10–10 об., 270 и сл.]. Математико-навигационная школа стала подготовительным учреждением по отношению к Морской академии, где был открыт специальный геодезический класс (1716 г.), куда для чтения курса геодезии с основами астрономии был переведен профессор А.Д. Фарварсон.

Все геодезисты, работы которых рассматриваются в данной статье, окончили Московскую математико-навигационную школу или Морскую академию в Петербурге, либо последовательно оба учреждения [6, с. 42–45], поэтому имели достаточно хорошую теоретическую подготовку и практические навыки для проведения в полевых условиях инструментальной съемки местности и ее картирования. Метод инструментальной съемки территории на примере уезда описан историками геодезии и картографии [7, с. 9–10; 8, с. 119, 121–122]. Исходной точкой каждого съемочного (радиального) хода являлся уездный город, а конечной – место на границе уезда. В указанных точках, а также в некоторых наиболее крупных населенных пунктах или примечательных географических объектах, где устраивались пункты стояния (наблюдения), широта определялась астрономически, т. е. вычислялась по полуденным (меридианным) высотам Солнца, измеренным с помощью квадранта или морской астролябии. Долгота устанавливалась методом счисления от известного (начального) меридиана, снималась с готовой карты или выводилась в результате топографической съемки [9, с. 7–10]. Так устанавливалась система астропунктов – опорных координат для будущей карты геодезиста. В пунктах стояния, а также по сторонам хода геодезистами определялись с помощью астролябии и/или компаса направления до точек видимого горизонта по странам света, а углы между такими направлениями вычислялись с помощью теодолита. Расстояние до указанных точек измерялось мерной цепью (около 64 м) либо фиксировалось по расспросам местных жителей или на глаз. Съемка каждой территории велась системой таких радиальных ходов, т. е. от центра до ряда точек стояния по странам света. Все измерения заносились геодезистом в полевой журнал (каталог), иногда выполнялся чертеж (план). По материалам съемки создавалась карта на математической основе.

Одним из первых геодезистов, осуществивших научное картографирование западных территорий Сибирской губернии, был Федор Молчанов. С 1717 г. до

начала 1730-х гг. им были выполнены три карты Соликамской провинции, четыре карты Вятской провинции и их копии³. Картографические работы Ф. Молчанова составлены по данным инструментальных съемок и на математической основе. На всех картах имеется градусная сетка и обозначен масштаб. Карты Вятской провинции выполнены в цилиндрической проекции в метрическом масштабе от 1 : 370 000 до 1 : 630 000. На карте «провинции Соли-Камской города Кунгура и с уездом» (1726 г.), выполненной в конической проекции, дан каталог координат 299 населенных пунктов. На картах Молчанова подробно отображены речные бассейны, населенные пункты, менее четко – горы и леса, дороги не нанесены [10, прил. 2, № 160–164, 241; 4, с. 101].

В 1719 г. по Именному и Сенатскому указам⁴ в составе экспедиции майора И.М. Лихарева на юг Западной Сибири были отправлены «с инструменты» из Морской академии геодезисты Петр Чичагов и Иван Захаров для «подлинного описания» и инструментальной съемки территории в верхнем течении Иртыша от Тобольска до оз. Зайсан. В итоге П. Чичаговым была выполнена карта верховьев Иртыша от истока из оз. Зайсан до Тобольска (1719 г.) на научной основе: в прямоугольной цилиндрической проекции, в масштабе $\approx 1 : 2\,600\,000$ [11, с. 336–338].

В 1720-х гг. П. Чичагов произвел инструментальные съемки Тобольской и Енисейской провинций, которые обеспечили научное обоснование составленным им картам «Енисейской провинции в Сибирской губернии со всеми городами, крепостями, острогами и слободами», «Сибирской губернии и Тобольской провинции», «Кузнецкого уезда», «города Кузнецка в Сибири» [10, с. 16]. К карте Тобольской провинции геодезист приложил каталог с координатами 1302 пунктов, а к карте Енисейской – с 638 пунктами [12, с. 438; 13, с. 288]. Как установил Ф.А. Шибанов, из этого значительного числа пунктов лишь несколько были определены астрономически по широте, а координаты остальных пунктов были вычислены или сняты с карты [9, с. 6–8]. На картах Чичагова показаны населенные пункты, реки с притоками, леса, дороги, рельеф, места кочевий коренных народов и пункты уплаты ясака [10, прил. 2, № 238, 758].

Подобным образом действовали и другие геодезисты, в частности, И. Евреинов и Ф. Лужин, которые по высочайшей инструкции⁵ в ходе экспедиции 1719–1722 гг. выполнили инструментальную съемку и географическое описание территорий Тобольска, Тары, Томска, Енисейска, Верхней Тунгуски, Лены, Витима, Олѣкмы, Якутска, Юдомы, Охотска, Нижнего и Верхнего камчатских острогов, Курильских острогов. Каталог с результатами съемки и координатами 47 пунктов был приложен к составленной И. Евреинов-

³ Dokumente zur 2. Kamčatkaexpedition Januar-Juni 1734. Akademiegruppe. Halle, 2006. S. 202–203.

⁴ ПСЗ. Т. 5. № 3284. С. 616–617; № 3292. С. 622–623.

⁵ Там же. № 3266. С. 607.

вым карте Сибири, Камчатки и Курильских островов (1722 г.) – по широтным астропунктам, в цилиндрической проекции, в обозначенном масштабе [14]. Несмотря на сжатие в долготном направлении, карта Евреинова являлась достижением для своего времени – первая карта Камчатки и Курильских островов, созданная по материалам инструментальной съемки и на научной основе.

Для картографирования регионов Восточной Сибири в 1724 г. были направлены из Морской академии геодезист П. Скобельцын и геодезии ученики И. Свистунов, Д. Баскаков и В. Шетилов. В работе этого отряда геодезистов, известного как «Скобельцын с товарищи», можно выделить два этапа: 1) до включения в состав ВКЭ (1724–1733 гг.) – проведение съемок, составление описаний Иркутской провинции по распоряжениям Сибирской губернской канцелярии, выполнение геодезических и картографических работ на российско-китайской границе под руководством чрезвычайного посланника в Китай графа С.В. Рагузинского; 2) в штате ВКЭ (1733–1740-е гг.) – решение одной из основных задач, поставленных Сенатом перед экспедицией: поиск, описание и картографирование «ближайшего пути к Камчатскому морю, не заходя в Якутск...» [15, с. 172–181].

Картографические материалы группы П.Н. Скобельцына выполнены по результатам инструментальных съемок, зафиксированным в каталогах⁶, содержат элементы научного обоснования [10, прил. 2, № 91, 102, 108, 169–171, 254]. Например, карта «Часть взыскана ближайшего пути к Камчатскому морю от вершины реки Горбицы... до реки Большого Алдекона...»⁷ составлена П. Скобельцыным и В. Шетиловым в масштабе 40 верст в 1 дюйме (1 : 1 680 000), в конической проекции и по инструментально вычисленным широтам. Известно, что в 1727 и 1731 гг. они определили 11 широтных пунктов в Восточной Сибири [4, с. 27]. На картах «Скобельцын с товарищи» показаны населенные пункты, бассейны крупных рек и водоемов определенной территории, границы и дороги, отображены рельеф и растительность.

На основе инструкций⁸ Г.Ф. Миллера и И.Г. Гмелина геодезистом М. Ушаковым в 1738–1740 гг. по итогам инструментальной съемки в Прибайкалье и Иркутской провинции были выполнены два плана «лиственничных вод промеж Баргузина реки и Турки ж реки» и «теплой воды, которая промеж Баргузина и Верхней Ангары рек»⁹ и две ландкарты с математическим обоснованием – оз. Байкал в конической проекции и рекам Иркуту, Китою и Белой и красноярской

столбовой дороге до Удинского острога в масштабе 4 версты в дюйме (1 : 168 000)¹⁰.

Астрономические определения географических координат пунктов в Сибири и на Камчатке – 34 широтных и 10 широтно-долготных (Томск, Киренский острог, Олѣкминский острог, Якутск, Юдомский крест, Охотск, Большерецкий острог, Петропавловская гавань, Енисейск и Ямышевская крепость), осуществленные геодезистом и астрономом-практиком А.Д. Красильниковым в течение ВКЭ [17, с. 475; 18, с. 29–34], позволили уточнить картографические изображения востока России. Красильников в Сибири применил на практике предложенный в России его учителем, известным астрономом и профессором АН Ж.-Н. Делилем метод определения долгот по затмениям спутников Юпитера, который позволил ему получить более правильные координаты, чем вычисленные или снятые с карт другими геодезистами. Точность широтных определений Красильникова, обусловленная многократными наблюдениями (например, в Тобольске им фиксировано 63 высоты Солнца, в Кяхте – более 100) и строгой обработкой данных (учитывались рефракция и параллакс Солнца), была значительно выше значений широтных астропунктов, полученных другими геодезистами из плохо обработанных единичных наблюдений [18, с. 27, 34, 38–40]. Тщательная обработка астрономических наблюдений, сочиненных Красильниковым «в сибирских местах», была завершена только к лету 1749 г.¹¹ В 1750–1751 гг. он определил полные координаты городов в Прибалтике, а в 1753 г. – Москвы¹². Таким образом, исследования Красильникова достаточно точно показали протяженность Российской империи в долготном направлении.

Картографические материалы геодезистов – участников экспедиций в Сибирь в первой половине XVIII в. основаны на результатах инструментальных съемок, астрономически определенных координатах, в основном широтах, и на математических расчетах, что делало их более точными, чем чертежи предшествующего периода. Геодезисты были квалифицированными специалистами, подготовленными для выполнения указанных исследований педагогами Московской математико-навигационной школы и Морской академии Л.Ф. Магницким и А.Д. Фарварсоном. В исследуемый период совершенствуются не только техника и технология картирования, но и методика полевых геодезических работ, от которых напрямую зависят точность и научная обоснованность картографических материалов. Значительный вклад был внесен А.Д. Красильниковым, инструментально определившим значения десяти широтно-долготных и 34 широтных астропунктов на территории Сибири, которые стали опорными координатами для адекватного картирования востока России.

⁶ СПФ Архива РАН. Ф. 21. Оп. 5. Д. 35. Л. 1–136.

⁷ Там же. Д. 39/71.

⁸ Там же. Ф. 21. Оп. 2. Д. 25. Л. 165 об. – 168 об.; Георг Вильгельм Штеллер. Письма и документы. 1740. М., 1998. С. 25.

⁹ Monumenta Sibiriae. Quellen zur Geschichte Sibiriens und Alaskas aus russischen Archiven: Kartenmappe mit 24 Reproduktionen auf 19 Blättern und Erläuterungsheft. Gotha, 1996. Bl. 9A–9B; [16, s. 147].

¹⁰ СПФ Архива РАН. Ф. 21. Оп. 5. Д. 39/67–68; Monumenta Sibiriae. Blatt 8; [16, s. 147, 157].

¹¹ МИИАН. СПб., 1900. Т. 10. С. 53.

¹² Там же. С. 420–422, 428–429, 559, 597–598, 603, 622–623, 675–676.

Картографические материалы геодезистов использовались как источники российскими и европейскими картографами: работы И. Евреинова, Ф. Лужина и Ф. Молчанова – И.К. Кириловым [10, прил. 2, № 117; 4, с. 165], карты П. Чичагова, находящиеся в Национальной библиотеке в Париже, – Ж.-Н. Делилем [19, с. 19–20]. Труды группы П.Н. Скобелы были учтены при составлении «Атласа Всероссийской империи» И.К. Кирилова (1734 г.) [20, с. 402] и академического Атласа 1745 г., широко используемого в России и Европе [1, с. 43]. Имя А.Д. Красильникова как «искусного» исследователя стало известно европейскому читателю из «Письма российского морского офицера» (1753 г.) Г.Ф. Миллера Ж.-Н. Делилю [21, с. 649, 652]. Определения координат Красильникова и картографические материалы геодезистов ВКЭ послужили основой для составления карты новых открытий ВКЭ от Оби до Тихого океана адъютантом Географического департамента И.Ф. Трускоттом под руководством Г.Ф. Миллера. Эта работа способствовала корректировке неточных представлений о географическом положении Северо-Востока Сибири и Камчатки, распространенных в России, с Атласом 1745 г., где мало учитывались данные ВКЭ, в Европе – с выходом в свет «Карты новых открытий на севере Южного моря» с «Изъяснениями» Ж.-Н. Делиля, где ставились под сомнение географические координаты и карты, полученные по итогам ВКЭ [21, с. 696–697; 22, с. 163, 165, 167].

Таким образом, геодезисты – исследователи Сибири внесли значительный вклад в становление и развитие картографии как науки в России в первой половине XVIII в., а их научно обоснованные работы стали источником сведений для образованной российской и европейской публики о многих географических реалиях Сибири.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Свенске К.* Материалы для истории составления Атласа Российской империи, изданного императорскою Академиею наук в 1745 году // Записки Имп. Академии наук. СПб., 1866. Т. 9. Прил. № 2.

2. *Берлянт А.М.* Картография. М., 2010.
3. *Веселаго Ф.* Очерк истории Морского кадетского корпуса с приложением списка воспитанников за 100 лет. СПб., 1852.
4. *Фель С.Е.* Картография России XVIII века. М., 1960.
5. *Арифметика Магницкого / Точное воспроизведение подлинника.* М., 1914.
6. *Шибанов Ф.А.* Очерки по истории отечественной картографии. Л., 1971.
7. *Фель С.Е.* Петровские геодезисты и их участие в создании русской картографии XVIII века // Вопросы географии. М., 1950. Сб. 17.
8. *Мельникова Т.Н.* О математической основе русских карт XVIII в. // Географический сборник. М.; Л., 1954. Вып. 3.
9. *Шибанов Ф.А.* Русская полевая астрономия в XVIII веке // Ученые записки ЛГУ. Сер. геогр. наук. 1958. № 225, вып. 12.
10. *Гнучева В.Ф.* Географический департамент Академии наук XVIII в. М.; Л., 1946.
11. *Княжецкая Е.А.* Первые русские съемки Западной Сибири // Известия ВГО. 1966. № 4.
12. *Иванов П. И.* Обзорение географических работ в России со времени императора Петра Великого до сочинения генеральной ландкарты Российской Империи в 1746 году // Записки ИРГО. СПб., 1853. Кн. 9.
13. *Тетерин Г.Н.* История геодезии с древнейших времен. Новосибирск, 2001.
14. *Евтеев О.А.* Первые русские геодезисты на Тихом океане. М., 1950.
15. *Шипилов И.А.* Народы Восточной Сибири в материалах геодезистов Второй Камчатской экспедиции // Традиции отечественной духовной культуры в нарративных и документальных источниках XV–XXI вв. Новосибирск, 2010.
16. *Die GroBe Nordische Expedition: Georg Wilhelm Steller (1709–1746) – ein Lutheraner erforscht Sibirien und Alaska.* Gotha, 1996.
17. *Невская Н.И.* Первый русский астроном А.Д. Красильников // Историко-астрономические исследования. М., 1957. Вып. 3.
18. *Шибанов Ф.А.* Пионер русской полевой астрономии А.Д. Красильников // Учен. зап. ЛГУ. Сер. геогр. наук. 1958. № 225, вып. 12.
19. *Андреев А.И.* Очерки по источниковедению Сибири. М.; Л., 1965. Вып. 2: XVIII век (первая половина).
20. *Багров Л.* История русской картографии. М., 2005.
21. *Миллер Г.Ф.* Избранные труды. М., 2006.
22. *Греков В.И.* Очерки из истории русских географических исследований в 1725–1765 гг. М., 1960.

УДК 94(47)06+94(47)07

Е.В. КОМЛЕВА

**РУКОПИСНАЯ КОЛЛЕКЦИЯ КРАСНОЯРСКИХ КУПЦОВ ЛАРИОНОВЫХ
КАК ИСТОЧНИК ПО ИСТОРИИ СИБИРСКОГО КУПЕЧЕСТВА КОНЦА XVIII–XIX вв.**

Институт истории СО РАН,
г. Новосибирск
e-mail: scriptor@history.nsc.ru

В статье дается краткая характеристика комплекса рукописных документов красноярского купеческого семейства Ларионовых, насчитывающего более сотни единиц хранения, относящихся к концу XVIII – началу XX в. Исследование наследия Ларионовых позволяет существенно обогатить представления о механизмах торгово-предпринимательской деятельности рядовых сибирских купцов, их культурно-образовательном уровне, распространенных в городской среде коммуникативных нормах, вносит значительный вклад в изучение истории повседневности горожан Сибири. Публикуются четыре деловых письма, адресованные И.П. Ларионову.

Ключевые слова: сибирское купечество, эпистолярное наследие, история повседневности.

Эпистолярное наследие имеет огромное значение для реконструкции прошлого – именно оно наполняет колоритом сухие строки официальных документов. На сегодняшний день известно 1173 мемуаров и дневников, созданных в XIX в. сибиряками и временными жителями Сибири [1, с. 41–42]. Однако лишь незначительная часть из них принадлежит лицам купеческого сословия, да и та относится в основном ко второй половине XIX в. Это придает особую ценность сохранившемуся в Государственном архиве Красноярского края обширному рукописному комплексу – своего рода семейному архиву – красноярских купцов Ларионовых. Всего коллекция насчитывает 131 единицу хранения, многие из которых включают несколько документов. Самые ранние из них датируются 1782 г., самые поздние – 1913 г. Все документы можно разбить на две основные группы: материалы хозяйственной и торговой деятельности и переписка членов семейства Ларионовых с разными лицами.

Подавляющее большинство этих документов неизвестно исследователям. С частью из них работала красноярский филолог А.В. Кипчатова, изучавшая лингвистические процессы в среде сибирских горожан конца XVIII в. [2]. Между тем материалы рассматриваемого купеческого семейства ценны тем, что раскрывают механизм ведения коммерции, нормы общения, подробности быта и повседневной жизни рядовых купцов – вчерашних посадских, мещан и крестьян. Сохранившиеся документы свидетельствуют не просто о наличии у городского населения Сибири этого периода элементарных навыков чтения и письма, но о достаточно широком распространении грамотности – ведь в переписке состояли как близкие родственники, так и отдаленные, включая и мужчин, и женщин. К наследию Ларионовых, так же как и к другим мемуарно-эпистолярным источникам этого периода, можно отнести слова А.В. Семеновой, полагавшей, что оно «в значительной степени разрушает традиционные представления о невежестве провинциального купечества» [3, с. 7].

Ларионовы обосновались в Красноярске в конце XVIII в., когда родоначальник династии иркутский 3-й гильдии купец Петр Федорович женился на дочери красноярца Михаила Егоровича Елисеева Екатерине Михайловне и переехал на родину жены. Продолжая объявлять капитал по 3-й гильдии, П.Ф. Ларионов занимался торговлей скотом, маслом, промышленными товарами, держал мыловаренный завод [4]. Дела его шли не особенно успешно, и несколько раз ему приходилось переходить в мещанство. После его смерти в 1828 г. в Красноярске общий капитал по 3-й, а потом по 2-й гильдии продолжали объявлять его сыновья Иван и Александр¹. В 1839 г. отмечен по Красноярску как купец 3-й гильдии Порфирий Петрович Ларионов. В 1870–1890-х гг. во 2-й гильдии Красноярска в одном капитале состояли два брата – Иван Иванович и Петр Иванович Ларионовы². В 1889 г. в красноярское купечество записался Егор Александрович Ларионов. Все потомки Петра Федоровича продолжали развивать фамильное дело – торговлю и мыловарение. Иван Петрович приобрел еще и свечную фабрику: в списках купцов за 1850-е гг. значилось, что он торговал восковыми свечами и мылом³.

Представители семейства Ларионовых являлись видными членами красноярского купеческого общества и неоднократно избирались на различные службы в органы городского самоуправления: Петр Федорович служил бургомистром (в 1802–1805 и 1817–1819 гг.) и городским головой (с 1 февраля 1802 по 8 апреля 1802 г.)⁴, Иван Петрович – заседателем в городском суде (в 1826–1829 гг.)⁵, Иван Иванович – кандидатом городского судьи (в 1868–1871 гг.), городским головой (в 1877–1879 гг.), старшим членом городской

¹ ГАКК. Ф. 160. Оп. 3. Д. 490. Л. 23 об. – 24.

² Там же. Ф. 161. Оп. 2. Д. 94. Л. 18–18 об.

³ Там же. Д. 1102. Л. 10 об. – 11.

⁴ Там же. Д. 32. Л. 13 об. – 14.

⁵ Там же. Д. 31. Л. 17 об. – 18.

управы (в 1877–1882 гг.), товарищем красноярского купеческого старосты (в 1880–1882 гг.); Петр Иванович – заседателем в городском суде (в 1871–1874 гг.); Егор Александрович – членом городской управы (в 1880-х гг.), гласным городской думы и заступающим место городского головы (в 1893 г.)⁶.

Все Ларионовы были людьми грамотными и любознательными, Петр Федорович выписывал «Московские ведомости» с самого начала их издания в 1812 г. [5, с. 111]. Своим детям (трем сыновьям и двум дочерям) он дал хорошее домашнее образование, а его внуки Петр Александрович и Егор Александрович, в соответствии с веяниями времени, обучались в Санкт-Петербургском университете и с отличием окончили его⁷.

Среди всего рукописного комплекса Ларионовых значительную часть (43 дела) составляют материалы, относящиеся к торгово-предпринимательской деятельности Петра Федоровича и его сыновей Ивана и Александра. В число этих документов входят книги с записями прихода и расхода товаров и денежных сумм, расчетные тетради, векселя, договорные обязательства, купчие на дома, журналы с записями по пчеловодству и воскобелению, ведомости о состоянии мыловаренного завода Ларионовых, книга записи по отпуску воска и приемке восковых свечей, повестка о вызове в суд, переписка о растрате при строительстве красноярской Благовещенской церкви, отчеты о расходовании средств на обучение в Томской гимназии представителей младшего поколения Ларионовых. Сами названия этих дел дают основания полагать, что их детальный анализ позволит проследить динамику и формы предпринимательской деятельности этого семейства на протяжении почти ста лет.

Благодаря тому, что П.Ф. Ларионов начинал свою деятельность со службы приказчиком у разных купцов, торговавших в Иркутске, в архиве также отложились свидетельства о торговых оборотах этих купцов в конце XVIII в. Например, сохранилась книга с записями товаров крупных иркутских купцов, отвозившихся их приказчиком П.Ф. Ларионовым в Охотск в 1789 г.; она позволяет выявить ассортимент, цены и количество ходовых товаров, сбывавшихся русскими на Тихоокеанском севере. Книга товарная тотемского первоильдейца А.Г. Панова представляет собой ценный источник информации о деятельности купечества из Европейской России в Восточной Сибири⁸. В приходно-расходных книгах зафиксированы сеть и деятельность приказчиков, работавших на П.Ф. Ларионова в Красноярске⁹.

Деловой стороне отведено значительное место и в частной корреспонденции Ларионовых. В этой связи несомненный интерес представляют письма П.Ф. Ларионова, относящиеся к иркутскому периоду его жизни, когда он служил приказчиком у крупного сибирского купца П.Н. Мыльникова – соучредителя

Иркутской коммерческой компании, в 1797 г. объединившейся с компанией Г.И. Шелихова в Российско-Американскую¹⁰. Письма П.Ф. Ларионова имеют форму отчетов о деятельности русских промысловиков, в которых подробно перечисляется привезенная ими добыча, встречаются упоминания о таких выдающихся личностях, сыгравших большую роль в освоении Тихоокеанского севера, как Н.П. Резанов и Г.И. Шелихов.

Переписка Петра Федоровича с сыном представляет собой обмен деловыми грамотками, в которых содержатся подробные сведения о ценах на разные товары и ходе торговли в Иркутске и Красноярске. Из писем перед нами предстает механизм ведения коммерции, когда главными компаньонами выступали, прежде всего, близкие родственники, доверявшие друг другу. Письма П.Ф. Ларионова к жене показывают, что она была доверенным лицом мужа, находилась в курсе всех его торговых предприятий, вела дела и следила за хозяйством во время его отлучек.

Не меньший интерес, чем деловая переписка, вызывают и письма личного характера разных членов семейства Ларионовых друг другу и прочим лицам. Они дают возможность получить представление о составе купеческой семьи, родственных связях Ларионовых с другими семействами Красноярска и Иркутска, внутрисемейных отношениях, культурно-образовательном уровне и ценностных ориентирах горожан. Письма составлялись по некой эталонной форме, характерной и для жителей сельской местности [6, с. 309–310], охватывали самый широкий круг корреспондентов, включая женщин, и отличались использовавшейся лексикой (например, употреблялись слова «вояз»¹¹, «чувствительно»¹² и др.), – все это свидетельствует о том, что региональная культура уже к концу XVIII в. усвоила нормы коммуникативного общения, существовавшие в центре страны.

К настоящему времени нами опубликован ряд писем Ларионовых [7, с. 49–63], несколько десятков их подготовлено к изданию А.В. Кипчатовой (Д. 4469, 4462, 4463, 4477, 4475). Продолжая публикацию столь интересных источников о жизни горожан конца XVIII – начала XX в., предлагаем вниманию читателей несколько новых документов, относящихся к концу 1820-х гг.: три из них принадлежат Александру Петровичу Ларионову, один – Ивану Алексеевичу Сколкову – красноярскому купеческому сыну, с которым Ларионовы состояли в родстве. Среди адресатов писем, отправленных из Красноярска в Иркутск, фигурирует Иван Петрович Ларионов, который обязательно отмечал дату получения корреспонденции и бережно ее хранил. Все письма имеют деловой характер и содержат сведения о ценах на товары, структуре доходов и расходов купеческой семьи, потребительских запросах жителей разных городов, состоянии фамильного мыловаренного завода Ларионовых, деятельности приказчиков и компаньонов по закупке скота, меда и пр. Многие из приведенных данных восполняют пробелы

⁶ Там же. Ф. 155. Оп. 1. Д. 10. Л. 87 об.

⁷ Династия купцов Ларионовых // Вечерний курьер. 1999. 22–28 янв. С. 6.

⁸ ГАКК. Ф. 796. Оп. 1. Д. 4418.

⁹ Там же. Д. 4437. Л. 1.

¹⁰ ГАКК. Ф. 796. Оп. 1. Д. 4463.

¹¹ Там же. Л. 1.

¹² Там же. Д. 4496. Л. 1.

в представлениях об истории повседневности сибирского города 1820-х гг.

Из писем вырисовывается организация семейного бизнеса, компаньонами в котором выступали отец и два брата Ларионовых, а также два брата Сколковых – представители красноярских купеческих семейств, состоявших, как уже отмечалось, в родстве друг с другом. Основатель династии П.Ф. Ларионов в 1828 г. был уже в преклонном возрасте и, хотя и продолжал совершать деловые поездки (в одном из писем сообщалось, что он «привез с собой приказчика»), уже не принимал активного участия в организации бизнеса. Братья же постоянно находились в разъездах: в письмах упоминаются Красноярск, Иркутск, Томск, Нижнеудинск, Ирбит, Тюмень. В этих условиях корреспонденция выступала основным информационным каналом, по которому компаньоны передавали друг другу все важные сведения. Письма, товары, посылки и крупные денежные суммы отправлялись из города в город с надежными людьми.

Из публикуемых документов видна озабоченность Ларионовых состоянием дел на принадлежавшей им мыловарне, в которой оказались неисправны котлы для варки мыла. Из товаров, прежде всего, упоминаются те, продажей которых, видимо, они занимались сами: подсолнечное масло, чай, мед, сыромятные кожи. Приводятся данные об организации скупки скота, осуществлявшейся целой компанией красноярских купцов «по русским и благополучным местам». Во втором письме особое место отведено сообщению о покупке меда – одного из самых дорогостоящих продуктов на рынке продовольственных товаров: в 1830 г. пуд меда в Красноярске оценивался в 13,5–14 руб.¹³ В письме сообщается, что мед в большом количестве (40 пуд.) привозили из Томска, а также закупали у ссыльных скопцов по 12 руб. за пуд. Таким образом, полученная от его продажи прибыль могла составлять 1,5–2 руб. за пуд. В третьем письме упомянута любопытная деталь, характеризующая внешний облик и манеру одеваться сибирских купцов: А.П. Ларионов посылает в Иркутск брату забытый им дома галстук.

Помимо деловой части в каждом письме обязательно содержится небольшое заключение, в котором сообщается о самочувствии родственников и знакомых. В первых трех документах Александр Ларионов обращается к своему старшему брату Ивану на «Вы» и называет его «батюшка», поскольку последний был его крестным, а подписывается неизменно «ваш покорный и послушный брат». Из близких родственников в письмах А.П. Ларионова упоминается отец П.Ф. Ларионов, а в письме И.А. Сколкова – Федосья Петровна – дочь П.Ф. Ларионова, в замужестве Сколкова.

Приведенные ниже документы в целом дают возможность получить представление как о профессиональной деятельности купцов, так и об их внутрисемейных отношениях. Орфография и пунктуация публикуемых писем приведены в соответствие с современными нормами, за исключением некоторых особенностей авторского стиля, придающих тексту

особый колорит. В одном случае не удалось прочитать часть слова – она взята в квадратные скобки. Во всех оригиналах текст представлен без деления на абзацы – для удобства чтения в публикации применено разделение текста на части согласно содержанию. Озаглавлены документы нами.

Для писем А.П. Ларионова характерен разборчивый, крупный, с наклоном вправо почерк; в них нет знаков препинания, встречаются переносы одной буквы, пропуски букв, неправильное написание слов. Два первых письма написаны темно-коричневыми чернилами на сложенных вдвое листах белой с желтизной бумаги, третье – светло-коричневыми чернилами на плотной синей бумаге. Письмо И.А. Сколкова написано темно-коричневыми чернилами беглым, размашистым, наклоненным вправо почерком на плотной синей бумаге; на втором листе сохранились следы красной сургучной печати. «Угасающий» текст документов создает дополнительные трудности при расшифровке.

Письмо Ларионова Александра Ларионову Ивану Петровичу

получено 23-го февраля^{14а}

Милостивый государь батюшка крестный Иван Петрович! Прошу вашего заочного благословения и свидетельствую истинное мое почтение прияти. [...] ле письмо ваше 11 ч[исла] февраля имел счастье получить, за что и приношу мою чувствительную благодарность. За сим имею честь уведомить: котел отдали 11 ч[исла] Кондратью дно новое приделать и бока кругом до половины новые, 1 верх старой меди, отдано 2му новой. Мыла уже остается мало – около 25 пуд[ов]. Маленький котел сегодня отдадим Егору починить. Если починит, то и переварим старо мыло.

Масло постно продают от 50 ко[п.] и до 60 ко[п.], безмен семе бьют из енисейского семя по 7 фу[нтов] и с пуда выходит. Листвяк еще не возят. Я тятеньке говорил, что вы просили непременно вывести оленеву, за шитье сум деньги отдали по 50 ко[п.]. Тятенька говорит, что по 50 ко[п.] шили и ему, по 50 ко[п.]. отдал. Я купил ему шубу за 5 [руб.] 30 ко[п.]

Василий Михайлов взял у нас место чаю, а из места только вышло 55 1/2 фу[нтов] с бумагой, а мы взяли себе 20 фу[нтов] почем обойдется, а оставшиеся 35 1/2 фу[нтов] поступило ему. А он себе сделал новый стол – род шкапа – с теми же столами в ряд напротив Николая, а тем столам еще не было торгу. Семен Михайлович лавку не отдает, а посадил нового приказчика, которого с собой привез тятенька. И Иван Алексеич сделали положение во общую массу купить скота по русским и благополучным местам, как-то по Тубе и Сыде, для покупки скота отправили Семена Яковлевича Бартахова 14 ч[исла] февраля. Денег дали ему 2000 р[уб.], 10 фу[нтов] чаю, 1 голову сахару, а с ним уехал Лалетин. Сыромяти еще не выделяли. Дрокин привезет завтра, а Кутилов в понедельник хотеть мять.

Писать более не нахожу. Остаюсь, слава Богу, здоров, чего и вам сердечно желаю. Ваш покорный и послушный Александр Ларионов

1828 года

17 ч[исла] февраля

ГАКК. Ф. 796. Оп. 1. Д. 4494. Л. 1–2.

¹³ ГАКК. Ф. 173. Оп. 1. Д. 142. Л. 112.

^{14а} Здесь и далее притиски о получении писем сделаны И.П. Ларионовым.

Письмо Ларионова Александра Ларионову Ивану Петровичу

Милостивый государь батюшка крестный Иван Петрович, прошу вашего заочного благословения и свидетельствую истинное мое почтение, в делах ваших желаю вам благополучного успеха.

За сим имею честь уведомить: сыромяти выделали и с Гарасимом Алексеичом отправим все. Завтре он едет. Котел малый починили третьего дни и Григорьевич печи протапливает в мыльной и переварим старо мыло. Большой котел еще не починили. Листвяк возить не хочут. Тятенька отправляет мужиков вверх дрова возить сосновы для мыльной. Долги и листвяк для тыну по пути 4 бревна длинных могут приплавить. Тятенька у скопцов купил меду 4 пу[да] по 12 р[уб.] пу[д] белого на деньги. Да Жуков писал с Красной речки, чего угодно будет, то пишите в Томск, и я для вас куплю на свои деньги, то и тятенька писал на той почте, чтобы купить 40 пу[дов] меду почем цены будут. Безбородов приехал сего дня и у нас был. Об меду ничего не говорили, и он сейчас едет. Александр Алексеич сего дня приехал благополучен. Мы от него письмо получили, и вы пишите, что у Безбородова меду торговали 100 пу[дов]. Тятенька не хочет купить, потому что у скопцов купил, да старого привозу есть около 50 пу[дов].

Вы изволили писать, чтобы выписать из письма, которое от конторы получено. Я хотел выписать, но тятенька сказал, что отправлю письмо со своим письмом напротив того и запомнил^{15а}. Итак, прошу меня извинить в таком случае, что я сделал опущение письмо от конторы 400 сум каждая мерою в длину 18 верхов в вышину 15 верхов по 6 [руб.] 25 копе[ек], 100 кож сыромятных величиною от 11 до 12 четвертей по равной части, по 12 р[уб.] 30 пу[дов] мыла жирового по 11 [руб.] пу[д] 20 пу[дов], масляного по 14 [руб.] пу[д].

Писать более не нахожу, остаюсь, слава Богу, здоров, чего и вам сердечно желаю. Ваш покорный и послушный брат Александр Ларионов[в].

1828 года
февраля 24 ч[исла]
ГАКК. Ф. 796. Оп. 1. Д. 4494. Л. 3–4.

Письмо Ларионова Александра Ларионову Ивану Петровичу и Сколкову Александру Алексеевичу

получено 20-го февраля 1829-го года

Милостивый государь батюшка крестный Иван Петрович и любезный братец Александр Алексеич, в коммерческих делах ваших желаю вам счастливых успехов.

Письмо ваше от 8-го ч[исла] февраля из Нижнеудинска получили, за которое и приносим чувствительную благодарность. Честь имею вас уведомить: вы изволили писать, чтобы купить сукна и шуб – постараюсь, как возможно, купить, сколько могу, то и отправлю непременно на первой неделе Великого поста. Парасковья Ильинишна Воротничиха обещалась на своих лошадях увести, сколько будет тягости и кож и сыромяти. Путилов обещался все выделывать на будущей неделе во вторник.

Алексея Михайловича Лалетина и старика отправлю на масляной, но только денег очень мало, вы сами изволите знать, а долги платят очень худо. С Николая Иноземцева^{16а}

получил 500 р[уб.], с Василия Комарова^{17б} 140 р[уб.], с Ивана Федоровича Нашивошникова^{18б} 100 р[уб.]. Как можно, постарайтесь послать с первой почтою, сколько вам заблагорассудится, хоша до пяти сот ру[б.].

Стерлядь и посылочку отца протопопа отправил с Иваном Филиппевичем Базиновым 10-го ч[исла] февраля, уповаю и получили, в посылке Авдотье Андревне Зотовой вложен ваш галстук, который извольте и получить. Иван Алексеич уехал в Ирбит в четверг поутру. Я отдал им денег 800 р[уб.], да щетины отдал никомисаю 6 пу[дов] 30 фу[нтов].

Вы изволили заказывать, чтобы вас уведомить, почему цены существуют в Томске на простой табак. Я от скопцов слышал, что в Томске табак продают от 4 р[уб.] и дороже, и здесь продают привозной от 5 и 6 р[уб.] пуд, масло коровье 8 р[уб.], сукно от 45 ко[п.] до 50 ко[п.], а шубы по доброте. Извещать еще не возят и подрядчика не видал.

Писать более не нахожу. Остаемся все, слава Богу, здоровы, чего и вам сердечно желаем быть здоровым. Ваш покорный и послушный брат

Александр Ларионов
15-го ч[исла] февраля 1829-го года
Красноярск
ГАКК. Ф. 796. Оп. 1. Д. 4494. Л. 5–6.

Письмо Сколкова Ивана Алексеевича Ларионову Ивану Петровичу и Сколкову Александру Алексеевичу

получено 19-го февраля 1829-го года

Милостивый государь Иван Петрович
и любезный братец Александр Алексеевич!

Желаю вам доброго здравия, в делах счастливых успехов и свидетельствую мое почтение.

Писал я к вам пред сим с почтою, которое надеюсь и получили, чтоб выслать в Ирбит на счет наш 6000 р[уб.] полиглю, что вами от 15-го ч[исла] исполнено и равно 4000 р[уб.], а на вашу покупку, сверх того по получении сего, вышлите в Тюмень для провозу на имя мне 500 р[уб.], в чем я и надеюсь. Г. Выдрин проехал 9-го ч[исла], сказывают, что послано с ним 7500 р[уб.], из коих 1000 р[уб.] отдал, а прочие, как был далеко, то обещался в Томске, за что и благодарю, ибо без пересылки я с компаньоном отправляю сегодняшний день все. Еще он хлопотал по своим делам. Домашние наши все, слава [Богу], здоровы. Старушки посылают благословение, молодые почтение. Федосья Петровна^{19а} своим здоровьем исправилась.

За сим прощайте, любезные братья, желаю вам всех благ, с почтением моим честь имею пребыть,

ваш, милостивые государи,
покорный слуга Иван Сколков
13-го ч[исла] февраля 1829 года
Красноярск

ГАКК. Ф. 796. Оп. 1. Д. 4502. Л. 1–2 об.

^{17 б} Комаров Василий Михалович (1793/95–1854) – красноярский мещанин из поселенцев, с середины 1830-х гг. выбирал свидетельство купца 3-й гильдии без личных преимуществ в Красноярске и Томске, торговал в розницу разными товарами.

^{18 а} Нашивошников Иван Федорович (р. 1776–?) – красноярский мещанин, в 1807 г. объявлял капитал по 3-й гильдии, торговал разными товарами.

^{19 а} Сколкова Федосья Петровна (урожд. Ларионова) (р. 1802/04–?) – жена красноярского купеческого сына Александра Алексеевича Сколкова. Овдовев, в начале 1850-х гг. сама объявляла капитал по 3-й гильдии.

^{15 а} Запомнил – здесь: забыл, запомнил.

^{16 а} Иноземцев Николай Николаевич (1794 – конец 1861) – красноярский купец 3-й и 2-й гильдий в 1830–1840-х гг., торговал различными товарами в розницу и виноградными винами.

ЛИТЕРАТУРА

1. Матханова Н.П. Сибирская мемуаристика XIX века. Новосибирск, 2010.
2. Кипчатова А.В. Народно-разговорная лексика сибирской частной переписки XVIII века : Дис. ... канд. ист. наук. Красноярск, 1989.
3. Семенова А.В., Аксенов А.И. Предисловие // Купеческие дневники и мемуары конца XVIII – первой половины XIX в. / сост. А.В. Семенова, А.И. Аксенов, Н.В. Середа. М., 2007.
4. Комлева Е.В. Петр Федорович Ларионов: история «обыкновенного» купца // Личность в истории Сибири XVIII–XX веков. Новосибирск, 2007.
5. Быконя Г.Ф., Федорова В.И., Бердников Л.П. Красноярск в дореволюционном прошлом (XVII–XIX вв.). Красноярск, 1990.
6. Письмо крестьянина Ивана Худякова (1799 г.) // Миненко Н.А. Русская крестьянская семья в Западной Сибири (XVIII – первой половины XIX в.). Новосибирск, 1979.
7. Комлева Е.В. Эпистолярное наследие красноярских купцов Ларионовых как источник по изучению коммуникативной культуры и менталитета сибирского купечества (конец XVIII – начало XIX в.) // Вопросы эволюции информационной среды и коммуникативной культуры сибирского города XVII – XIX веков. Новосибирск, 2008.

УДК 94(47)083 + 281.93

М.В. ПЕРШИНА

О МЕТОДАХ СБОРА ИНФОРМАЦИИ СИМЕОНОМ ГАВРИЛОВЫМ
ДЛЯ РОДОСЛОВИЯ 1896 г.*

Институт истории СО РАН,
г. Новосибирск
e-mail: masha@perchine.com

Статья посвящена анализу старообрядческого Родословия, составленного в 1896 г. на Русском Севере северодвинским филипповским писателем Симеоном Гавриловым. Показано, что основным источником Родословия стали устные рассказы местных жителей, собранные в ходе специально организованного опроса, который проводился в соответствии с заранее составленной «исследовательской программой». Анализ сочинения позволил сделать вывод о том, что старообрядец уделил большое внимание этапу сбора информации для сочинения, выработал методику опроса информаторов и определения достоверности сообщаемых сведений. Эта «исследовательская программа» была последовательно реализована.

Ключевые слова: старообрядчество, исторические сочинения, Родословие, источники устного происхождения.

Объявив себя хранителями «древнего благочестия», старообрядцы мастерски сумели вписать историю своих согласий в поток мировой христианской истории, поэтому письменная фиксация событий, связанных с конкретной старообрядческой общиной и жизнью отдельных ее представителей, приобрела для них особую значимость [1]. Защитниками старого обряда было создано большое количество исторических сочинений. Отдельным жанром исторического повествования стали старообрядческие родословия. В родословиях, написанных с целью прославления своей веры, главное внимание уделялось описанию линии передачи «благочестия» от одного наставника к другому [2; 3].

Среди сочинений такого рода четыре родословия, составленные на Русском Севере в последней четверти XIX в.¹, занимают особое место. Они создавались в связи с переходом части северодвинских старообрядцев федосеевского согласия в филипповское, ориентированное на московский центр – Братский двор, и

писались специально для Москвы как исследование «корня веры» местных общин. Первое Родословие (1879 г.) создавалось по заказу духовных отцов Братского двора, которым для определения правил чинопоема северодвинцев понадобились сведения об особенностях их вероучения. Следующие три Родословия (1886, 1893 и 1896 г.) были написаны по инициативе местных старообрядцев и северодвинского наставника Симеона Гаврилова [4; 5].

Основным источником этих Родословий стали устные рассказы местных жителей, в памяти которых еще были живы образы прежних духовных отцов. По наблюдению Н.С. Гурьяновой, исследовавшей особенности исторического повествования писателей выговской литературной школы, личная осведомленность автора или его информатора об описываемых событиях считалась одним из главных критериев «правдивости» и достоверности зафиксированных исторических сведений: «Выговцы считали, что можно доверять сообщениям в том случае, когда о фактах пишут либо сами участники события (“от зренья очес”), либо кто-то с их слов (“от слышания свидетелей известных, возвещением достоверствуется”))» [1, с. 40]. Авторы Родословий явно основывались на этом принципе.

* Работа выполнена при финансовой поддержке РГНФ, проект № 11-01-0035 а.

¹ БАН. Собр. Дружинина. № 509, 510.

УДК 94(47)083 + 281.93

М.В. ПЕРШИНА

О МЕТОДАХ СБОРА ИНФОРМАЦИИ СИМЕОНОМ ГАВРИЛОВЫМ ДЛЯ РОДОСЛОВИЯ 1896 г.*

Институт истории СО РАН,
г. Новосибирск
e-mail: masha@perchine.com

Статья посвящена анализу старообрядческого Родословия, составленного в 1896 г. на Русском Севере северодвинским филипповским писателем Симеоном Гавриловым. Показано, что основным источником Родословия стали устные рассказы местных жителей, собранные в ходе специально организованного опроса, который проводился в соответствии с заранее составленной «исследовательской программой». Анализ сочинения позволил сделать вывод о том, что старообрядец уделил большое внимание этапу сбора информации для сочинения, выработал методику опроса информаторов и определения достоверности сообщаемых сведений. Эта «исследовательская программа» была последовательно реализована.

Ключевые слова: старообрядчество, исторические сочинения, Родословие, источники устного происхождения.

Объявив себя хранителями «древлего благочестия», старообрядцы мастерски сумели вписать историю своих согласий в поток мировой христианской истории, поэтому письменная фиксация событий, связанных с конкретной старообрядческой общиной и жизнью отдельных ее представителей, приобрела для них особую значимость [1]. Защитниками старого обряда было создано большое количество исторических сочинений. Отдельным жанром исторического повествования стали старообрядческие родословия. В родословиях, написанных с целью прославления своей веры, главное внимание уделялось описанию линии передачи «благочестия» от одного наставника к другому [2; 3].

Среди сочинений такого рода четыре родословия, составленные на Русском Севере в последней четверти XIX в.¹, занимают особое место. Они создавались в связи с переходом части северодвинских старообрядцев федосеевского согласия в филипповское, ориентированное на московский центр – Братский двор, и

писались специально для Москвы как исследование «корня веры» местных общин. Первое Родословие (1879 г.) создавалось по заказу духовных отцов Братского двора, которым для определения правил чинопоема северодвинцев понадобились сведения об особенностях их вероучения. Следующие три Родословия (1886, 1893 и 1896 г.) были написаны по инициативе местных старообрядцев и северодвинского наставника Симеона Гаврилова [4; 5].

Основным источником этих Родословий стали устные рассказы местных жителей, в памяти которых еще были живы образы прежних духовных отцов. По наблюдению Н.С. Гурьяновой, исследовавшей особенности исторического повествования писателей выговской литературной школы, личная осведомленность автора или его информатора об описываемых событиях считалась одним из главных критериев «правдивости» и достоверности зафиксированных исторических сведений: «Выговцы считали, что можно доверять сообщениям в том случае, когда о фактах пишут либо сами участники события (“от зренья очес”), либо кто-то с их слов (“от слышания свидетелей известных, возвещением достоверствуется”))» [1, с. 40]. Авторы Родословий явно основывались на этом принципе.

* Работа выполнена при финансовой поддержке РГНФ, проект № 11-01-0035 а.

¹ БАН. Собр. Дружинина. № 509, 510.

Сообщения местных жителей, оформленные в виде отдельных «Показаний», каждое из которых было получено от одного или нескольких информаторов, стали основной структурной единицей Родословий.

Готовясь к написанию старообрядческого Родословия 1896 г.², его составитель Симеон Гаврилов заранее разработал «исследовательскую программу», в соответствии с которой собирался проводить опрос местных жителей. В предисловии к сочинению он изложил принципы, положенные в основу его работы с информаторами, и подвел теоретическую базу под свое «исследование». Все это не только делает Родословие 1896 г. уникальным источником по истории старообрядчества Русского Севера, но и позволяет уточнить представление старообрядцев конца XIX в. о специфике работы с устными источниками, а также восстановить подготовительный этап сбора сведений, предшествующий написанию исторического сочинения.

Родословие 1896 г. охватывает обширную территорию: его составитель побывал в Архангельском уезде, на Пинеге, Выгу, Каргополье. Автор точно фиксировал дату записи каждого «Показания», поэтому можно получить представление о времени, в течение которого он собирал информацию. Путешествие северодвинского писателя по Русскому Северу продолжалось восемь месяцев (с марта по октябрь 1896 г.). За это время он записал со слов местных жителей 90 «Показаний».

В предисловии к Родословию автор отметил, что, несмотря на то, что сам был старообрядцем и мог быстро входить в доверие к местным жителям, при беседах с информаторами он встретился с определенными трудностями: «Бывало, приду к старику или к старухам, выпрошусь начевать Христа ради, как будто-бы какой-либо богомолец, шествующий по монастырям. И когда пустят начевать, тогда кое-как поразговорюся да поприобглаголюся и буду разводить разговоры про прежняя пустыни, да про прежних христиан, да про согласия, да про правителей духовных. И некоторые с простоты и дивняжно поскажут. Но только то по большей части препятствовало, егда я словесно с ними говорю, то они и сказывают, а когда я выну из кармана памятную книжечку и буду, замечавши, записывать, то они тогда, мои собеседники, и испугаются! И заперешаптываются промежду себе, да некоторые мне и зачнут говорить: "...Мы о тебе сомневаемся, опасаемся весьма, не пиши про нас ничего, и не знаем мы ничего..."» (л. 58–58 об.).

Из этого сообщения следует, что Симеон Гаврилов легко вступал в диалог со староверами, но при попытке записать их рассказы, ситуация менялась. Староверы начинали подозревать, что «богомolec, шествующий по монастырям», подослан миссионерами или начальством и записывает сведения для передачи представителям власти. Тем не менее, как отметил автор далее, некоторые информаторы с пониманием отнеслись к его подвижническому труду и дали разрешение на запись своих слов. В этом случае Симеон Гаврилов не

только старался сразу же записывать их рассказы, но и уточнять их, зачитывая информаторам записанное: «И, написавши, я прочитывал сказителям моим, и кое-что еще попридобавляли они» (л. 59).

Завершая характеристику своей работы по сбору информации от местных жителей, автор совершенно справедливо отметил, что в его записи вполне могли попасть и неточные сведения, поскольку ошибаться могли и сами информаторы: «А все ли будет справедливо, об етом оставляю единому сердцеведцу Богу ведати и судити» (л. 56 об.). Выяснить, насколько сообщения местных жителей соответствовали действительности, было достаточно сложно. Тем не менее Симеон Гаврилов попытался решить и эту проблему. Одним из главных критериев достоверности для него стал повтор одной и той же информации местными жителями независимо друг от друга. В предисловии он пишет: «Я грешным мнением своим располагаю так, что аще об чем-либо об котором об одном деле многия "Показания" между собою согласны обрящутся, то должно быть верно и справедливо есть показания» (л. 57). Действительно, все 90 «Показаний» характеризуются наличием повторов, автор не исключал их, а наоборот акцентировал на них внимание читателей.

Совсем иначе Симеон Гаврилов относился к противоречивой информации, которую старался не включать в «Показания», поскольку считал ее недостоверной: «Понеже они старики и старухи. Тот – то сказывает, а другой – другое сказывает, а третий что-нибудь свое же. И долго в одно то слово не примирятся. И аще примирятся воедино, то писал, а об котором они и сами не дознают, того я не писал» (л. 57). Отметив, что в сочинение включена далеко не вся информация, полученная от местных жителей, в частности, исключены противоречивые высказывания, составитель явно попытался подчеркнуть, что он записывал только точные сведения. Однако в действительности эта фраза подразумевает, что составитель Родословия мог умалчивать не только о некоторых сомнительных, с его точки зрения, фактах, но и о тех, которые не вписывались в его концепцию распространения «истинной веры» на Русском Севере. Это был типичный прием старообрядческого исторического повествования [6, с. 94; 7, с. 110]³.

Кроме характеристики принципов отбора сообщаемых сведений, Симеон Гаврилов в предисловии к сочинению представил и своеобразную «исследовательскую программу» в соответствии с которой проводился опрос старообрядцев. Список вопросов, которые составитель Родословия задавал местным жителям, начинался так: «Вопросы мои почти везде первья были о пустынных жителях и откудова корень, тамо произошло христианское благочестие» (л. 57). Из этого вопроса следует, что самой важной для Симеона Гаврилова была проблема «корня веры» в старообрядческих поселениях. Он постарался проследить линию передачи «древлего благочестия» и выяснить, имели ли местные духовные отцы в прошлом какую-либо связь с Выговской пустыней в ранний период

² БАН. Собр. Дружинина, № 510. Далее ссылки на листы этой рукописи указаны в тексте в круглых скобках.

³ Подобный прием умолчания использовался и выговскими писателями XVIII в. при написании исторических сочинений.

ее существования или соловецкими страдальцами. Для защитников старого обряда в конце XIX в. такая связь могла послужить безусловным доказательством благочестивости «корня веры».

Второй вопрос был сформулирован следующим образом: «Сколько и где было нетленных, по пустыням спасаемых, после Никоновы перемены?» (л. 57). Нетленность была одним из признаков святости прежних отцов и еще одним важным критерием истинности «корня веры», поэтому в своем «исследовании» составитель Родословия уделил внимание рассказам о чудесах. В контексте этой «исследовательской программы» логичным представляется и третий вопрос: «А третья вопросы мои были, когда каким пустыням разорения и уничтожения» (л. 57). Автора интересовали не только даты разрушения скитов (как правило, их старообрядцы сообщали весьма приблизительно), но и воспоминания о столкновениях с начальством, воинскими командами и о самосожжениях, которыми богата история Русского Севера. Особенно ценными оказались для него дошедшие предания о «гарях», поскольку пострадавшие староверы считались мучениками за веру.

Большое внимание в Родословии уделено важной для беспоповцев проблеме заключения браков. Автор, филипповец-«безбрачник», попытался выяснить, когда на Русском Севере староверы стали терпимо относиться к бракам: «Когда, в которых странах зачались неправильно приниматися новожены в церковь Христову?» (л. 57). Последний, пятый вопрос был посвящен выяснению связей староверов Русского Севера со старообрядцами Москвы и Петербурга: «С кем и с которым соглашением имели они сообщение в Питере и в Москве, с какими именно по названию моленными и с какими, именующимися христианами, филипповыми и федосеевыми?» (л. 57). В заключение автор отметил, что в зависимости от знаний и информированности местных жителей задавал им и другие вопросы: «И прочее кое-чего вопрошал» (л. 57).

Наличие «исследовательской программы», которая включала заранее продуманные вопросы, помогало Симеону Гаврилову направлять беседы с местными жителями в нужное ему русло и получать ответы информаторов на эти вопросы, что сделало текст сочинения стройным и логичным. На примере анализа текста одного из «показаний» попытаемся показать, как этот замысел был реализован на практике. Для этого обратимся к «Показанию 45-му», записанному со слов пинежского «старичка» Алексея Ананьича Федорова из д. Летопала. Оно начинается с изложения информации о пустынях «на хребте», расположенных между р. Северной Двиной и р. Пинегой. По-видимому, информатор не располагал конкретными сведениями о связях пустынножителей с Соловецким монастырем и Выгом, но он считал нужным подчеркнуть преемственность веры местных старообрядцев от «древлего благочестия»: «Пустыня по Юрасу в Верхоялье на хребте началась от самага благочестия» (л. 145). Далее он уточнил: «А в нашей памяти я слыхал, ета пустыня была филиппова соглашения. Так те пустынники и по допросам в судах судиям себя сказывали филиппова соглашения» (л. 145).

Как мы уже отмечали, Симеон Гаврилов, проводивший опрос, ранее присоединился к филипповскому согласию, и текст Родословия создавал для московского центра Братского двора. Поэтому не исключено, что эта информация появилась благодаря дополнительному уточняющему вопросу составителя сочинения, обозначенного в «исследовательской программе» как «прочее кое-чего вопрошал». Принадлежность прежних пустынножителей к филипповскому согласию была, с точки зрения составителя Родословия, важным аргументом «благочестивости» «корня веры» старообрядцев Русского Севера.

В соответствии со вторым вопросом Симеона Гаврилова далее в «показании» помещены рассказы о чудесах и наличии нетленных мощей в пустынях: «Пустынные жители смотрели в той пустыни («на хребте». — М. П.) нетленных... которые уже было померли 30 лет. Один оказался совершенно хорош, цел был, а у другого точию губка немножечко погнила» (л. 145). Информатор добавил, что узнал об этом от своего дяди Ермолая Савича, который жил в пустыни, а также объяснил причину, по которой пустынножители организовали освидетельствование могил умерших: «Пустынные жители смотрели нетленных того ради, чтобы в христианстей вере утвердиться» (л. 145). Алексей Ананьич не только давал полные ответы, но и дополнял их собственными рассуждениями и объяснениями.

Четко сформулированный следующий вопрос составителя о фактах гонений на старообрядцев позволил включить в Родословие конкретные сведения о разорении пустыни на р. Юрас в 1825 г. и р. Попье в 1828 г.: «А пустыня была большая в хребте по реке Попье, подобно деревне. Кони были и коровы. А назать тому 67 лет, то есть в 7336 (1828) году, разорили ету пустыню на Попье исправник Бутаков с понятыми с деревенскими мужиками со многими людьми. Приезжали на самую Пасху во время заутрени. Пели. Много людей было в той пустыне с Пинеги и с Двины. А некоторые убежали» (л. 145 об.). Особая значимость события была подчеркнута тем, что оно происходило на Пасху. Подводя итог своему рассказу о гонениях на старообрядцев, информатор заключил: «Такие были гонения и разорения неоднократно на нашу пустыню в Росохах на хребте» (л. 145 об.). Это замечание свидетельствует, что он явно соотнес свой рассказ с вопросом Симеона Гаврилова.

Далее, как и предполагала «исследовательская программа», информатор остановился на проблеме отношения местных старообрядцев к бракам. Констатируя, что в настоящее время его единоверцы лояльно относятся к фактам заключения браков, Алексей Ананьич сообщил, что подобная практика распространилась относительно недавно: «А прежде новоженое не принимали и долго томили, а стали принимать назать тому годов с 55 (в середине XIX в. — М. П.)» (л. 146). Умело заданный вопрос составителя Родословия позволил не только избежать подробного повествования о «брачниках», которые, с точки зрения филипповцев, не могли считаться хранителями «благочестия», но и подчеркнуть, что раньше супру-

ги-старообрядцы находились на особом положении в общине и не допускались к совместным трапезам и молениям с «истинными христианами». Симеон Гаврилов включил и мнение информатора о причине формирования терпимого отношения к бракам: «Тогда, когда было лютое гонение при царе Николае Павловиче, тогда сажали христиан в тюрьму на год и на пол года и на месяц. Даже и старухи некоторые за христианскую веру по году сидели в тюремном замке. Да и розгами секли за веру христианскую. Того ради и стали новоженцы принимать, чтобы во отлучении во острогах не померли. Так с той поры и пошло, новоженцы стали принимать» (л. 146). По-видимому, составителю Родословия важно было подчеркнуть, что терпимое отношение к «брачникам» никак не связано с оскудением «благочестия», а объясняется исключительно внешними обстоятельствами.

Ответ на 5-й вопрос Симеона Гаврилова о связях пинежцев со столичными старообрядческими центрами завершает «Показание» Алексея Ананьича в Родословии 1896 г. Согласно сведениям этого информатора, многие местные староверы бывали в Петербурге. При этом он подчеркнул, что в столице пинежские старообрядцы молились только в филипповской моленной, и уточнил, в какой именно: «Была моленна на Васильевском острове в доме Сусленникова» (л. 146). Алексей Ананьич назвал имена четырех пинежцев, которые в свое время регулярно посещали филипповскую моленную в Петербурге. Двое из них – Данила Щеголихин и Данила Кобылин, согласно его рассказам, даже были там духовными отцами. Таким образом, в «Показании» акцентировалось внимание на тесной связи пинежцев с петербургскими филипповцами и подчеркивалось, что из всех старообрядческих согласий, представленных в столице, самым близким для жителей Русского Севера было филипповское. С точки зрения Симеона Гаврилова, это являлось еще одним аргументом в пользу «истинности» «корня веры» старообрядцев Русского Севера.

Таким образом, анализ «Показания» Алексея Ананьича в Родословии 1896 г. свидетельствует о том, что рассказ информатора построен в соответствии с вопросами, сформулированными Симеоном Гавриловым в предисловии к сочинению. Эти вопросы определили

логику изложения материала и позволили получить необходимые сведения о первых пинежских пустынножителях, чудесах, фактах «гонений» на староверов и т. п. С точки зрения составителя сочинения, все это должно было свидетельствовать о «благочестивости» веры старообрядцев Русского Севера. Подобным образом написаны и остальные «показания», следовательно, и вопросы задавались всем информаторам. Так же последовательно писатель-старообрядец реализовывал и другие принципы своей «исследовательской программы». Он не включал в Родословие противоречивых сообщений, считая их недостоверными, уточнял сообщенные одним информатором сведения у других старообрядцев. В результате Симеону Гаврилову удалось собрать уникальный материал по истории старообрядчества Русского Севера.

ЛИТЕРАТУРА

1. Гурьянова Н.С. История и человек в сочинениях старообрядцев XVIII в. Новосибирск, 1996.
2. Покровский Н.Н., Зольникова Н.Д. Староверы-часовенные на востоке России в XVIII–XX вв.: Проблемы творчества и общественного сознания. М., 2002. С. 183–204.
3. Мангилев П.И. «Родословие поморской веры на Урале и в Сибири» (Исследование. Текст. Комментарии) // Проблемы истории России. Екатеринбург, 2005. Вып. 6: От средневековья к современности. С. 328–414.
4. Першина М.В. «Родословия» северодвинских старообрядцев // Общественное сознание и литература России: Источники и исследования. Новосибирск, 2008. С. 87–106.
5. Першина М.В. Северодвинские старообрядцы и Братский двор // Археографические исследования отечественной истории: текст источника в литературных и общественных связях. Новосибирск, 2009. С. 116–138.
6. Крамми Р. Историческая схема выгорецких большевиков // Традиционная духовная и материальная культура старообрядческих поселений в странах Европы, Азии и Америки. Новосибирск, 1992. С. 90–96.
7. Юхименко Е.М. «История о отцах и страдальцах соловецких» Семена Денисова – памятник выговской литературной школы первой половины XVIII в. // Традиционная духовная и материальная культура старообрядческих поселений в странах Европы, Азии и Америки. Новосибирск, 1992. С. 107–113.

УДК 930.85+821.161.1

Т.Ф. ВОЛКОВА

ИСТОРИЧЕСКИЕ И ЭСХАТОЛОГИЧЕСКИЕ ПРЕДСТАВЛЕНИЯ ПЕЧОРСКИХ СТАРООБРЯДЦЕВ (НА МАТЕРИАЛЕ УСТНЫХ РАССКАЗОВ УСТЬ-ЦИЛЕМСКИХ КРЕСТЬЯН)

Сыктывкарский государственный университет
e-mail: volkovatf777@gmail.com

В статье на материале записей исторической устной прозы печорских крестьян, сделанных в ходе экспедиций на Нижнюю Печору и хранящихся в фольклорном архиве Сыктывкарского университета, прослеживаются представления печорских старообрядцев о значимых событиях церковного раскола и взаимоотношениях его ведущих деятелей, определяется характер интерпретации информантами некоторых эсхатологических идей. Такого рода источники позволяют охарактеризовать менталитет и исторические представления печорских крестьян, сохранившийся в народной памяти образ протопопа Аввакума, крестьянский взгляд на события осады Соловецкого монастыря, представления печорцев о Страшном суде.

Ключевые слова: старообрядческие центры традиционной и книжной культуры, Нижняя Печора, народная эсхатология, устные рассказы крестьян.

Устные источники по разным областям научного знания в последние десятилетия все больше привлекают внимание исследователей, чему в немалой степени способствовала обобщающая монография П. Томпсона [1], в которой собран огромный материал, показывающий значение этого вида источников и в точных, и в гуманитарных науках. В сфере исторического знания использование устных источников привело к появлению понятия «устная история», прочно вошедшего сегодня в гуманитарные исследования.

В свете такого подхода особое значение приобретает одна из интереснейших проблем в изучении северных старообрядческих центров книжной и традиционной народной культуры – проблема взаимодействия двух традиций – письменной, книжной, связанной со средневековой книжной культурой, и устно-поэтической, народной. Уникальным центром, где старообрядческая книжная культура органично сосуществовала с богатой фольклорной традицией, является наряду с другими район Нижней Печоры.

Среди материалов Фольклорного архива Сыктывкарского университета, записанных в этом районе в 1980-х – начале 1990-х гг., особое место занимают записи, которые можно отнести к разряду исторической прозы. Они представляют интерес для характеристики культурной памяти усть-цилемских старообрядцев, их отношения к средневековой литературе, их знаний по истории старообрядчества, представлений о первых идейных вождях старообрядцев и их гонителях. Всего на данный момент в составе усть-цилемского фонда выделено более 230 текстов исторической прозы.

Задача нашей публикации – охарактеризовать некоторые материалы Фольклорного архива СыктГУ (далее – ФА), они привлекли автора статьи еще в ходе работы над «Словарем книжников Нижней Печоры» [2, с. 116–122]. В поисках дополнительного материала о

хранителях и создателях усть-цилемской рукописной традиции мы обратились к фонду усть-цилемских записей, сделанных фольклористами Сыктывкарского университета в течение ряда экспедиций на Печору. Работа с этими материалами позволила выделить ряд записей, относящихся к разряду исторической прозы. Они уже стали предметом изучения Т.С. Каневой, которая выполнила их первоначальную жанровую классификацию, составила указатель текстов, исследовала круг преданий о местном святом Иване – обитателе местного старообрядческого скита на р. Тобыш, притоке Цильмы [3, с. 102–108; 4, с. 157–162]. Мы продолжили изучение этих материалов под интересующим нас углом зрения и представляем некоторые итоги проделанной работы.

Особую группу среди рассматриваемых источников составляют рассказы, представляющие собой пересказ различных литературных сюжетов (библейских – ветхо- и новозаветных, житийных, апокрифических, эсхатологических). В настоящее время нами выделено десять сюжетов, некоторые из них анализируются ниже¹. Все рассказы хранятся в записях на магнитных носителях, как правило, они окружены разнообразным фольклорным материалом. Освещаются разные грани духовной жизни информантов – печорских старообрядцев: история их семьи, воспоминания о свадебных ритуалах, игровых и хороводных песнях, христианских праздниках, пересказ быличек и топонимических легенд.

Отобранные нами рассказы печорских крестьян, связанные с историческими и литературными сюжетами, тематически подразделяются на две группы: рассказы по истории старообрядческого движения и рассказы эсхатологического содержания.

¹ О не вошедших в данную публикацию материалах см.: [5, с. 303–310].

Группа записей, связанных с историей старообрядчества, включает рассказы об Аввакуме, о патриархе Никоне и их взаимоотношениях [6, с. 20–23] и рассказ об осаде Соловецкого монастыря, где «затворились» сторонники старой веры, войсками царя Алексея Михайловича.

В биографии Аввакума печорских старообрядцев привлекала прежде всего последняя ее страница, связанная с пребыванием Аввакума в Пустозерске, хорошо знакомом жителям Усть-Цилемского края. О сибирском и московском же периодах его жизни печорские рассказчики-старообрядцы практически ничего не знают, во всяком случае – не рассказывают.

Усть-цилемцев поразило писательское трудолюбие Аввакума. Они акцентируют внимание на тяжелых бытовых условиях, в которых Аввакум создавал свои произведения. Так, В.Т. Вокуев, племянник известного печорского сказителя Г.В. Вокуева, унаследовавший от него и часть его библиотеки старинных книг [7, с. 279–288], рассказывает со слов 80-летней старушки Аграфены, содержавшей в 1940-х гг. в Пустозерске нечто вроде гостиницы для приезжих: «Когда он помер, зашли, а у его столько было написано, что это просто все ужаснулись: с такой темноты и сидел писал!» За этим следуют размышления уже самого Василия Трифоновича, склонного к рационализму: «Видимо, какие-то плоски, жировики ле что ле давали, не совсем же тёмно сидел». Далее тема непрерывного писательского труда Аввакума развивается: «Никуда не выводили его. Что-то питался сколько-то в день. Все это время писал». А в конце рассказа содержится и краткая оценка написанного Аввакумом: «Когда прочитали, все было хорошее, дельное, умное». В этом же рассказе, восходящем к вышеупомянутой Аграфене, содержится и совершенно оригинальная трактовка обстоятельств появления Аввакума в Пустозерске. Согласно версии «бабы Груни» (как называли Аграфену все приезжавшие к ней), Аввакум «сам пришел туда. Пришел в Пустозерск добровольно жить, сам. А потом уже его в землянку посадили. Где-то слухи дошли, что ли». При этом до ареста Аввакум, по рассказу Аграфены, «не только здесь (в Пустозерске) проповедовал, приходилось уходить» («нелегально как бы жил», – комментирует Василий Трифонович). Про союзников Аввакума здесь не говорится, напротив, подчеркивается, что Аввакум «один пришел» и «один сидел»².

В других рассказах печорских крестьян подчеркивается нестигаемость Аввакума-борца, который и в заключении продолжал бороться за свои убеждения: «И все еще боролся, призывал народа, чтобы боролся против никонианской веры»³.

Особый рассказ посвящен взаимоотношениям Аввакума и Никона. Главный мотив, проходящий через весь этот рассказ, – изначальная дружба двух земляков, обернувшаяся смертельной враждой: «Они же два друга росли, рядом деревни – этот протопоп-то Аввакум». Оба «друза» приглянулись царю: «Царь

посмотрел на этих ребят, понял, что они очень умные: Никон-патриарх и Аввакум-протопоп. Вот он подобрал к себе». Далее, по рассказу Марфы Павловны, сразу обнаружилось их различие: Аввакум, «конечно, потверже был», а Никон «прельстился к царю» и «начал ему нашептывать, что очень уж строгие законы у старой веры, давай немножичко уменьшим, книги изменим... Царь ему пошел навстречу». Протопопу Аввакуму «это очень не понравилось», в результате – его изгнали в Пустозерск⁴. Далее в рассказе ощущаются отголоски сюжета Жития Аввакума, повествующего о второй казни в Пустозерске его союзников, предшествовавшей их общему сожжению, причем действия палачей отнесены и к самому Аввакуму: «И тут же ведь над ним очень издевались. И глаза выкололи, и уши обрезази, и носы обрезази. И потом их сожгли». В рассказе об огненной казни пустозерских сидельцев приводятся и последние слова Аввакума, которые он будто бы выкрикнул перед смертью: «Будь проклят, Никон-патриарх!», прокомментированные рассказчицей так: «А ведь был друг его!».

Из рассказов о Никоне выделим два. Один, совсем короткий, любопытен трактовкой личности Никона: «Он не святой. Он писателем был, Никон-патриарх. Писателям было, как святым, доверие большое». Но дальше, по рассказу, произошла беда: «писал, дак вот шишко смутил...» В результате Никон «из веры погонил»⁵. Эта тема вмешательства бесовских сил в судьбу Никона сюжетно развернута в другом рассказе, записанном в с. Замезное от Андреевой Агафьи Калиничны. В экспозиции рассказа указывается источник его сюжета – стих, который рассказчику «мати читала». Первая часть рассказа описывает совещание у сатаны, на котором один бес жалуется на то, что за три года не смог смутить русский народ, а другой решается выполнить эту задачу. Сатана указывает ему, с кого надо начать: «Там есть патриарх в Москве... мордвин белобородый – вот тот всё перевернет». Вторая часть рассказа рисует последствия бесовского воздействия на Никона – «смутившись» сам, он отправляется «смущать» царя: «Так и так, надо все эти книги закопать, все образа переделать. Это все устарело, и надо все ново». Первоначальная реакция царя рисуется как резко отрицательная: «Нельзя этого делать. Что ты! Что ты!» Однако Никон «раз пошел, два пошел, на третий раз (царь) и согласился... Никон-патриарх и царя смутил»⁶.

Таким образом, в усть-цилемских преданиях о личностях, стоявших у истоков раскола церкви, нашли отражение и письменные источники («Житие» Аввакума, духовные стихи), и устная традиция, в которой по-своему преломляются и осмысливаются известные факты жизненной судьбы Аввакума и Никона.

К этой же группе рассказов по истории старообрядчества можно отнести и рассказ о падении

² ФА СыктГУ. УЦ 0357-51-53.

³ Там же. УЦ 0342-36 (Носов Фрол Федорович, дер. Филипповская).

⁴ ФА СыктГУ. УЦ 0368-75 (Дуркина Марфа Павловна, дер. Новый Бор).

⁵ Там же. УЦ 0350-5 (Носова Агафья Степановна, с. Трусово).

⁶ Там же. УЦ 0355-66.

Соловецкого монастыря⁷, записанный от упомянутой выше А.К. Андреевой. Многолетняя осада Соловецкого монастыря (1668–1676 гг.), иноки которого не поддержали церковную реформу Никона – Алексея Михайловича, нашла отражение в целом ряде документальных и художественных памятников письменности и многочисленных устных рассказах. Среди них – отклики старообрядческих писателей Аввакума, Игнатия Соловецкого, сочинение одного из основателей Выголексинского общежития Семена Денисова «История о отцах и страдальцах Соловецких», написанная в начале XVIII в. [8, с. 318–325; 9, с. 332–335; 10, с. 155–191; 11, с. 92–114; 12], духовный стих о разорении Соловецкого монастыря «Что во славном было царстве во Московском государстве».

В рассказе, записанном от Агафьи Калиничны, освещаются только события трагического для защитников старой веры финала осады. Некоторые сюжетные мотивы рассказа совпадают и с историческими источниками, и с названными выше литературными произведениями. К ним относятся мотив предательства в рядах осажденных, вследствие чего осаждающие монастырь посланцы царя смогли проникнуть за крепостные стены, и мотив внезапной болезни, а затем и смерти Алексея Михайловича, что все старообрядческие писатели, затрагивавшие тему «соловецкого сидения», непосредственно связывали с распоряжением царя о взятии взбунтовавшегося монастыря. Вот как об этом рассказала Агафья Калинична: «...Едет этот в Онегу, гончики едут, военны. На конях тогда ездили, поездало ишо не ходили, давно-то. А там служители-те говорят: “Три часа кто не будет служить, вставайте, служите. Вставайте!” Он и разбудил всех. Раз, да два, да и все будит. Стали служить. Пономарь пришел, который колокола-те звонит. Говорит: “Едут не то служить, не то воевать, не то разорять. Едут. Слышу с колокольни. На лошадях множество едут, на конях. И вооружены”. Они слушат. Те приехали, сказали: “Заприте ворота, не запускайте их”. А какой-ле предатель запустил. Они и начали их тут: “Перейдите на нашу сторону!” Они не переходят служители никто. Кто перешли там из простых, может, тех не убивали. А которы не переходят, всех поубивали, служителей всех. И на лед пометали зимой. И едут обратно. Царь забоялся, послал гончика: “Не разорять!” Сильно заболел. Гонщик приехал, говорит: “Уже обратно едут”. Царь умер, тут же умер. “Едут, – говорит, – уже разорили!”»⁸.

Ряд сюжетных мотивов и деталей повествования в данном рассказе, скорее всего, восходит к духовному стиху о разорении Соловецкого монастыря, который, как указала Л.А. Петрова, бытовал на Нижней Печоре [13, с. 94]. К числу таких мотивов можно отнести описание Белого моря, по которому «долго не могли корабли ходить», так как оно не могло растаять из-за вмерзших в лед многочисленных трупов: «То море-то Бело, долго стояло, на Белом-то море долго не могли

корабли ходить, не тает. Потому что там трупы лежат. И кто-то подсказал: “Трупы вывезите на берег. Захороните”. Вишь, на острове этот монастырь-то был, на островку. Вывезите и захороните трупы, и лед-то растает, корабли пойдут»⁹.

Отметим, что в сознании рассказчицы история разорения Соловецкого монастыря перекликалась с историей разорения местного – пижемского – Великопожженского скита, закончившаяся знаменитой «гарью» 1743 г. [14, с. 10–11, 167–195; 15, с. 45–52]. Описав Соловецкий монастырь и место его нахождения («четыре километра что ли от Онеги»), рассказчица сообщает о том, что царь «послал... гончиков монастырь разорять». И далее продолжает: «Вот и ехали тут разорить-то монастырь, на оленях-то, сюда-то, в Скитску»¹⁰. Одновременно везде царь объявил разорить монастыри все»¹¹.

Среди рассказов, объединенных эсхатологической тематикой, которая пользовалась особой популярностью в старообрядческой среде [16], отметим в первую очередь рассказ А.Р. Носовой о том, кто попадает в рай, а кто – в ад, и что там происходит (записан зимой 1990 г.). Условия попадания в эти два сакральных пространства определены рассказчицей вполне традиционно: «Там уж кто в рай попадут, те уж безгрешны души, а кто с грехами, пьяницы да, воры да, те в ад попадут». Обстановка в раю описана также в традиционных мотивах: «там всё уж будет хорошо, всё готово да баско да светло да сады да». При описании адских мук центральным становится образ котла, в котором варятся грешники: «Тех будут варить в котле, в огне. Варят, варят, переварят да опеть». Заканчивается рассказ резюме, в котором отразились представления о ограниченности долготерпения Божьего только земными пределами жизни человека: «И не будет им никакого прощения. Господь ведь терпит до конца, а мучить будет без конца»¹².

В другом рассказе, записанном от того же информанта в 1990 г., перечисляются признаки приближения конца света: появление на востоке огненного «столба», который «всех поалит», сбор людей из семи городов в один город. Довольно оригинально здесь описаны следствия Божественного гнева: «Мужчин вообще не будет, что мужчины скорее все погнут, женщины останутся», но участь их будет трагической – их ожидает массовое помешательство: «До того дойдут женщины, что если увидят медвежий след, то это не мой ли мужик прошел? – В общем, будут с ума сходить»¹³.

Упомянем и о другом сюжете, записанном от А.К. Андреевой в 1987 г. В этом рассказе с наибольшей полнотой преломились апокалипсические мотивы Откровения Иоанна Богослова в сочетании с народными представлениями о том, какая участь ждет тех, кто при

⁹ ФА СыктГУ. УЦ 0355–67.

¹⁰ Деревня Скитская образовалась на месте закрытого в 1854 г. Великопожженского скита.

¹¹ ФА СыктГУ. УЦ 0355–67.

¹² Там же. УЦ 03110-52 (Носова Акулина Родионовна, с. Трусово).

¹³ ФА СыктГУ. УЦ 03110-51.

⁷ ФА СыктГУ. УЦ 0355–67 (Андреева Агафья Калинична, с. Замежное).

⁸ Там же.

жизни знался с бесами. Эти люди в рассказе названы «чародеями», причем такое определение будет, по словам рассказчицы, обозначено у них на груди «белыми буквами». В рассказе о Страшном суде присутствуют и «огненная река», и «шестокрылы ангелы небесны», которые в эту реку «всех сосвищут чародеев», и труба, возвещающая начало суда, и «небесная сила», стоящая «на воздухе» и облеченная в разноцветные одеяния. Подробно описывает рассказчица и порядок прохождения перед взором Судии – Христа всех групп присутствующих на последнем суде: «Перва Богородица пойдет, апостолы пойдут, и все святильники пойдут в гору по лестнице подниматься». Находится место в этой процессии и простым людям, не обремененным грехами: «А нас за добры дела дак тоже пойдём взади в гору». Заканчивается рассказ описанием земли после Страшного суда: «И земля будет как плита гладка, потому что лесу не будет и ниче не будет, ни воды». Особо подчеркивается перенаселенность земли после воскресения мертвых: «И то тесно стоять боком, не повернешься. Эти все будут живы, которы умерли. Умирали-то много. Все будут живы, дак тесно будет на земли-то»¹⁴.

Рассмотренные нами сюжеты устных рассказов печорских крестьян свидетельствуют об их глубоком интересе и к истории старообрядческого движения, и к эсхатологическим идеям, имеющим в старообрядческой среде особое значение. В них отразились живой ум, наблюдательность усть-цилемов, желание осмыслить прочитанное в рукописных сборниках и дошедшее в устной традиции.

ЛИТЕРАТУРА

1. Томпсон П. Голос прошлого. Устная история. М., 2003.
2. Волкова Т.Ф. «Словарь книжников Печоры» (задачи и проблемы издания) // Мир старообрядчества : сб. науч. тр. М., 1998. Вып. 4: Живые традиции: результаты и перспективы комплексных исследований русского старообрядчества. Материалы Междунар. науч. конф. (МГУ, 21–24 ноября 1995 г.).
3. Канева Т.С. Церковный летописец и устная историческая проза Усть-Цильмы // Христианизация Коми края и ее роль в развитии государственности и культуры. Сыктывкар, 1996. Т. 2.
4. Канева Т.С. К вопросу о специфике усть-цилемской фольклорной традиции // Рябининские чтения-95 : сб. докладов Междунар. науч. конф. Петрозаводск, 1997.
5. Волкова Т.Ф. Литературные и исторические сюжеты в устной интерпретации печорских крестьян // Старообрядчество. История. Культура. Современность : Материалы. М., 2000.
6. Волкова Т.Ф. Усть-цилемские предания о протопопе Аввакуме и патриархе Никоне. (По материалам фольклорного архива Проблемной лаборатории Сыктывкарского университета) // V Уральские археограф. чтения : к 25-летию Уральской объедин. археограф. экспедиции: тез. докл. науч. конф. (Екатеринбург, 14–16 октября 1998 г.). Екатеринбург, 1998.
7. Волкова Т.Ф. Эсхатологические сочинения в кругу чтения Печорских крестьян // Мир старообрядчества. История и современность. М., 1999. Вып. 5.
8. Демкова Н.С. Из истории ранней старообрядческой литературы. IV. «Исповедание» Игнатия Соловецкого (1682 г.) и отклики современников на разгром Соловецкого монастыря царскими войсками в 1676 г. // Труды отдела древнерусской литературы. Л., 1983. Т. 37.
9. Поньрко Н.В. Семен Денисов Вторушин // Словарь книжников и книжности Древней Руси. СПб., 1998. Вып. 3: XVII в. Ч. 3: П–С.
10. Повесть об осаде Соловецкого монастыря / подгот. текста и ком. Н.В. Поньрко, Е.М. Юхименко // Памятники литературы Древней Руси. XVII век. Кн. 1.
11. Бубнов Н.Ю. Неизвестная челобитная дьякона Игнатия Соловецкого царю Федору Алексеевичу // Рукописное наследие Древней Руси. По материалам Пушкинского Дома. Л., 1972.
12. Памятники старообрядческой письменности / подгот. текстов Н.Ю. Бубнова, Н.С. Демковой, О.В. Чумичевой. СПб., 1998.
13. Петрова Л.А. Духовные стихи в усть-цилемской рукописной традиции // Устные и письменные традиции в духовной культуре Севера. Сыктывкар, 1989.
14. Малышев В.И. Усть-Цилемские рукописные сборники XVI–XX вв. Сыктывкар, 1960.
15. Парамонова Т.Б. Бегство на Великие пожни // Родники Пармы : науч.-попул. сб. Сыктывкар, 1993.
16. Гурьянова Н.С. Крестьянский антимонархический протест в старообрядческой эсхатологической литературе периода позднего феодализма. Новосибирск, 1988.

¹⁴ Там же. УЦ 0355-63-65.

УДК 930.85+821.161.1

О.Д. ЖУРАВЕЛЬ

О НЕКОТОРЫХ ПРИНЦИПАХ РАБОТЫ СТАРООБРЯДЧЕСКОГО АГИОГРАФА В XX в.*

Институт истории СО РАН,
г. Новосибирск
e-mail: istochnik_history@mail.ru

Статья посвящена проблемам агиографического повествования в литературе сибирских старообрядцев XX в. Анализируются методы работы старообрядческого писателя, выявляется роль древнерусского и ранневизантийского агиографического канона, фольклора и реалистических тенденций в создании агиобиографий, включенных в Урало-Сибирский патерик. Рассматриваются народные представления о святости.

Ключевые слова: народная агиология, житие, старообрядцы, литературный канон, Урало-Сибирский патерик.

Агиография – один из основных жанров средневековой письменности. Создание житийных текстов в XX в. – явление редкое и заслуживающее пристального внимания [1]. Уникальным источником по изучению судеб древнего жанра в новейшее время является Урало-Сибирский патерик – трехтомное историко-агиографическое сочинение, созданное в 1940–1980-х гг. книжниками самого распространенного на востоке России старообрядческого согласия – часовенного [2, с. 314–394; 3, с. 194–210; 4, с. 97–158; 5, с. 204–228]. Повествования агиографического типа, включенные в Патерик (а их насчитывается несколько десятков), посвящены как легендарным деятелям согласия, так и рядовым пустынножителям; в них отражается процесс сакрализации защитников старого обряда [6, с. 407–462]¹. Одни агиобиографии напоминают краткие жития патерикового типа, другие являются обширными жизнеописаниями. Отдельным персонажам посвящены целые агиографические комплексы, вплетающие рассказы о подвижниках в историю согласия [7, с. 237–239; 2, с. 315–316, 323]².

Как известно, агиография – один из самых регламентированных средневековых жанров. Нормативность поэтики житий в настоящее время подтверждается углубленным изучением их топики [8, с. 80–92; 9, с. 59–101; 10, с. 453–500]. В какой мере ориентация на литературный канон, на традиционную жанро-

вую топику определяет структуру и стиль новейшей старообрядческой агиографии?

Патерик является результатом работы нескольких редакторов и целого ряда народных книжников [2, с. 314–321]. Замысел, концепция, работа над первоначальной редакцией принадлежат о. Симеону – полемисту и богослову, видному деятелю староверов-часовенных [11, с. 299–302; 2, с. 239–277; 4, с. 159–253]. Его работа была продолжена о. Антонием [2, с. 278–294], о. Ефремом, А.Г. Мурачевым [11, с. 303–411; 2, с. 295–313; 4, с. 254–305]. Каждый из них – самобытный писатель, хранитель традиций древнерусской книжности. По указу о. Симеона среди насельников скитов и крестьян, связанных со старообрядцами, с начала 1940-х гг. велась работа по сбору материалов, составлению «письменных выборок», многие из которых были затем включены в Патерик. Имена этих народных агиографов указаны в Патерике, например: «с рукописи черницы Флены, и тоя самая матери Македонии, и от повести отца Антония»³; «с рукописи матери Флины, матери Авсиянии» (т. 2, с. 89). Почти все агиографические нарративы имеют двух, трех, а то и больше авторов. Причем авторы этих записок иногда сами становились героями других глав. Привлечением к созданию памятника рядовых пустынножителей, как и крестьянским происхождением редакторов, объясняется проникновение в памятник обширного пласта фольклора и народных агиологических представлений.

Главным принципом составителей Патерика является опора на документ. В случае недостатка информации содержание главы не восполняется элементами книжного житийного канона. Круг источников, вызывающих доверие у авторов, достаточно широк. Для глав о легендарных основателях согласия – это труды старообрядческих историков и светских писа-

* Статья подготовлена при финансовой поддержке РГНФ, проект № 11-01-00350 а.

¹ Тенденция к сакрализации, возникшая в раннем старообрядчестве, достигла расцвета в Выговском центре.

² Патерик отразил важнейшую особенность древнерусских патериков – активное взаимодействие агиографического и исторического начал. Развитие старообрядческой агиографии сопровождалось выработкой историософских концепций, утверждавших преемственность староверия по отношению не только к «Святой Руси», но и к истокам христианства. Принадлежность к «истинной вере», завершающей христианскую историю, – основное условие сакрализации.

³ Собрание ИИ СО РАН. № 11/90-г. Л. 14. Далее ссылки на Патерик в тексте статьи приводятся в круглых скобках, с указанием тома и листов.

телей [5, с. 207–219], а также записи легенд («прочее от устного предания воспомянем» – т. 1, л. 30). Главы о современниках целиком основаны на свидетельствах очевидцев.

Внимание к документу, уважительное отношение к источнику обусловили главную композиционную особенность аггиобиографий – их компилятивность. Они представляют собой, как правило, не единый текст, а цикл сюжетов, эпизодов, принадлежащих разным авторам. Один рассказ присоединяется редактором к другому, границы между фрагментами, имеющими разное авторство, четко обозначаются: «дозде мать Мелетина», «дозде отец Антоний». Агиографические главы Патерика напоминают, таким образом, своеобразный систематизированный архив, подборку материалов для будущего жития подвижника. Тем не менее из совокупности точек зрения воссоздается образ персонажа, соответствующий тому или иному типу святости. И здесь трудно провести грань между стремлением агиографа «вписать» героя в литературный канон, с одной стороны, и отражением реальной ситуации – с другой, когда этот персонаж и в жизни следовал определенным установкам. Замечание Т.Р. Руди о том, что «следование этикету... свойственно не только автору агиографического текста, но и описываемому им святому» [9, с. 63], оказывается справедливым по отношению ко многим мотивам, сюжетным ситуациям и даже устойчивым формулам Патерика [12, с. 68]⁴. Так, для выражения «принять монашество» используется в качестве синонимичного «сподобитися ангельского образа», принять «святый ангельский образ» (т. 1, л. 82 об., т. 2, л. 9 об., 27 об. и др.). Здесь отразился важнейший тип топики монашеских житий, *imitatio angelī*, наиболее последовательно представленный в житиях преподобных [9, с. 79; 10, 434–436]. Именно эта жанровая разновидность житий оказала наибольшее влияние на агиобиографии Патерика, что легко объясняется тематикой памятника, повествующего в основном о пустынножителях. Вместе с тем частотность употребления формулы разными авторами позволяет говорить о том, что данное выражение употреблялось в монашеском обиходе часовенных и не является только литературной формулой.

Знакомы сюжетам Патерика такие топосы преподобнического жития, как мечта о постриге, владеющая святым с детства, ранние попытки уйти в монастырь [10, с. 439], а также уход из дома, когда святой не берет ничего, кроме одежды [10, с. 441]. С детства испытывала «ревность жить в пустыне» м. Македония, она убегала в лес, рыла келейку, пока, наконец, не получила иноческий чин (т. 2, л. 14). М. Елена в 17 или 18 лет, взяв с собой «икону, псалтырь, лестовку и сарафан» (Там же, л. 29), покинула родительский дом, одержимая жадой подвижнической жизни, и вскоре стала одной из основательниц Сунгульского скита.

Детально разработана в Патерике важнейшая часть агиографической схемы – тема аскетических под-

вигов [2, с. 426–450]. Устойчивым мотивом является «слезный дар»: «слезы у ней были как град. Отец Сава говорил мне: “У меня мать Мастрадия звезда”» (т. 2, л. 10 об. – 11, 34 об. – 35, 79 об. и др.) [13, с. 171–172]. Среди традиционных житийных элементов этого сюжетного узла можно отметить мотив краткого сна: «сон святого всегда краток: он чаще всего спит не лежа (“на ребрах”), а – сидя или стоя, и то “зело мало”, или вообще проводит ночь без сна, в молитвах» [10, с. 479]. Этот мотив часто встречается в Патерике, но словесное его выражение опять-таки заставляет говорить об отражении реальной ситуации. Так, автор вспоминает: «мать Александра от сна всегда воздерживалась, спала мало, 3–4 часа, и нам она сама так говорила, что 3 часа спать мало, не достает, а 5 часов излишно, 4 часа довольно» (т. 2, л. 71–71 об.). Отец Александр, описавший кончину своего наставника о. Силюяна, рассказал, что тот последние годы спал сидя: «неции мнят, ради Бога не ложился» (т. 1, л. 75), имея в виду, очевидно, традиционный вид аскезы. При этом он дает и другое объяснение: «блисты не позволяли ему леги» (Там же).

Наряду с аскезой одной из самых популярных подвижнических черт, отраженных в главах патерика, является дар пророчества, «прозорливость» [5, с. 217–218]. «Душевыми очесы» подвижник видит бесов (т. 1, л. 82, т. 2, л. 74 об. – 75), знает, когда должен приехать гость издалека, предчувствует свою кончину [14, с. 25–26]. В некоторых рассказах, например м. Флены, акцентируется и такая добродетель, как милосердие («милостив бе»).

Многие главы Патерика содержат подробнейшие описания болезней. В том внимании, которое уделяется здесь недугам, можно видеть своеобразное отражение дуализма тела и духа, характерное для мировоззренческих установок создателей памятника. «Но время уже воспомянути и о болезнях матери Тавифы» (т. 2, л. 46), «наконец речем о болезни и кончине матери Тарсилы» (Там же, л. 84), – типичные формулы Патерика. Болезнь воспринимается как дар свыше. Мать Алевтина, умершая в 25 лет от последствий несчастного случая (упала с лошади и была потоптана ею), «желала поболеть, и когда болела, была в великой благодарности, что Господь послал вестника, и готовилася к исходу смерти» (Там же, л. 52 об.).

Пристальное внимание уделяется в Патерике сюжетной ситуации «преставления». Подробно описываются жесты, слова умирающего, бытовые подробности, в чем можно видеть и проявление своеобразного стихийного реализма, и инерцию древнерусских повестей о преставлении [14, с. 24–28]. Тема кончины сопровождается устойчивыми формулами, в которых временная жизнь противопоставляется вечной: о. Федор отошел «от временной жизни в вечный покой» (т. 1, л. 82), м. Мелетина «преставился от временныя к вечной жизни» (т. 2, л. 6 об.), о. Симеон «страдалческою кончиною запечатле свою жизнь временную, преселился на вечную» (т. 1, л. 106) [10, с. 492]⁵. Но встречаются

⁴ В.П. Адрианова-Перетц писала о том, что повторяемость схемы ранневизантийских житий-матрицев выросла на почве сходства жизненных ситуаций.

⁵ В топике преподобнических житий акцентируется другая тема – противопоставления тела и духа: «телом начат изнемогати, иже душею крепкий» и др.

и поэтические речевые обороты, комментирующие смерть инокини: «пошла весело, как пташечка улете-ла» (т. 2, л. 133).

С сюжетной ситуацией смерти связано несколько «чудесных» мотивов, подтверждающих статус святости персонажа. К ним относятся следующие: изменение запаха тела (в болезни ощущалось зловоние, по преставлении – «издаде благоухание») (т. 2, л. 74 об. – 75, 85); преображение лица (оно становится молодым, светлым, сияющим)⁶; любое внезапное изменение погоды («дождь заулевой был весь день, а когда хороняли, снег был. Вот какая счастливая мать Серафима!») (т. 2, л. 132–133 об.).

Еще более явно свидетельствуют о святости героя такие устойчивые виды посмертных чудес, как мотив нетленных мощей⁷, реакция несодержимых («бесну-ющие кричали на могиле», «нача бес вопити, душным его нарицая») [2, с. 389] и исцеление при помощи сакралий, связанных с тем или иным святым [2, с. 384–387; 5, с. 226–227]. Каждый из этих мотивов ярко отражает народные агиологические представления.

Отразились в Патерике и некоторые элементы сюжетной схемы житий, посвященных основателям монастырей. Среди них – мотив отеческой любви игумена к братии («яко отец чадолюбивый»), в женских житиях – «яко мати чадолюбивая» [10, с. 491]. Так, характерной чертой м. Елены, руководительницы скита, было матерински заботливое отношение к инокиням. «Могла поучить и словом утешить послушниц в случающихся в большой семье неурядицах. Бывали случаи, что просиживала повсенощно с требующими помощи в назидательных наставлениях» (т. 2, л. 27 об. – 28). Ее предсмертные послания выражают сердечную боль о том, духовные чада остаются сиротами (Там же, л. 32 об. – 33). Главы Патерика, посвященные настоятелям, включают мотив предсмертного поучения братии [14, с. 26], который входит в топику игуменских житий [10, с. 499]. Вполне вероятно, что литературный канон запечатлел практику, принятую в жизни в скитах.

Встречаются в Патерике и элементы топики других разновидностей житий. Так, прощаясь с о. Савой, о. Симеон употребляет выражение «аки елень на источники водныя» [4, с. 214], а это – формула апостольского жития (*imitatio apostoli*) [9, с. 77]. В главе о Павле Убиенном, а также в ряде «современных» глав о смиренных иноках, терпящих «оскорбления» и поношения от скитян, четко прослеживается инерция житийного канона юродивых. В агиобиографиях инокинь можно отметить черты топоса житий праведных жен, следование принципу *imitatio Mariae*: отмечается чистота,

молчаливость, мотивы рукоделия, обучения грамоте и любви к Священному Писанию [9, с. 94–97]. Народная легенда запечатлела и представление о монашеском облике как подобии Христа (*imitatio Christi*) [10, с. 72–73]: три автора зафиксировали рассказ о м. Маргарите, которая жила уединенно близ р. Сылвы «и хождаше за реку на горку ежедневно три года, кадить ету горку», а поскольку «не бе моста, ходящи верху воды *аки посуху*» (здесь и далее курсив мой. – О. Ж.) (т. 2, л. 6). Свидетели чуда также указаны.

Использование отдельных элементов жанрового канона, типизация «по агиографическому типу» совмещаются в Патерике с тенденцией к индивидуализации облика персонажа. В Патерике создан целый ряд ярких, самобытных образов подвижников, а некоторые главы по жанру напоминают не столько жития, сколько литературные портреты. Этому способствовала установка на достоверность, в частности, стремление точно передать речь, слово героя агиобиографии. Тщательно фиксируются его высказывания, а если персонаж обладал литературными способностями, – перечисляются его сочинения, приводятся цитаты из них либо целиком в текст глав включаются сами произведения, становясь важным структурным элементом житийного комплекса. Необходимо отметить, что в среде староверов-часовенных образованность в Священном Писании, литературный дар, «дар слова» ценились чрезвычайно высоко и расценивались как один из видов подвижничества. Для стиля Патерика характерны формулы: «благоразсудителен бе в Божественном Писании» (о. Нифонт), «искусен в Писании» (о. Силуян), «искусен в Божественном Писании» (о. Симеон). Письма, содержащие цитаты из Библии и из духовных стихов, поучения, написанные ярким поэтическим языком, содержащие мудрые мысли, открывают, кроме того, целый ряд имен талантливых народных писателей.

Известно, например, что книжница м. Македония [2, с. 338–339], переписавшая множество древнерусских книг (среди «цветников, акафистов и канонов» упоминается и «Великое Зерцало»), сама была одаренной писательницей. Большинство ее сочинений было уничтожено во время разгрома скитов войсками НКВД в 1951 г., но сохранились вошедшие в Патерик несколько глав о старицах, а также фрагменты из посланий и поучений. «Вся жизнь дыхания нашего в книгах» (т. 2, л. 22), – пишет она в одном из писем. «Грамота у матушки Македонии была зело острая, а петь нисколь не могла» (т. 2, л. 14 об.). Среди ее трудов – и краткие патериковые жития, и своеобразные новеллы. Так, на основе рассказа гостыи, приезжавшей из нижегородских мест, м. Македония записала сюжет про инокиню Евгению (т. 2, л. 12 об. – 14). Сюжетообразующую роль в этом рассказе играет мотив самовара, символизировавшего привязанность к мирским удовольствиям. В прежней жизни Евгения «мягко живущи, чай пияше, имея самовар», затем, когда осенило стремление найти монастырь, явленный в видении, она, «взяв самовар», отправилась на поиски этого места. Обретя скит, «вхождаше во врата, имея в руку самовар». Игуменья «прият ю тако вшедшу, и до

⁶ «...изменилось лице ея, чюдно и на удивление всем: стало лице светлое и полное, бело-желтоватое и моложаво и весело, аки на улыбе губки ужала» (т. 2, л. 48 об.).

⁷ Нетленные мощи – важная часть традиции почитания умершего, обладание ими высоко ценится (иногда достаточно добыть ноготь или палец от мощей), а эпизоды, описывающие обнаружение, перенос и попытки похитить святые останки злоумышленниками, составляют существенный элемент сюжетной организации житийных нарративов Патерика.

дву недель стерпе пити оней от своего самовару, не чай обаче, но некую траву благовонну». В итоге, «почувши ю, разбиша самовар и снемше с нея мирския ризы, облекоша ю во иноческия» (Там же, л. 13 об.). Использование художественной детали, обретающей функции образа-символа, встречается и в других главах Патерика. Такова роль мотива зеркала в главе о м. Анатолии, написанной о. Антонием. Испытание утаить от настоятеля этот не нужный инокине предмет закончилось тем, что зеркало было разбито, а эпизод получил основательное нравоучительное завершение большой цитатой из Феодора Студита – автора сурового монастырского устава, которого придерживались в скитах часовенных.

Благодаря проникновению в стиль Патерика просторечных оборотов, реальных бытовых и психологических деталей элементы агиографического канона не превращаются в шаблоны, обретая самобытную форму. Тонкая наблюдательность и литературный дар авторов способствовали тому, что в духовном облике героев агиобиографий высвечиваются наиболее характерные черты, отражающие сугубо индивидуальный путь подвижничества. Так, в рассказе о м. Анатолии подчеркивается ее неустанная забота о «семье», чуткость, умение найти слово утешения. «Если какие выйдут соблазны в семье, ей только скажешь, и она скажет: “Помолимся «Милосердия двери», и Господь поможет”, – и сразу бывало, облегчит. А когда придет уныние, точию к ней пойдешь, посоветует и утешит, и скажет: “Себе внимай, не теряй данное нам время на покаяние”. Или когда к ней придеши с какой-либо обидой, мало поговорит, только скажет: “Внимай себе, *это все пройдет, как ветер продует*”. Могла она на пользу говорить, и утешить во всякой печали, словом была одарена...» (т. 2, л. 62 об. – 63). Матушка Алевтина «телом была сильна, послушанием тщалива, в скорбех великодушна... в рукоделии бе искусна, пелены и чины шила, деревянные кресты вырезала, иконы низала. В молитвах и на пении слезные потоки изливала, и то было удивительно, что когда поет или читает, глас не изменяет, а слезы по ланитом текут» (т. 2, л. 51–51 об.). Главный ее дар – пение: «Никогда не устаю петь, более пою – сильнее голос» (Там же, л. 50).

Приведенный материал (далеко не исчерпывающий содержательного богатства Урало-Сибирского патерика) позволяет судить о своеобразном преломлении в современных старообрядческих житийных нарративах агиографического канона. Мы можем говорить о

частичном воспроизведении народными агиографами литературной топики жанра, причем более на уровне мотивов и этикетных ситуаций, нежели формульного стиля. Патерик свидетельствует о глубоком проникновении в старообрядческую духовную культуру и монастырский быт представлений об идеалах святости, сформировавшихся в результате взаимодействия книжных образцов и народных представлений. Исходя из установки на достоверность, авторы агиобиографий стремились точно запечатлеть «подвижную жизнь» своих героев, «в пользу чтущим и слушающим, а не в похвальбу» (т. 2, л. 78 об.).

ЛИТЕРАТУРА

1. Мороз А.Б. Народная агиография: источники, сюжеты, нарративные модели. Автореф. дис. ... д-ра филол. наук. М., 2010.
2. Покровский Н.Н., Зольникова Н.Д. Староверы-часовенные на востоке России в XVIII–XX вв.: Проблемы творчества и общественного сознания. М., 2002.
3. Покровский Н.Н. Скитские биографии // Новый мир. 1992. № 8.
4. Духовная литература староверов Востока России XVIII–XX вв. / сост. Н.Н. Покровский, В.И. Байдин, Н.С. Гурьянова и др. Новосибирск, 1999.
5. Журавель О.Д. Повествования агиографического типа в поздней старообрядческой традиции (на материале Урало-Сибирского патерика) // Исторические и литературные памятники «высокой» и «низовой» культуры в России XVI–XX вв. Новосибирск, 2003.
6. Юхименко Е.М. Выговская старообрядческая пустынь. Духовная жизнь и литература. М., 2002. Т. 1.
7. Ольшеская Л.А. «Прелесть простоты и вымысла...» // Древнерусские патерики. Киево-Печерский патерик. Волоколамский патерик. М., 1999.
8. Коняевская Е. Проблема общих мест в древнеславянских литературах (на материале агиографии) // Ruthenica. Київ, 2004. Т. 3. С. 80–92.
9. Руди Т.Р. Топика русских житий (вопросы типологии) // Русская агиография. Исследования. Публикации. Полемика. СПб., 2005.
10. Руди Т.Р. О композиции и топике житий преподобных // Труды Отдела древнерусской литературы. СПб., 2006. Т. 57.
11. Духовная литература староверов Востока России XVIII–XX вв. / сост. Н.Н. Покровский, А.И. Мальцев, А.Т. Шашков и др. Новосибирск, 2005.
12. Истоки русской беллетристики. Возникновение жанров сюжетного повествования в древнерусской литературе. Л., 1970.
13. Берман Б.И. Читатель жития (агиографический канон русского средневековья и традиции его восприятия) // Художественный язык средневековья. М., 1982.
14. Журавель О.Д. К изучению старообрядческой агиографии: ситуация преставления // Гуманитарные науки в Сибири. 2009. № 3.

УДК [930.1+655+002.2](091)(438+470)''18''

И.С. ТРОЯК

ПОЛЬСКАЯ ИСТОРИЧЕСКАЯ РОССИКА ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЫ XIX в.

Государственная публичная научно-техническая
библиотека СО РАН
г. Новосибирск
e-mail: knigoved@spsl.nsc.ru

В статье рассматриваются проблемы выпуска на польском языке в первой половине XIX в. исторических произведений о России. Представлены некоторые факты из истории выхода в свет отдельных оригинальных польских сочинений и переводов трудов российских историков на польский язык. Показано непосредственное влияние потери независимости Польши на последующее разделение польской исторической россики по территориальному признаку.

Ключевые слова: Польша, россика, историческая книга, книгоиздание, XIX в.

При изучении прошлого России немалое значение имеет исследование образов восприятия нашего государства и его истории другими народами. Одним из источников, позволяющих проследить происхождение и эволюцию этих представлений, являются сочинения, посвященные России и выпущенные за ее пределами. Традиционно иноязычные документы о России и народах, ее населяющих, а также оригинальные произведения и переводы российских авторов и выходцев из России, опубликованные за рубежом, принято именовать *россикой* [1, с. 24–25].

Различные аспекты представлений одного народа о другом рассматриваются весьма широким кругом специалистов – историками, культурологами, этнографами, социологами и др. В качестве источника по отечественной истории произведения россики используются достаточно давно. Начало библиографическому изучению этих материалов положил в первой половине XIX в. историк, философ и библиограф, член-корреспондент Петербургской Академии наук Ф.П. Аделунг. В капитальном пособии «Критико-литературное обозрение путешественников по России до 1700 г. и их сочинений»¹ им осуществлена одна из первых попыток создания свода этнографических, географических и других сведений о территории России по материалам иностранных путешественников. Автор включил в книгу данные более чем о ста путешествиях, в том числе о некоторых совершенно неизвестных до того времени. После издания труда В. О. Ключевского «Сказания о Московском государстве» (1866) и последующей публикации русских переводов сочинений иностранцев, посещавших Россию, документы европейской россики XV–XVII вв. прочно вошли в научный оборот отечественной историографии.

Однако аналогичные произведения XVIII–XIX вв. в значительно меньшей степени были предметом исследования российских историков как в XIX, так и в

XX в. С одной стороны, это объясняется увеличением числа отечественных источников, относящихся к указанному периоду и их первостепенным значением для русской историографии. С другой стороны, использование свидетельств иностранцев о России сдерживалось причинами политического и идеологического характера. Многие иноязычные публикации содержали негативные оценки политического режима в России, акцентировали внимание на отрицательных качествах русского народа. Трактовка подобных произведений как «вредных» и «тенденциозных» во многом сохранилась и в советское время, отмеченное резко отрицательным отношением к зарубежной немарксистской историографии. В результате целый пласт источников о России XIX – начала XX в. оказался вне поля зрения отечественных исследователей.

Несмотря на определенные успехи в изучении россики, устойчивый интерес ученых к ее национальным и тематическим сегментам появился сравнительно недавно. Одним из таких феноменов, к которому устремилось исследовательское внимание, явился «внешний» образ истории России, представленный в сочинениях зарубежных авторов.

Важнейшим вектором развития экономических, политических и культурных контактов России с иными государствами и народами было ее взаимодействие со странами европейского цивилизационного ареала, среди которых особая роль принадлежала непосредственному западному соседу – Польше. Начиная с XV в. во многом именно через посредничество польских интеллектуалов формировались представления европейцев о русской истории [2; 3].

На протяжении всего существования польской россики она находилась под неослабевающим влиянием политических факторов, прежде всего характера взаимоотношений двух стран. Среди всего многообразия литературы, относящейся к польской россике, особое место занимают польскоязычные публикации XIX в. Только что закончившаяся война с Наполеоном, в которой Россия одержала победу, способствовала

¹ Впервые опубликовано на немецком языке в 1846 г., на русском – в 1864 г.

росту авторитета Российской империи на мировой политической арене и послужила катализатором роста интереса к ней в Европе. Это в свою очередь привело к увеличению числа иноязычных публикаций, посвященных России и ее истории. Отмечается данная тенденция и в Польше, однако здесь причины заинтересованности Россией были несколько иные. Содержание польской исторической россики данного периода определялось резким ухудшением польско-российских отношений, обусловленным исчезновением с карты Европы независимого польского государства и последующим включением некоторых его областей в состав Российской империи.

Потеря независимости в результате трех разделов (1772, 1793 и 1795 гг.) привела к тому, что важнейшие польские интеллектуальные и издательские центры – Варшава, Вильно, Познань, Краков и Львов – оказались в разных государствах. Разделение польской россики по географическому (страновому) принципу, произошедшее в XIX в., привело к тому, что книги о России, издававшиеся на подконтрольной Российской империи польской территории, подвергались цензуре и потому были ориентированы на приемлемые для властей содержание и темы. Одновременно получили распространение издания, опубликованные на польских землях, входивших в состав Австрии и Пруссии, а также в зарубежных странах (Англия, Франция). Эта часть польской россики в большинстве своем имела конфронтационную направленность и носила антироссийский характер [4, с. 90]. Однако в полной мере данная тенденция проявилась только во второй половине XIX в.

Первая половина XIX в. – период, когда на польских землях, отошедших к Австрии и Пруссии, начались процессы общественно-политической, а также этнической и культурной трансформации. Политические условия определяли те рамки, в которых могло развиваться книгоиздание на польском языке. Издания, имевшие отношение к России, появлялись в Кракове, Львове и Познани нечасто и до конца первой четверти XIX в. по большей части не носили явной антироссийской направленности. Это можно объяснить тем, что, во-первых, в сложившихся обстоятельствах основные усилия издателей были направлены на поддержание польской культуры и выпуск прежде всего произведений художественной литературы и книг о Польше; во-вторых, на аннексированных Российской империей территориях в период правления Александра I господствовал относительный либерализм, и поляки еще не ощутили в полной мере негативных влияний российского самодержавия.

Среди опубликованных в начале XIX в. в Кракове изданий, посвященных России, можно назвать «Историю далеких народов, находящихся под властью России» (1809) [5]. Книга носит компилятивный характер и содержит описание, сделанные разными авторами во время своих путешествий по России. Помимо иностранных записок в ней опубликован отчет выдающегося русского полярного исследователя, гидрографа, генерала (произведен в чин адмирала в 1829 г.) Г.А. Сарычева о его восьмилетней экспедиции в Северо-Восточную Сибирь. «Путешествие флота

капитана Сарычева по северо-восточной части Сибири, Ледовитому морю и Восточному океану с 1785 по 1793 г.»² включает не только географические, но и метеорологические, гидрографические, астрономические, этнологические, биологические наблюдения и зарисовки местности. О популярности этого издания свидетельствует тот факт, что его тираж дореиздавался дважды – в 1810 и 1811 гг.

На территориях, включенных в состав Российской империи, находились два крупных польских научных и культурных центра – Вильно и Варшава, перешедшая после поражения Наполеона к России в рамках Царства Польского. Открытый здесь в 1816 г. университет действовал с перерывами в течение всего периода разделов. Эти города в первой половине XIX в. были наиболее крупными центрами книгопечатания и распространения польских книг.

Несмотря на то, что на присоединенных к Российской империи землях существовали цензурные ограничения³, сочувственное отношение к полякам Александра I и старания А. Чарторыского по развитию просвещения создавали в первой четверти XIX в. вполне благоприятные условия для публикации книг на польском языке. Однако выпуск исторических сочинений, являясь делом государственной важности, находился под более строгим контролем и носил значительный след имперской пропаганды. Цензурные ограничения и ориентация на угодные для официальных властей оценки сказывались и в подборе издательского репертуара. Разумеется, среди оригинальных произведений польских авторов в первую очередь печатались верноподданнические сочинения, которые не содержали критических оценок ни современности, ни исторического прошлого России. К таковым можно отнести, например, «Взгляд на Россию с точки зрения исторической, статистической, моральной, научной...» (Варшава, 1817) польского писателя и философа Юзефа-Владислава Быховца [6], а также исследование Игнатия-Бенедикта Раковецкого, посвященное «Русской Правде» (Варшава, 1820) [7].

В 1820-е гг. началась публикация на польском языке объемных трудов по русской истории, созданных российскими учеными. В числе первых изданий подобного рода был «Опыт повествования о древностях русских»⁴ Г.П. Успенского – профессора истории, статистики и географии Российского государства в Харьковском университете; этот труд был выпущен на польском языке в Вильне в 1822 г. [8].

В некоторых случаях издание сочинения было обусловлено не только интересом к самому произведению, но и соображениями распространения имперской

² См. полное название: «Путешествие флота капитана Сарычева по северо-восточной части Сибири, Ледовитому морю и Восточному океану в продолжение восьми лет при географической и астрономической экспедиции, бывшей под началом флота капитана Биллингса с 1785 по 1793 г.». Книга эта была издана в Санкт-Петербурге в 1802 г., а вскоре переведена и выпущена в Германии, Франции и Голландии.

³ Предварительная цензура была введена в Польше в 1819 г.

⁴ На русском языке работа была опубликована в Харькове в 1811–1812 гг.

точки зрения на российскую историю. Так было, в частности, с фундаментальным трудом Н.М. Карамзина «История государства Российского». Почти одновременно с выходом в России первого издания стали появляться переводы «Истории...» на европейские языки. На польском языке выпуск был начат в 1824 г., последний том вышел в 1830 г. [9]. Переводил сочинение Карамзина и осуществлял его издание в Варшаве дежурный генерал Г. Бучинский. В 1826 г. он даже обратился к великому князю Константину (командующему Литовским отдельным корпусом) за содействием в увеличении числа подписчиков путем рассылки подписных билетов в губерниях, находившихся под его надзором. Прошение было рассмотрено начальником штаба Литовского отдельного корпуса, который выразил согласие на увеличение числа подписчиков, а также обратился к гродненскому генерал-губернатору М.Т. Бабятинскому с просьбой распространить девять подписных билетов на полное сочинение. В результате усилий генерал-губернатора обладателями польского перевода труда Карамзина стали некоторые известные гродненские землевладельцы. Причем, как отмечает В.Н. Черепица, не только из желания «потрафить начальству», но и из преклонения перед именем великого писателя и историка [10, с. 77].

Развернувшаяся вокруг «Истории...» Н.М. Карамзина полемика нашла впоследствии свое отражение в трудах многих польских историков. Среди них непременно следует упомянуть Иоахима Лелевеля. Критическую рецензию на работу Карамзина заказал ему Ф.В. Булгарин, который сам перевел ее на русский язык и в течение трех лет (с 1822 по 1824 г.) печатал на страницах своего журнала «Северный архив». Лелевель высоко оценил этот труд, но одновременно подверг его аргументированной и последовательной критике по многим вопросам. Рецензия вызвала широкий общественный резонанс, и во многом именно благодаря данной публикации среди русских историков появился интерес к другим работам выдающегося польского историка. Сам И. Лелевель во введении к своей рецензии отмечал связь польской истории с русской и указывал, что российская история представляет интерес не для одной только России, но и для всей Европы, а в особенности для Польши [11, с. 104]. Необходимо добавить, что практика издания периодики в то время была такова, что материалы проходили сначала редакторскую правку, которая далеко не всегда согласовывалась с авторами, а потом еще и цензуру. Не избежала этого при подготовке к изданию и рукопись Лелевеля. В частности, редактор-издатель «Северного архива» исключил его высказывания о вреде религиозной нетерпимости историка, об отрицательном отношении античных писателей к деспотизму и др. Помимо этого Булгарин добавил в рецензию некоторые свои мысли, например фразу о том, что историческая истина может искажаться от ослепления «политическими мнениями» [12, с. 40–41; 13].

Ноябрьское восстание 1831 г. положило конец богатой политической и культурной жизни Царства Польского. В 1832 г. Николай I подписал Манифест «О новом порядке управления и образования Царства Польского», который упразднил Польскую конститу-

цию 1815 г., лишил Царство Польское собственной армии и сейма, что фактически означало превращение польских территорий в российскую провинцию. Закрытие в 1831 г. Варшавского, а в 1932 г. Виленского университетов негативно сказалось на развитии польской науки и культуры. Последовала русификация образования – в средних школах было введено преподавание на русском языке. На Запад выехали ведущие представители польской интеллигенции. В стране начали доминировать консервативные настроения, поддержку получали представители интеллигенции, которые были лояльны по отношению к императору.

Выпуск книг и периодики на польском языке стал подвергаться более жесткой цензуре. Среди изданий, которые можно отнести к польской исторической россике, следует отметить опубликованный в 1832–1835 гг. в Варшаве капитальный труд Вацлава-Александра Мацеевского⁵ «История славянских законодательств» [14]. Близкий по взглядам к славянофилам Мацеевский являлся приверженцем весьма непопулярной в то время в польском обществе идеи единства славянского мира. В своей работе он ставил задачу выяснить юридическую общность славян. В 1839 г. из печати вышел двухтомный «Дневник истории письменности и права славян» [15], где Мацеевский развивал далее свои взгляды. Интересна история выпуска данного произведения. В записке генерал-фельдмаршала И.Ф. Паскевича, тогдашнего наместника Царства Польского, министру народного просвещения С.С. Уварову говорится, что издание труда Мацеевского может быть весьма полезным. Однако необходимо было избежать огласки усилий правительства по выпуску этой книги, чтобы не было поводов заподозрить, что она создана под его влиянием. В связи с этим Паскевич просил подвергнуть сочинение Мацеевского цензуре не в Варшаве, где в случае ее противодействия пришлось бы обнаружить участие властей в публикации, а в Санкт-Петербурге, что и было сделано [16, с. 63–64].

После разгрома восстания 1831 г. активизировалось книгоиздание в прусской части польских земель. Тогда здесь еще существовали возможности культурной деятельности для поляков, поскольку политика германизации еще не успела проявиться в полной мере. В первой половине XIX в. в польской исторической россике «прусского» издания наметился круг тем, освещение которых по цензурным и политическим соображениям было невозможно в книгах, выходивших на российской территории. Так, в 1843 г. в Познани вышла в свет книга Станислава Шантыра «Известия об истории католической церкви и религии в странах, находящихся под российским господством» [17]. Появились работы, в которых трактовка российской истории не совпадала с имперской историографией. Таков, например, труд того же И. Лелевеля «История Литвы и Руси до унии 1569 г.» (Познань, 1844)⁶ [18].

Без учета исторических, политических и культурных условий эпохи невозможно говорить о характере

⁵ В отечественной историографии принято именно такое написание его фамилии. Однако с точки зрения польской фонетики правильнее было бы писать Мачеёвский.

⁶ Первое издание состоялось в 1839 г. в Париже.

восприятия российской истории польским обществом. В нашем случае разгром ноябрьского восстания и последовавшие за этим жесткие политические меры провоцировали антироссийские настроения в польском обществе, что, естественно, находило свое отражение в публикациях, посвященных России. Территориальная разобщенность польской россики также сказывалась на содержании польскоязычных публикаций об истории России.

ЛИТЕРАТУРА

1. Леликова Н.К. Эволюция теоретических представлений о россики // «Беспримерное отделение “Россики”»: материалы науч. конф. (14 янв. 2000 г., Санкт-Петербург). СПб., 2000. С. 24–25.
2. Карнаухова Д.В. История русских земель в польской хронографии конца XV – начала XVII в. Новосибирск, 2009. 238 с.
3. Карнаухова Д.В. Концепции истории средневековой Руси в польской хронографии эпохи Возрождения. Новосибирск, 2010. 291 с.
4. Карнаухова Д.В., Трояк И.С. Польская россики XVI–XIX вв. как феномен книжной культуры // Восьмые Макушинские чтения: материалы науч. конф. (13–15 мая 2009 г., г. Красноярск). Новосибирск, 2009. С. 88–91.
5. Historia odległych pod panowaniem rosyjskiem będących narodów. Mianowicie Turyki czyli Krymu, Kałmuków, Kozaków i innych na północ Morza Czarnego, tudzież w północno-wschodnich Syberyi Krajach zamieszkałych. Z wielu najświeższych Autorów, którzy kilkoletnie podróże kosztem Rządu odbyli. Krótko zebrana i obrazkami przyozdobiona. Kraków, 1809. T. 1–2.
6. Bychowiec Józef Władysław. Rzut oka na Rosyję pod względami historycznym, statystycznym, moralnym, naukowym i gustu. Warszawa, 1817.
7. Rakowiecki Ignacy Benedykt. Prawda Ruska czyli prawa Wielkiego Xięcia Jarosława Władymirowicza tudzież traktaty Olga y Igora WW. XX. Kiiowskich z cesarzami greckimi y Mściława Dawidowicza X. Smoleńskiego z Rygą zawarte, których texta, obok z polskiem tłumaczeniem poprzedza rys historyczny zwyczajów, obyczajów, religii, praw y języka dawnych słowiańskich y słowiańsko-ruskich narodów. Warszawa, 1820–1822. T. 1–2.
8. Uspemskij G.P. Krótkie opisanie starożytności rossyjskich, czyli Obraz życia, zwyczajów, rządu, edukacyi, praw, religii i stanu wojennego dawnych Rossyjan. Wilno, 1822. T. 1–2.
9. Karamzin N.M. Historia Państwa Rossyjskiego... Przełożona na język Polski przez Grzegorza Buczyńskiego. Warszawa, 1824–1830. T. 1–13.
10. Чепеница В.Н. Николай Михайлович Карамзин (1766–1826) и Гродненщина // Працы гістарычнага факультэта БДУ: навук. зб. Минск, 2007. Вып. 2. С. 77.
11. Акимов Н.Н. «Северный архив» и его издатель // Русская литература. 2001. № 3. С. 104.
12. Козлов В.П. «История государства Российского» Н.М. Карамзина в оценках современников. М., 1989. 224 с.
13. Сосновский Т.А. Иоахим Лелевель как критик «Истории государства Российского», сочинения Карамзина: Переписка с Ф.В. Булгариным 1822–1830 гг. // Русская старина. 1878. № 8. С. 633–656.
14. Maciejowski Wacław Aleksander. Historia prawodawstw słowiańskich. Warszawa; Lipsk. 1832–1835. T. 1–4.
15. Maciejowski Wacław Aleksander. Pamiętniki o dziejach, piśmiennictwie i prawodawstwie Słowian. Tomów II. Petersburg i Lipsk; Warszawa, 1839.
16. Науменко В. Дело о сочинении Мацеевского «Пamiętniki o dziejach, piśmiennictwie i prawodawstwie Słowian» // Киевская старина. 1896. № 2. С. 63–65.
17. Szantyr (X.) Wiadomości do dziejów Kościoła i religii katolickiej w krajach panowaniu rosyjskiemu podległych. Poznań, 1843. Cz. 1–2.
18. Lelewel J. Dzieje Litwy i Rusi aż do Unii z Polską w Lublinie 1569 zawartej. Wydanie drugie przejrzane i poprawione. Poznań, 1844.

УДК 947(571:438)

Т.Г. НЕДЗЕЛЮК

**КОНФЕССИОНАЛЬНАЯ КОНСТАНТА В СИСТЕМЕ
ЖИЗНЕСОХРАНИТЕЛЬНОГО ПОВЕДЕНИЯ ПОЛЯКОВ В СИБИРИ:
ВЗГЛЯД С ПОЗИЦИИ ПОЛЬСКИХ МЕМУАРИСТОВ**

Сибирская академия государственной службы,
г. Новосибирск
e-mail: tatned@mail.ru

В статье предпринят анализ мемуарного наследия поляков, побывавших в Сибири. Охарактеризованы основные направления в его изучении польскими научными школами: Варшавской и Вроцлавской. Сделан вывод о современном состоянии проблемы.

Ключевые слова: дневниковые записи, «сибирская тема», «польские сибиряки», мемориальное наследие.

Мемуаристика в Польше является одним из самых приоритетных для изучения направлений (как фиксация личностного восприятия, как метод научного познания, наконец, как особый род литературы, получившей название «сибирийской»). В настоящей статье мы не ставим перед собой задачи максималь-

ного охвата всего мемуарного наследия «польских сибиряков», как называли и называют сегодня в Польше всех тех, чья судьба в какой-то момент была связана с Сибирью. Отбор произведений осуществлялся с целью выявления конфессионального компонента в системе жизнесохранительного поведения во время

пребывания их в Сибири. Личные впечатления автора, стремление передать читателю собственные оценки, наблюдения и размышления – таковы критерии отнесения письменных источников к категории мемуаров [1, с. 25]. До недавнего времени этот массив исторических произведений был представлен только на языке оригинала. Визуальное знакомство с ними стало возможным благодаря серии научных симпозиумов, организованных Центром восточных исследований Вроцлавского университета. Перевод ряда сочинений на русский язык и их публикация были осуществлены Б.С. Шостаковичем [2]. Систематизация письменного наследия представлена также в польско-русском научном сборнике «Сибирь в истории и культуре польского народа» [3], издание которого было предпринято Конгрессом поляков в России.

В Польше существуют два мощных исследовательских центра – в Варшаве (на базе Исторической комиссии Польской академии наук) и Вроцлаве (Центр Восточных исследований Вроцлавского университета), аккумулирующих, классифицирующих, издающих литературу мемориального жанра. Варшавский коллектив авторов под руководством проф. В. Сливовской представил в 1992 г. антологию, являющую собой собрание дневниковых записей и корреспонденции в трех частях: «Заговорщики и повстанцы (XVIII в. – 1860 г.); Январское восстание; Поколение непокорных. Семидесятые годы XIX в. – 1914 г.» [4, 580 с.; 5, с. 287–288]. Достоинствами вышеуказанного труда являются его комплексность, фундаментальность, обращение к библиографии публикаций «сибирской темы»; опубликованы фрагменты дневниковых записей, ставших раритетами не только для иностранного, но и для собственно польского исследователя. Вроцлавская школа также представила антологию «Сибирь. Четыреста лет польской диаспоры» под научной редакцией проф. А. Кучинского [6, 435 с.]. Ценность этой работы – в трогательно-уважительном, бережном отношении к историческому источнику, каким является дневниковая запись или письмо, отправленное семье из далекой Сибири.

Первое подробное описание племен, населявших Сибирь, составил о. Фаустин Цицерский, приор (настоятель) Виленского монастыря доминиканцев, прибывший к ссылке в Даурию (Забайкалье) в 1797 г. В окрестностях Нерчинска Цицерский прожил четыре года, в течение которых создал местный минералогический музей, часть экспонатов затем перевез в Вильно и передал в дар Виленскому университету. Наибольшую ценность, однако, представляет «Дневник ксендза Цицерского, приора монастыря Ордена св. Доминика в Вильно, в котором содержатся воспоминания о пережитом им и его товарищами в Сибири в 1797–1801 гг.» [7, с. 133–143]. Повествование о повседневном бытии в Даурии одной из своих целей преследует стремление приобщиться к когорте исследователей Сибири, что на рубеже XVIII–XIX вв. было чрезвычайно модно и остроактуально в связи с малоизученностью этих территорий.

Польский историк Ян Зюлек исследовал и обобщил большое количество мемуарного материала из собрания архива ордена доминиканцев в Кракове,

библиотеки Люблинского католического университета; однако сделанные им выводы довольно категоричны. «Тяжелые условия и отнимавшая все силы работа не стали препятствием, напротив, в каторжных тюрьмах верующие еще больше стремились к религиозному общению. Изгнанники искали утешения в службе и совместной молитве, в чем им помогали священники – их же товарищи по несчастью» [8, с. 139]. Из дневниковых записей И. Менжинского, к которым обращался Я. Зюлек, мы можем узнать, что на Александровских рудниках «святая месса отправлялась каждое воскресенье и в каждый праздник, мессы были тихие и с песнопениями» [9, с. 89]. С горечью замечает другой ссыльный, Юзеф Калиновский, в своем письме из Томска к семье: «Одно из моих глубочайших переживаний связано с безразличием моих товарищей в вопросах веры» [8, с. 139].

Поскольку одним из основных мотивов ссылки в Сибирь в понимании участников восстаний было «преследование за дело веры», то часто конфессиональная принадлежность широко не афишировалась. «В Александровской тюрьме, по инициативе отца Мокшицкого, доминиканца из Вильно, в одной из больших камер, где содержались заключенные, в окне были сделаны едва заметные дверцы, за которыми помещался алтарь» [8, с. 139].

В 1818 г. «Полоцкий ежемесячный журнал» опубликовал реляции (письменные отчеты) священнослужителей Тадеуша Машевского¹ и Марцелия Каминского² об увиденном в Сибири. В Иркутске иезуиты находились с 1811 по 1819 г. (в 1811 г. их направили по правительственному поручению «для оказания пастырской помощи тамошним католикам», а в 1820 г. последовала ликвидация иезуитского ордена). Марцелий Каминский сообщал:

28-го декабря прошедшего года [1815. – Т. Н.] вместе с Козакевичем, товарищем моим, и одним солдатом, который был придан мне для безопасности, мы выехали из Томска и, проехав 400 верст, на рассвете 31-го дня того же месяца прибыли в Барнаул. ... Основательно построенные дома, улицы довольно удобные и ровные, есть одна каменная церковь в новом вкусе и несколько деревянных. Все купеческие лавки и казенные заведения довольно большие и заметные. Домов здесь, кроме казенных, будет до тысячи, и они тянутся вдоль Барнаулки. Климат здесь довольно мягкий, здесь хорошо растут не только овощи, но даже лекарственные травы и редкие заграничные растения, которые можно видеть в ботаническом саду при казенной аптеке.

О потенциальной пастве говорилось: «По эту сторону гор живут обычные раскольники, известные под именем поляков. Деды некоторых из них были католиками, а их внуки, общаясь с раскольниками, следуют за их ошибками; живут все богато, во многих местностях есть пасеки. Климат гораздо мягче, чем в Томске» [10, с. 82–83].

Тадеуш Машевский проехал дальше на восток, официальный характер своей миссии он подчеркивал в повествовании: «16 июня прибыл я в Удинск... Его

¹ Miesięcznic Połocki. 1818. T. 2, № 8. S. 298–306.

² Ibid. T. 1, № 1. S. 63–69.

превосходительство вице-губернатор этого города, принявший меня со всей вежливостью, уведомил нас, что по дороге в Кяхту и в самой Кяхте проживает много католиков». О главной цели своего путешествия Машевский высказал следующим образом:

Дня 18-го июля я выехал из Читы и, проехав 94 версты, узнал, что все новые поселения, где можно было найти католиков, кроме трех иных, находившихся по пути в Нерчинск, остались в стороне. Поэтому я решил, что нам надо ехать в Нерчинск, а оттуда прямо к китайской границе, к Чиндантской и Акшинской крепостям, где и следует искать заблудших овец. 19-го того же месяца прибыли мы в одно из трех упомянутых поселений под названием Баиандара. Откровенно говоря, милостивый государь, ни разу в жизни не пришлось мне пережить такого сожаления и веселья. Сожаление мое было вызвано голодом, наготой, нищетой и бедностью здешних жителей; радость же, именно радость, вызванная моим приездом, чтобы описать которую, достаточно сказать, что много времени нужно для радостных слез и рыданий, на вознесение благодарности Богу и Монарху за их милости, которых они никогда не ожидали... Столь же успешной была поездка в два других поселения – Уненкерку и Чиронское, где я нашел 33 католика. Исполнив здесь свои обязанности и утешив, насколько это было возможно, этих находившихся в плачевном состоянии людей, 24-го числа я отправился в Нерчинск [10, с. 81–82].

После официальной ликвидации ордена иезуитов в 1820 г. в Якутск были направлены бернардинцы; их миссия завершилась в 1856 г. Об отсутствии большого желания ехать в Сибирь свидетельствуют письма священников Ремигия Апанашевича, Анастасия Игнатовича, Модеста Ромашкевича, хранящиеся в рукописном собрании Национальной библиотеки Украины (в Киеве). Игнатович пишет:

Объезжал колонии, или поселения, тамошние заводы, где принимали меня со всей любезностью не только свои, католики, но и русские начальники, которые из России приходят и знают наш орден – ведь в Сибири больше начальства из самой России, чем местного, из сибиряков. ...Католиков у нас в Иркутской губернии более тысячи [10, с. 78–79].

В следующем письме, адресованном из Иркутска доктору теологии Бенедиктинского ордена от 10 декабря 1821 г., Игнатович оправдывается:

Его преосвященство отец провинциал выговаривает мне за то, что я не все рудники объехал. Но объезжать их все нет никакой нужды, и денег прогонных на это не отпускается, поскольку туда только доезжаем, где есть наши католики [10, с. 78].

В последние четыре десятилетия XIX в. сформировалась ситуация, когда не требовалось воли правительства, чтобы направить католических священников в Сибирь для выполнения профессиональных обязанностей: достаточное, даже избыточное их количество оказалось в сибирской ссылке и на поселении в качестве участников восстаний за независимость Речи Посполитой. После Первой русской революции и последовавшей за ней амнистии правительству снова пришлось задуматься о духовном призрении граждан, в том числе и «польских сибиряков». 2 февраля 1908 г. министр внутренних дел П.А. Столыпин выдал разре-

шение польским представителям конгрегации редемптористов на проведение миссий в Сибири. Мнение Столыпина было определено утилитарной целью – поддержание устоев христианской нравственности. Назначение получили три священника: о. Владислав Богосевич из Варшавы, о. Мартин Нуцковский из Подгужа и о. Юзеф Палевский из Мостиск; их отчеты отложились в архиве ордена редемптористов, а впоследствии были размещены на сайте конгрегации³.

Что отметили редемптористы в своих отчетах по окончании командировки?

1. Официальную легитимацию их деятельности. Из Варшавы выехали 27 мая 1908 г., прибыли в Министерство иностранных дел в Санкт-Петербурге, где получили личное разрешение на проведение «миссий».

2. Разную степень активности прихожан, в зависимости от времени проживания в Сибири и мотивов переселения. «Старые ссыльные тянулись к костелу, чего нельзя было сказать о сосланных после 1905 г. Только немногие из них приходили на миссии. ...Католики-белорусы и латыши с удовольствием приходили на миссии, но исповедовались по-русски».

3. Благоклонное отношение местных властей. «По сравнению с преследованиями в Польше и Литве подобная практика выглядела странно». Чем объясняли для себя такое отношение? «Правительство не боялось католицизма в Сибири, поскольку связанный с ним польский элемент терялся здесь в море православия». Вспоминают о том, что в Тобольске они встретились с губернатором, который «встретил вежливо и обещал помочь в случае необходимости». Состоялась аудиенция с губернатором и в Томске.

4. Результат. «Многие только во время миссий признались в том, что они католики», восприняли приезд редемптористов в Сибирь как знак внимания к единоверцам, «пришли к выводу, что теперь им будет легче жить, так как они увидели, что вдали от Родины Бог есть и заботится о них»⁴.

О мемориальном наследии польских ссыльных, побывавших в Сибири, В. Сливовска отзываясь следующим образом: «Раритетом можно считать опубликованную переписку ссыльных, среди них – чрезвычайно интересное письмо из Иркутска, написанное ксендзом Кшиштофом Швермецем, которое было опубликовано Софией Трояновичевой (Tygodnik Powszechny. 1989. № 1. S. 4), ...дневник омского священника Яна Сороцинского» (Spoleczenstwo polskie i proby wznowienia walki zbrojnej w 1833 roku. Wrocław, 1984. S. 551–561)» [4, с. 282–283]. С мнениями Швермецкого и Сороцинского нам познакомиться, к сожалению, не удалось: возможности исследователя из Сибири, увы, ограничены. Тем ценнее оказалось для нас знакомство с краковским изданием (на польском языке) письменного наследия священнослужителей, которые в той или иной мере были причастны к реалиям сибирских приходских будней. Опубликовано подробное письмо томского настоятеля Иосифа Демикиса, датированное

³ Ноцунь Э. Миссии редемптористов в Сибири в 1908 году / пер. с польск. яз. Г. Гайса. URL: http://cssr.redemptor.ru/misje_main.htm (дата обращения: 24.08.2008).

⁴ Ноцунь Э. Миссии редемптористов в Сибири...

1911 г. [11, с. 241–253], а также путевые записки епископа Иоанна Цепляка, побывавшего в Сибири в 1909 г. с «душепастырской визитацией» в качестве исполняющего обязанности руководителя Могилевской архиепархии [12, с. 99–122]. И томский настоятель Демикис, и епископ Цепляк оказались едины во мнении, что физическое выживание в Сибири могло бы быть более тяжелым, если бы ссыльные не встретили поддержки со стороны «духовных властей». Крестьяне-повстанцы, со своей стороны, вторят священнослужителям в своих воспоминаниях, опубликованных в краковском сборнике в 1983 г. [13].

Рубеж XX–XXI вв. оказался плодотворным для осмысления поляками мемуарного наследия, его широкой публикации и популяризации. В 1993 г. в варшавском Музее независимости («Muzeum Niepodległości») была основана «Kolekcja Sybiracka» («Сибирская коллекция»). Там же, в Варшаве, «Союз сибиряков» стал издавать на пожертвования читателей ежеквартальный журнал «Żesłaniec. Pismo rady naukowej zarządu głównego związku sybiraków». На его страницах мемуаристика нашла отражение в нескольких формах.

1. Публикация воспоминаний собственно участников событий (по материалам архивных коллекций, из собраний библиотеки Оссолинских во Вроцлаве) [14, с. 57–78; 15, с. 17–44].

2. Публикации исследовательского плана. Повествование ведется автором о членах своей семьи, о «кровных», т. е. близких родственниках. Автор – профессиональный историк либо энтузиаст-краевед, применяющий методы исторического описания. В таких статьях имеется научный аппарат, демонстрируется знание контекста происходивших событий, автор ссылается на аналогичные исследования других историков. К такого рода «мемориям» относится рассуждение Марии Радомской о Францишке Дионизии Радомском и его потомках [16, с. 57–66].

Тема мемориального наследия «польских сибиряков» на данном этапе развития исторической науки в Польше разрабатывается достаточно активно; однако явной лакуной остается практически полное отсутствие мемуаров «сибирских поляков». Первые шаги в данном направлении предпринимает редакция журнала «Новая Польша», выходящего в Варшаве на двух языках – польском и русском. Польская академия наук выступила инициатором проведения в октябре 2009 г. в Москве научной конференции, посвященной осмыслению разносторонних аспектов мемориальной памяти польского и русского народов [17]. «Проблема мемориализации как концепция культурного ядра» [18, с. 46–48], «Влияние автобиографического нарратива и идентичности на польско-российские отношения» [19, с. 8–9] – таковы сегодня актуальные темы в мемуаристике. Показателен встречный интерес в изучении и осмыслении актуальных проблем; в частности, «зеркальным отражением» темы нашего исследования стала публикация «Православие в Польше: проблема сохранения групповой идентичности в условиях католической среды» [20, с. 105–106].

ЛИТЕРАТУРА

1. Матханова Н.П. Сибирская мемуаристика XIX века. Новосибирск, 2010. 551 с.
2. Воспоминания из Сибири: Мемуары, очерки, дневниковые записи польских политических ссыльных в Восточную Сибирь первой половины XIX столетия / публ., сост., перевод, вступл. и предисл., ком. Б.С. Шостаковича. Иркутск, 2009. 724 с.
3. Сибирь в истории и культуре польского народа / ред., вступл. и предисл. А. Кучиньского, Б. Шостаковича. М., 2002. 578 с.
4. Brus A., Kaczynska E., Śliwowska W. Żesłanie i katorga na Syberii. Warszawa, 1992. 580 s.
5. Сливовская В. Старые и новые исследования судеб польских ссыльных в Сибири: их место в истории и культуре // Сибирь в истории и культуре польского народа. М., 2002. С. 278–290.
6. Kuczynski A. Syberia: Cztery lata polskiej diaspory: Antologia historyczno-kulturowa. Wrocław, 1993. 435 s.
7. Ciecierski F. Pierwsze zbliżenia // Syberia: Cztery lata polskiej diaspory: Antologia historyczno-kulturowa. Wrocław, 1993. S. 133–143.
8. Зюлек Я. Римско-католические священники, сосланные в Сибирь после Январского восстания // Сибирь в истории и культуре польского народа. М., 2002. С. 135–145.
9. Mężynski I. Wspomnienia z powstania styczniowego i syberyjskiej katorgi 1863–1869. Tarnopol, 1910. S. 89. – Цит. по: Зюлек Я. Римско-католические священники, сосланные в Сибирь после Январского восстания // Сибирь в истории и культуре польского народа. М., 2002. С. 139.
10. Цит. по: Вернерова В. Сообщения польских миссионеров о Сибири (начало XIX века) // Сибирь в истории и культуре польского народа. М., 2002. С. 75–83.
11. Demikis J. Raport księdza Józefa Demikisa z Tomska – 1911 // Kościół w Rosji i na Białorusi w relacjach duszpasterzy (1892–1926) / Wybrzy tekstów i opracowanie ks. Marian Radwan SCJ. Kraków, 1999. S. 241–253.
12. Cieplak J. Wizytacje duszpasterskie księdza biskupa Jana Cieplaka na Syberii w 1909 roku // Kościół w Rosji i na Białorusi w relacjach duszpasterzy (1892–1926) / Wybrzy tekstów i opracowanie ks. Marian Radwan SCJ. Kraków, 1999. S. 99–122.
13. Wspomnienia chłopów-powstańców 1863 roku / Opr. E. Kozłowski. Kraków, 1983. 337 s.
14. Piotrowski R. Udana ucieczka // Żesłaniec. Warszawa, 2006. № 26. S. 57–78.
15. Turczyński B. Moje wspomnienia // Żesłaniec. Pismo rady naukowej zarządu głównego związku sybiraków. Warszawa, 2006. № 26. S. 17–44.
16. Radomska M. Franciszek Dyonizy Cywiński – członek Spisku Braci Dalewskich w Wilnie i jego potomni // Żesłaniec. Warszawa, 2009. № 38. S. 57–66.
17. Россия и Польша: долг памяти и право забвения : Междунар. науч. конф. (Москва, 22–24 окт. 2009) : тез. докл. М., 2009. 120 с.
18. Лутинович Ю.Э. Проблема мемориализации как концепция культурного ядра // Россия и Польша : долг памяти и право забвения М., 2009. С. 46–48.
19. Бенитковский М. Влияние автобиографического нарратива и идентичности на польско-российские отношения // Россия и Польша: долг памяти и право забвения / М., 2009. С. 8–9.
20. Харченко Н.А. Православие в Польше: проблема сохранения групповой идентичности в условиях католической среды // Россия и Польша : долг памяти и право забвения / М., 2009. С. 105–106.

УДК 323.329 (091)(571)

Е.Н. САВЕНКО

АВТОР ПРЕДПОЧЕЛ ОСТАТЬСЯ НЕИЗВЕСТНЫМ

Государственная публичная
научно-техническая библиотека СО РАН,
г. Новосибирск
e-mail: knigoved@spsl.nsc.ru

В статье освещается неизвестная сторона общественной деятельности талантливого ученого, д-ра физ.-мат. наук А.И. Фета: участие в сам- и тамиздате в 1960-х – начале 1990-х гг. Характеризуются формы проявления его неформального творчества. Освещается содержание работ, распространявшихся в неподцензурном информационном пространстве и отражавших взгляды автора на злободневные социальные проблемы. Раскрываются псевдонимы, под которыми выходили самиздатовские публицистические статьи и несанкционированные переводы.

Ключевые слова: самиздат, тамиздат, неподцензурная печать, неофициальная культура, история инакомыслия.

Значимым социально-культурным явлением второй половины XX в. был самиздат – несанкционированный выпуск и тиражирование печатной продукции. В условиях монополии государства на все средства массовой информации он обеспечивал циркулирование независимых творческих идей и альтернативных точек зрения. Имена многих деятелей самиздата, открыто полемизировавших с властью, со временем стали известны. Но немало авторов неподцензурных текстов по-прежнему остаются безвестными.

Один из этих неизвестных самиздатчиков – новосибирский математик Абрам Ильич Фет (1924–2007). Он был убежденным и прирожденным конспиратором, открытые протестные действия считал абсурдными и неоднократно аргументировал свою точку. «История инакомыслия состоит в том, что А протестовал против чего-то, и его посадили; Б протестовал против посадки А, и его тоже посадили; В протестовал, и т. д.», – иронизировал Абрам Ильич, обосновывая расхождения своих взглядов с идеологией диссидентов [1, с. 82]. В отличие от тех, кто подписывал несанкционированные материалы собственным именем, он не афишировал свою деятельность. Подписание А.И. Фетом petitionного документа, вошедшего в историю диссидентства как «Письмо 46-ти» – исключительный шаг, на который он пошел не столько по убеждению, сколько из-за чувства солидарности. Принципиальный противник тоталитаризма, А.И. Фет считал, что существующий строй необходимо коренным образом менять, а не корректировать. Однако поддержал петицию в защиту осужденных. «Я прекрасно понимал всю бессмысленность этого письма, – говорил он позже, – но отказ расценили бы как трусость. Иметь такую репутацию я не хотел не только потому, что это стыдно, но и потому, что имел некоторое влияние на окружающих»¹.

Последствия этого поступка для «подписантов» известны: события 1968 г. освещены в ряде публикаций [2; 3]. Для А.И. Фета принципиальность обернулась увольнением из Института математики СО АН СССР и отстранением от преподавания в НГУ. На протяжении четырех лет он вынужден был перебиваться случайными заработками.

Но невзгоды не сломили талантливого ученого. Он продолжал заниматься наукой, активно работал над переводами. В 1971 г. А.И. Фет даже некоторое время проработал старшим редактором в отделе комплектования иностранной литературы ГПНТБ СО АН СССР. Но задержаться на этой должности ему не удалось: работа была временная, к тому же негласный контроль был достаточно силен, и каждый неосторожный поступок учитывался. Спустя три месяца под благовидным предлогом он был уволен.

Прекрасное владение шестью иностранными языками стало для А.И. Фета серьезным подспорьем в трудное время. Основным источником заработка были технические переводы, которые знакомые брали для него на свое имя в объединении «Факел». Чаще всего это были тексты, за которые никто другой не взялся бы: он не отказывался переводить даже с чешского и голландского².

Переводческая деятельность Абрама Ильича была обусловлена не только необходимостью заработка. По словам Л.П. Петровой – вдовы ученого, через его руки проходили сотни книг на разных языках, и он безошибочно определял истинное значение каждой. Наиболее интересные из них он переводил для самиздата.

Сфера интересов А.И. Фета была необычайно широка. В 1970-е гг. в самиздате активно распространялись его переводы художественных произведений: избранные афоризмы Станислава Леца, сатирическая

¹ Гладкий А. Абрам Ильич Фет в моей жизни // Библиотека «Современные проблемы». URL: <http://modernproblems.org.ru/memo/118-gladky.html> (дата обращения: 4 ноября 2010 г.).

² Личный архив автора. Письмо Л.П. Петровой от 26 декабря 2010 г.

повесть «Скотный двор» Джорджа Оруэлла. Как видим, для перевода Абрам Ильич брал социально значимые работы, запечатлевшие мысли свободолюбивой интеллигенции.

Благодаря его усилиям в самиздат попали переводы трудов многих выдающихся западных ученых, публикация которых в Советском Союзе была невозможна. Большинство из них ходило в самиздате анонимно. Фраза «Я не жажду славы переводчика» отражала принципиальную позицию А.И. Фета. Псевдонимы он использовал только тогда, когда нужно было опубликовать тексты в каком-то (нередко несанкционированном) издании.

Проблема переводов волновала ученого на протяжении всей жизни. Выступая в 1997 г. на конференции, посвященной этому вопросу, он отмечал, что с 1960-х гг. в стране «началась эпоха безграмотных переводов»³. По его мнению, причинами такого положения были утрата умения отбора книг для перевода и низкая квалификация переводчиков. Подразумевалось не столько плохое знание языка, сколько непонимание смысла переводимого текста из-за слабой гуманитарной подготовки. Сам А.И. Фет – эрудит и интеллектуал – обладал уникальными способностями, необходимыми для качественных переводов: он точно распознавал значимые идеи и умел верно их формулировать. Яркое свидетельство тому – переведенные им для самиздата книги: «Игры, в которые играют люди», «Введение в психиатрию и психоанализ для непосвященных», «Секс в человеческой любви» Э. Бёрна, «Бегство от свободы» Э. Фромма, «Невротическая личность нашего времени» К. Хорни и др. [4, с. 387].

А.И. Фет первым представил советским читателям переводы наиболее значимых работ нобелевского лауреата, крупнейшего мыслителя XX в. Конрада Лоренца. Труды австрийского биолога он заинтересовался в начале 1960-х гг. – после знакомства с изданной в Вене книгой «Das sogenannte Böse» («Так называемое зло»), которую обнаружил в личной библиотеке биолога Р.Л. Берг. Вспоминая об этом спустя годы, Абрам Ильич писал: «С тех пор Лоренц был постоянным спутником моего мышления о человеческих и общественных делах» [5, с. 346]. Осознав значимость идей основоположника этиологии, А.И. Фет стал внимательно следить за выходом его сочинений. Интерес к научным взглядам Лоренца побудил А.И. Фета перевести три основных его книги: «Восемь смертных грехов цивилизованного человечества», «Так называемое зло» и «Оборотная сторона зеркала». В постсоветский период эти переводы под псевдонимом «А.И. Федоров» наконец-то были опубликованы официально.

Увлечение идеями К. Лоренца впоследствии привело А.И. Фета к написанию главного его труда – книги «Инстинкт и социальное поведение», в котором он обобщил результаты многолетнего изучения истории, этики и человеческого поведения. Он много размышлял о путях общественного развития. Эта сфера его интересов нашла отражение в самиздатовских работах, созданных в период польских событий

1970-х гг. А.И. Фет внимательно следил за ситуацией в этой стране. Польша казалась ему тогда «возможной моделью для России, потому что развал системы социалистического лагеря на Польше был очевиден...»⁴. Изучая польский опыт, он знакомился с доступной зарубежной прессой: польской «Trybuna ludu», итальянской «Unita», французской «L'Humanité». Но добраться до истины с помощью сообщений в коммунистической печати было не просто: «Надо было искусно сплести их и искать в них правду, сопоставляя одно с другим, оставляя в стороне пропагандистское вранье»⁵. В поисках истины А.И. Фет стал отслеживать выходившие в Польше книжные новинки. В поле его зрения попала серия «ABC» варшавского издательства «Искра» – серия карманных «Азбук», разъясняющих основы общественного и экономического устройства разных государств. Очерки о странах, социальная система которых, по мнению Абрама Ильича, могла стать образцом при преобразовании России, он переводил, сопровождал предисловием и запускал в самиздат. Так в неподцензурном пространстве оказались русскоязычные тексты книг «Азбука Стокгольма» Мечислава Ковалика (Kowalik, Mieczysław. Sztokholmskie ABC. Warszawa: «Iskry», 1968), «Азбука Берна» Вильгельмины Скульской (Skulska, Wilhelmina. Berneńskie ABC. Warszawa: «Iskry», 1978), «Азбука Вены» Романа Калужи (Kałuża, Roman. Wiedeńskie ABC. Warszawa: «Iskry», 1979). Особенно тщательно работал он над переводом «Азбуки Стокгольма». Интерес к Швеции А.И. Фет мотивировал тем, что она «является полем единственного в своем роде социального эксперимента, проводимого правящей Социал-демократической партией» и тем, что шведская модель социал-демократии казалась ему способной к развитию⁶.

Переводческая деятельность А.И. Фета была неразрывно связана с собственным творчеством. В процессе изучения польских событий он стал настоящим экспертом в этом вопросе. Свое видение происходящего в Польше А.И. Фет изложил в книге «Польская революция». В 1983 г. она вышла в свет в выпускаемом в Мюнхене сборнике «Материалы самиздата» как сочинение анонимного автора, а спустя два года была опубликована лондонским издательством «Самиздат». В предисловии к этому изданию итальянский журналист, директор Русской службы «Радио Свобода» Марио Корти писал: «Нам кажется, что публикуемое здесь сочинение превосходит все остальные не только по объему и насыщенности информацией. Оно их превосходит еще по степени понимания исторических предпосылок, сделавших возможным появле-

⁴ Текст аудиозаписи, сделанной 3 июня 2007 г.: Машинопись. – Личный архив Л.П. Петровой.

⁵ Там же.

⁶ Предисловие к книге «Азбука Стокгольма» М. Ковалика: Машинопись. – Там же.

³ Фет А.И. Положение с переводами в России: Рукопись. – Личный архив Л.П. Петровой.

ние в Польше такого массового, подлинно народного движения, которое именуется “Солидарностью”» [6, с. 6]. Уровень анализа событий и оценка их возможных последствий поражали многих. Историк М. Геллер назвал это сочинение «первым основательным исследованием польских событий 1980–82 гг.» [7, с. 124]. А член Комитета по правам человека В. Голицын отмечал «незаурядную проницательность» автора анонимного трактата «Польская революция», увидевшего еще в начале 1980-х гг. «симптом скорого краха европейского коммунизма»⁷.

Глубина понимания процессов и прозорливость отличали и цикл статей А.И. Фета, опубликованных под псевдонимом «А.Н. Кленов» в парижском общественно-литературном журнале «Синтаксис». Три из них: «Пушкин без конца» (1982, № 10), «Философия неуверенности» и «Инакомыслие» (1984, № 12) посвящались сравнительному анализу идеологии русской и советской интеллигенции. Безмерно уважавший русскую интеллигенцию автор с сарказмом оценивал систему взглядов аналогичной социальной группы советского общества. Итогом сравнения стала констатация противоречивости и несостоятельности мировоззрения не только типичных ее представителей – «советских псевдоинтеллигентов», но и ее моральных лидеров – «инакомыслящих». Выводы автора подтвердило время. Редактор отдела культуры журнала «Огонек» А. Архангельский, оценивший «Синтаксис» с современных позиций, считает статьи А.Н. Кленова самым занимательным из всего напечатанного в журнале в 1980-е гг. По его мнению, «Кленов предсказывает всю ближайшую на 30 лет историю русской интеллигенции – до сегодняшнего дня. Он говорит о неспособности этой интеллигенции быть полноценной элитой – то есть, вести людей за собой, быть образцом духовной свободы для других... Удручающий провал либеральной идеи в сегодняшней России, казалось бы, доказывает правоту автора и журнала»⁸.

Логическим продолжением статей А.И. Фета об интеллигенции было полемическое сочинение «Виждь и внемли», опубликованное в «Синтаксисе» в 1985 г. Статья посвящалась эволюции взглядов А.И. Солженицына, который в тот период был властителем дум значительной части интеллигенции. Отдавая ему должное как автору «Ивана Денисовича», А.И. Фет подверг критике философские эссе и более поздние литературные сочинения Солженицына. Резкие возражения вызвала идеология произведений. А.И. Фет обоснованно считал, что «трудно представить себе что-нибудь более вредное для России», чем русский национализм, идеологом которого стал Солженицын [8, с. 64, 77].

Полемические работы А.И. Фета (А.Н. Кленова) появлялись в тамиздате и в последующие годы. Резо-

нанс вызвало его эссе «Что такое перестройка?», увидевшее свет в 1988 г. В ней автор на основе экскурса в советскую историю делал вывод об иллюзорности лозунгов, выдвигаемых М. Горбачевым и его окружением. «Серьезные реформы несовместимы с сохранением нашей системы правления, а несерьезные еще раз провалятся», – писал он [9, с. 62]. Призывая не верить демагогическим рассуждениям о демократических реформах советского государства, являющихся лишь косметическим прикрытием борьбы части партийного аппарата за власть, автор настаивал на объединении людей с разными взглядами, чтобы использовать исторический момент и изменить политические условия. Иначе плодами реформ воспользуются силы, далекие от интересов общества.

Статья вызвала негативную реакцию в диссидентской среде. На страницах «Синтаксиса» даже были опубликованы возражения, в которых редколлегия указывала на несогласие с материалом своего давнего корреспондента – «московского автора» А.Н. Кленова. Последняя характеристика свидетельствует, что редакционный состав имел слабое представление о том, кто скрывался за этим именем. Статьи попадали на Запад через цепочку надежных людей. И лишь Н.М. Ботвинник – участница Фонда помощи политзаключенным, которой А.И. Фет передавал свои работы в Москве, могла знать их подлинного автора⁹.

Резкость и эмоциональность статьи, вызвавшие неприятие оппонентов, объяснимы. Друзья ученого характеризуют его как страстного человека, искренне беспокоившегося о судьбе России. Об этом свидетельствует и цикл из восьми его статей, получивший название «Письма из России». Созданы они были в период «поздней перестройки» (1989–1991 гг.) и распространялись под псевдонимами «А.Н. Кленов» и «Д.А. Рассудин», так как некоторые из них автор хотел опубликовать в польском журнале «Еурога», а некоторые – в каком-нибудь отечественном издании. Надежды на публикацию были весьма призрачны, о чем автор предупреждал в одном из первых «писем». Действительно, напечатать официально работы не удалось, и они ходили по рукам.

Диапазон поднимаемых в «Письмах из России» проблем обширен, но в целом все они посвящены политической ситуации в стране. А.И. Фет делился с предполагаемыми читателями впечатлениями о проходивших в марте 1989 г. выборах в Верховный Совет СССР, анализировал социальное положение в России, размышлял о национальных проблемах, оценивал августовские события 1991 г.

В некоторых статьях он вновь возвращался к вопросам, волновавшим его в предыдущие годы. Так, в работе «Анатомия диссидентства» он в очередной раз высказал мнение о непродуктивности деятельности диссидентов. Признавая, что общественная атмосфера периода перестройки в некоторой степени подготовлена представителями этой среды (в первую очередь самиздатчиками), он показал, что подлинными деятелями происходивших в стране событий стали

⁷ Голицын В. 1991 // Terra Nova. 2006. № 14. URL: <http://www.hrights.ru/text/b24/Chapter11%202.htm> (дата обращения: 11 марта 2011 г.).

⁸ Архангельский А. Прогулки в свободу и обратно // Toronto Slavic Quarterly: Academic Electronic Journal in Slavic Studies. URL: <http://www.utoronto.ca/tsq/15/arhangelsky15.shtml> (дата обращения 12 декабря 2010 г.).

⁹ Личный архив автора. Письмо Л.П. Петровой от 13 марта 2011 г.

партийные реформаторы и поддерживавшие их советские служащие, никоим образом не принадлежавшие к диссидентской среде.

Беспокоило А.И. Фета и усиление консервативных национальных идей в интеллигентской среде. Он активно участвовал в полемике с пропагандистами этих воззрений. В статье «Мудрые советы» А.И. Фет (А.Н. Кленов) подвергнул обстоятельной критике выдвинутую А.И. Солженицыным программу преобразования России. «Пользуясь забытым термином двадцатых годов, я определил бы это учение как *национал-большевизм*», – писал он¹⁰. В том же году под псевдонимом «С.Т. Карнеев» появилась статья «Русомания», в которой А.И. Фет полемизировал с И.Р. Шафаревичем. Критикуя взгляды автора «Русофобии», А.И. Фет в очередной раз обращался к традициям почитаемой им русской интеллигенции. «Русские интеллигенты прежде всего заботились о благе народа, понимая это благо совсем не так, как Шафаревич, – писал он. – От интеллигента требовалась еще гуманность и культура, а также некоторая гибкость ума: ведь корень этого слова происходит от латинского слова “интеллект”...» Заканчивалась статья словами, не потерявшими актуальность спустя два десятилетия: «Россию не спасет ненависть, ее спасет любовь»¹¹.

В последние перестроечные годы А.И. Фет использовал еще один псевдоним – «А.Б. Называев». Этим вымышленным именем была подписана статья «Законы истории», посвященная критике исторического детерминизма, который, по мнению автора, подорвал доверие ко всякой радикальной активности¹². Работа была опубликована в первом номере независимого журнала «Современные проблемы», который в 1990 г. начала издавать группа московских правозащитников.

К традициям самиздата А.И. Фет обращался и после отмены цензуры. Эйфории по поводу наступившей свободы слова он не испытывал, осознавая всю сложность создавшейся ситуации. В докладе, прочитанном в 1994 г. на семинаре Хельсинкской группы, он подробно рассмотрел злободневные проблемы: зависимость органов печати от влиятельных бюрократических групп, низкий интеллектуальный уровень редакционных работников. Выступая от имени людей, «которым есть что сказать, но негде печататься в России», он выдвинул задачу создания независимой интеллигентской печати, которая бы помогла «вернуть понятию культуры ее серьезное значение»¹³.

В противном случае, по мнению А.И. Фета, представителям культурной элиты придется вернуться к практике самиздата.

Эти слова в очередной раз оказались пророческими. Усилия организаторов «Нового педагогического журнала», в котором он начал регулярно публиковать свои статьи, завершились крахом. Выпуск пришлось прекратить, так как человек, финансировавший издание, стал настаивать на своих требованиях цензурного характера¹⁴. Неудачной оказалась и попытка издавать собственный независимый журнал. Выход был найден в обращении к новой форме самиздата – Интернету. В 2003 г. А.И. Фет совместно с друзьями-единомышленниками – докторами физико-математических наук А.В. Гладким и Р.Г. Хлебопросом создал электронную библиотеку «Современные проблемы». На этом сайте стали размещаться тексты недоступных или малодоступных читателям работ. Помещены здесь и отдельные статьи А.И. Фета, ходившие когда-то в самиздате и тамиздате. Но многие его работы на общественные темы остаются неопубликованными. Усилиями близких А.И. Фета планируется издать его творческое наследие. Труды талантливого ученого и бескорыстного общественного деятеля займут достойную страницу в исторической памяти России.

ЛИТЕРАТУРА

1. Кленов А.Н. Инакомыслие // Синтаксис. 1984. № 12.
2. Водичев Е.Г., Куперитох Н.А. Социальные настроения ученых новосибирского Академгородка в 1960-е годы (история «Письма 46-ти») // Вестник НГУ. 2002. Серия: История, филология. Т. 1, вып. 3. С. 80–84.
3. Кузнецов И.С. Новосибирский академгородок в 1968 году: «письмо сорока шести». Документальное издание. Новосибирск, 2007.
4. Примечания // Фет А.И. Пифагор и обезьяна. Новосибирск, 2008.
5. Фет В., Голубовский М. А.И. Фет и его книга «Инстинкт и социальное поведение» // Мосты (Франкфурт). 2009. № 21.
6. Марио Корти. Вступление // Польская революция. Лондон, 1985 / The Polish Revolution. With a foreword by M. Corti. London Overseas Publications Interchange Ltd, 1985.
7. Геллер М. Машина и винтики: история формирования советского человека. М., 1994.
8. Кленов А.Н. Виздъ и внемли // Синтаксис. 1985. № 13.
9. Кленов А.Н. Что такое перестройка? // Синтаксис. 1988. № 22.

¹⁰ Кленов А.Н. Мудрые советы // Современные проблемы: электр. библиотека. URL: <http://modernproblems.org.ru/intellig/37-advice.html> (дата обращения: 20 марта 2011 г.).

¹¹ Карнеев С.Т. Русомания // Современные проблемы: электр. библиотека. URL: <http://modernproblems.org.ru/intellig/160-russomania.html?showall=1> (дата обращения: 25 марта 2011 г.).

¹² Называев А.Б. Законы истории // Современные проблемы: электр. библиотека. URL: <http://modernproblems.org.ru/science/115-nazivaev.html> (дата обращения 20 марта 2011 г.).

¹³ Фет А.И. Создание независимой печати для российской интеллигенции: Машинопись. – Личный архив Л.П. Петровой.

¹⁴ Личный архив автора. Письмо Л.П. Петровой от 11 марта 2011 г.

УДК 02 (571.1)(082)

Г.М. ВИХРЕВА

СОЦИАЛЬНАЯ ПОЗИЦИЯ РОССИЙСКОЙ БИБЛИОТЕКИ В КОНТЕКСТЕ ПОСТНЕКЛАССИЧЕСКОЙ РАЦИОНАЛЬНОСТИ

Государственная публичная
научно-техническая библиотека СО РАН,
г. Новосибирск
e-mail: vikhreva@spsl.nsc.ru

В статье освещается проблема неоднозначности позиции современной библиотеки в определении своих базовых функций, являющаяся следствием кризиса идентичности библиотечного социального института. Автор анализирует альтернативные точки зрения, имеющиеся в современном библиотековедении и представляющие коммуникативный и социокультурный пути развития библиотечного дела. Доказываются преимущества социокультурной позиции как более перспективной и соответствующей гуманитарным и просветительским традициям библиотеки, а также методологически обоснованной новым типом научной рациональности – постнеклассическим.

Ключевые слова: библиотека, функция, миссия, социум, ценностная парадигма, постнеклассическая наука.

Специфика библиотеки как социокультурного института заключается в том, что, в отличие от других хранилищ информации, она выполняет в обществе ценностно-ориентировочную функцию. Именно ценностное отношение библиотеки к включаемым в фонд документам определяет ее уникальность среди аналогичных коммуникаций социума. Хаотическому и далеко не равному по информационной значимости содержанию компьютерных сетей библиотека может противопоставить упорядоченную картину мира, новую когнитивную и этическую реальность, обладающую возможностью обратного, ценностно-ориентирующего воздействия как на мир документов, так и на мир потребностей.

Однако для этого библиотека прежде всего сама должна определить свои приоритеты в мире вечных и временных ценностей. Сложность задачи обусловлена спецификой современной стадии российской модернизации: многомерным, комплексным характером изменений, охватывающих все сферы общественной жизни, в том числе и область ее ценностных ориентаций. В этих условиях, как никогда ранее, актуальна проблема осознания аксиологических приоритетов не только для самого социокультурного института «библиотека», но и для документа как основной его ценности и, шире, для знания как связующего звена между различными уровнями и направлениями социально-коммуникативной деятельности. В связи с этим в научный обиход библиотечных исследований все шире вводятся такие понятия, как «информационная аксиология», «ценностно-информационное ориентирование», «аксиология информационного общества».

Поиски новой системы ценностей, которая бы адекватно отражала современное состояние общества, его естественной и искусственной окружающей среды, привели к формированию в 1970-х гг. предпосылок постнеклассической науки. Само понятие «постне-

классическая наука» или «постнеклассический тип научной рациональности» было введено в оборот в конце 1980-х гг. академиком В.С. Степиным [1]. Этими терминами он обозначил новый этап в развитии познания, связанный с процессом очередной научной революции, которая происходила на протяжении последних трех десятилетий XX в. и до сих пор не может считаться законченной.

Предпосылки формирования данного типа научной рациональности были обусловлены особой ситуацией в жизни человека и общества, наметившейся в конце XX в. Ее особенность заключается в осознании человеком угрозы, исходящей от результатов его собственной деятельности. Открытие новых источников энергии, способных не только увеличить мощь воздействия людей на мир, но и уничтожить все вокруг; совершенствование информационных технологий с вытекающими отсюда проблемами искусственного интеллекта и избыточной информации; ускоренное и ускоряющееся уничтожение окружающей человека среды – таковы лишь некоторые негативные последствия индустриального развития и сопутствующих ему явлений. «Двадцатый век с неотразимой наглядностью продемонстрировал злую потенцию знания, в особенности научного. Можно сказать, что современная наука, наука конца двадцатого века, подвела человечество к краю пропасти, в бездонной глубине которой – самоуничтожение...» [2, с. 163].

Можно ли выйти из глобальных кризисов, порожденных техногенной цивилизацией, не меня базисной системы ее ценностей? «Я исхожу из того, – пишет В.С. Степин, – что эту систему ценностей придется менять, что преодоление глобальных кризисов требует изменения целей человеческой деятельности и ее ценностных регулятивов. А радикальное изменение ценностей означает переход от техногенной цивилизации к новому типу цивилизационного развития,

третьему, по отношению к традиционалистскому и техногенному» [3, с.18].

Расширение мировоззренческих смыслов постнеклассической науки, пересмотр таких классических научных параметров, как объективность и истинность, изменение системы философских оснований оказали значительное влияние не только на выбор решаемых проблем, но и на интерпретацию получаемых результатов. Объектами научного исследования все чаще становятся сложные, уникальные, исторически развивающиеся системы. Среди них так называемые человекомерные комплексы, в которые включен и сам человек, – медико-биологические, экологические, биотехнологические объекты «человек-машина», содержащие в себе информационные системы и системы искусственного интеллекта, и т. д. Изучение их невозможно без определения границ возможного вмешательства человека в объект, а это, в свою очередь, связано с решением целого ряда этических проблем. Сегодня ученому уже недостаточно руководствоваться в своих изысканиях только внутренним этосом науки – «ищи истину и наращивай истинное знание». Направление научного поиска нужно постоянно соотносить с гуманистическими идеалами и ценностями.

В свете концепции глобального информационного общества (общества знаний) социальная миссия библиотек, казалось бы, вырисовывается однозначно: интеллектуализация членов социума путем их непрерывного образования и обеспечения свободного доступа к культурному наследию человечества. Однако пути реализации этой миссии видятся библиотечной общественности по-разному. Характер профессиональных дискуссий демонстрирует неоднозначность и даже противоречивость представлений о базовых функциях библиотек в информатизированном мире. «Драма функций» [4, с. 12], разыгравшаяся в сфере современного библиотековедения, свидетельствует, по сути, о кризисе идентичности библиотечного социального института.

Обобщая многообразие мнений и представлений о миссии, смысле существования библиотечного социального института, Н.З. Стародубова и Л.М. Толчинская (Российская государственная библиотека) [5, с. 179] выделяют две основные репрезентативные позиции: коммуникативную и социокультурную. Суть первой – ограничение деятельности библиотеки ролью высокотехнологичного, но бесстрастного посредника между потребителем и информацией. Такой подход во многом объясняется трудностями информатизации и продуцируемой ими фетишизацией технологической составляющей информационных процессов. Преобладание технологических и технических приоритетов над приоритетами социального и гражданского статуса особенно характерно для нашей страны и стран СНГ, ибо здесь упомянутые трудности особенно ощутимы.

Вторая позиция помимо выполнения сугубо информационной функции возлагает на библиотеку обязанность сохранения культурных традиций, трансляции в общество исторически выверенных нравственных и эстетических идеалов, необходимость оценки кумулируемой информации с точки зрения ее социальной полезности.

Различие между коммуникативной и социокультурной позициями имеет не просто функциональное, но онтологическое значение и определяет в конечном итоге научный и дисциплинарный статус библиотековедения, цели и идеологию библиотечного социально-го института, его ценностно-смысловые ориентации.

Так, реализация коммуникативно-детерминированной концепции содержит в себе опасность утраты самобытности и позиционных преимуществ библиотек. Рост рынка информационных услуг и усиление конкуренции в сфере коммуникаций неизбежно повлекут за собой объединение мелких и средних сегментов информационного поля с последующей концентрацией информационных ресурсов и образованием крупных информационно-инновационных комплексов, ориентированных на универсальный спектр нужд потребителей. Исследователи предполагают, что «в этом “чужом поле” и в этой крупномасштабной, наступательной и агрессивной “чужой игре” библиотеке будет отведено место сырьевой ресурсной базы либо статичной ячейки второго плана с последующим поглощением как самостоятельного социального института, либо полной аннигиляцией» [5, с. 179].

Сторонники же социокультурной позиции в определении миссии библиотеки исходят из того, что социальная и гуманистическая направленность изначально присуща библиотечной деятельности, она закреплена в традициях российского просветительства, в национальных и международных нормах, в частности, в законе Российской Федерации «О библиотечном деле», в стандартном определении библиотеки в документах ЮНЕСКО [6, с. 13]. Библиотека всегда выполняла культурно-воспитательную миссию, причем последняя распространялась не только на отдельных индивидуумов, но и на целые народы, зачастую способствуя даже формированию наций.

Именно такое понимание социокультурной миссии библиотеки находит подтверждение и методологическое обоснование в новой парадигме научного познания постнеклассического типа, декларирующей первичность гуманистических ориентиров в определении стратегии научного поиска и соотнесенность знаний с социальными ценностями и целями.

Новый тип рациональности позволяет рассматривать библиотеку комплексно, как сложный социальный объект, как развивающуюся, открытую, нелинейную систему, с учетом ценностной парадигмы каждого исторического периода. Библиотека в контексте постнеклассического знания выступает системой, встроенной во все общественные структуры, развивающейся вместе с ними или автономно по своим законам, но активно влияющей на социум в целом. Принципиальное значение новый тип рациональности имеет для библиотечной теории, поскольку концепция социальной роли библиотеки предопределяет и направленность библиотечных исследований.

Новое научное мировоззрение подтверждает высокую степень важности ценностно-ориентационной миссии библиотеки в обществе. Исходя из современных положений теории систем, любая сложная развивающаяся организация должна содержать в себе информацию, обеспечивающую ее устойчивость.

В соответствии с этой информацией, закрепленной и представленной в соответствующих кодах, система воспроизводит самое себя. Информационные коды учитывают опыт предшествующего и определяют способы ее последующего взаимодействия с внешней средой. С позиций теории развивающихся систем, базисные ценности культуры являются для социальных организмов информационными структурами, аналогичными генным кодам для биологических видов.

Мировоззренческие универсалии организуют в целостную систему сложнейший набор различных феноменов культуры и выступают в качестве базисных структур социокода, некоего ДНК социальной жизни. Смыслы категорий «природа», «человек», «красота», «справедливость» и других, выражая шкалу ценностных приоритетов общества, определяют, что из непрерывно обновляемого социального опыта должно быть передано новому поколению как полезное и нужное, а что «отсеяно» как бесполезное или вредное для развития социального организма.

Приоритетность ценностной компоненты в постнеклассической рациональности является полностью созвучной изначальной природе библиотеки и делает несостоятельной позицию сторонников коммуникативной функции как главенствующей в ее деятельности. И дело здесь не только в просветительских традициях, берущих начало в глубине прошлых веков, а еще и в том, что библиотека формирует свои фонды посредством оценки и отбора документов, наиболее значимых (ценных) с точки зрения аксиологической парадигмы социума. «При своем возникновении библиотека была не просто социальным, но ноосферным (духовным) институтом. Базовым принципом, смыс-

лом ее существования всегда оставалось посредничество (между Словом, Божественным откровением и человеком или между человеком и человечеством). В любой из этих парадигм она представляла человеку сумму моделей, образов мира, универсум, будучи воплощением своего рода метафилософии» [7, с. 7].

Отбирая и накапливая документально-информационные массивы, преобразуя их в соответствии с задачами формирования интеллектуального и культурного потенциала общества, библиотеки способствуют созданию нового знания и тем самым являются активными и сознательными участниками формирования социокода, необходимого для воспроизводства и развития социального организма.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Степин В.С.* Теоретическое знание. Структура, историческая эволюция. М., 2003.
2. *Овчинников Н.Ф.* Значение и сознание деятельности ученого: социокультурный контекст науки. М., 1998.
3. *Степин В.С.* Философия и эпоха цивилизационных перемен // *Вопр. философии.* 2006. № 2.
4. *Самохина М.М.* Библиотека как социальный институт и ее функции // Библиотека и общество в России 90-х годов XX века : материалы семинара / Моск. библ. ассоциация, Рос. гос. б-ка, Рос. гос. б-ка для слепых, Библ. благотв. фонд. М., 1994.
5. *Стародубова Н.З., Толчинская Л.М.* Менеджмент библиотечных фондов в историческом и современном контекстах // Библиотечные исследования в системе постнеклассической науки. Проблемно-ориентированный сборник. М., 2008.
6. Национальные библиотеки в обществе знаний // *Новости Рос. ком. ИФЛА.* 2006. № 4 (61).
7. Информативность библиотечного фонда: (темат.-типолог. аспект) : сб. науч. тр. / Гос. публ. б-ка. Л., 1982.

УДК 02(571.1)(082)

Е.Б. АРТЕМЬЕВА

**ИСТОРИЯ БИБЛИОТЕК СИБИРИ И ДАЛЬНЕГО ВОСТОКА ЧЕРЕЗ ПРИЗМУ
КУЛЬТУРОЛОГИЧЕСКИХ И РЕГИОНОВЕДЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЙ**

Государственная публичная
научно-техническая библиотека СО РАН,
г. Новосибирск
e-mail: artem@spsl.nsc.ru

Цель статьи – определить роль культурологических, социологических концепций и результатов регионоведческих исследований в развитии библиотековедения и обозначить отдельные подходы, которые использовали специалисты при изучении библиотек Сибири и Дальнего Востока. Показано, что развитие библиотек XVIII–XX вв. рассматривалось в контексте общего исторического процесса и эволюции региональной культуры, основными чертами которой являются открытость, стремление к диалогу, приращению ценностей, созданных как внутри, так и вне данной культуры. Акцент при этом был сделан на том, что библиотеки территории развиваются не изолированно, а как составляющая библиотечной системы страны.

Ключевые слова: культура, социум, регион, Сибирь и Дальний Восток, эволюция, библиотеки.

В условиях трансформаций XX–XXI вв. актуализируются проблемы укрепления единства экономического и социального пространства страны, создания территориальных инновационных кластеров и новых

технологий управления. В то же время нарастают глобальные процессы регионализации, что вызывает настоящую потребность в изучении специфики территорий для решения насущных задач современно-

го и стратегического развития. Особенности эволюции регионов в сопоставлении истории и современности привлекают внимание ученых разных отраслей науки, прежде всего специалистов, занимающихся изучением культуры. Интересуют они библиотекведов и книговедов, объектом исследования которых является книжная культура в целом и библиотеки как ее составляющая. Освоение положительного исторического и современного опыта функционирования библиотек в осложняющихся обстоятельствах, изучение динамики и тенденций развития библиотечных ресурсов необходимо для понимания существа происходящих процессов и определения роли влияющих на них факторов; выявления особенностей и проблемных ситуаций.

В Сибири зарождение научных школ регионального библиотекведения и книговедения происходило в начале 1960-х гг. и было связано с появлением Государственной публичной научно-технической библиотеки СО АН СССР. На протяжении нескольких десятилетий представители обеих школ изучают библиотеки с разных позиций¹, но общим является то, что рассматривают они их как учреждения, включенные в *социально-культурное пространство региона*, которым является Сибирь и Дальний Восток. В связи с этим считаем целесообразным проанализировать концепции *культурологических и регионоведческих исследований* и определить их роль в развитии библиотекведения.

Эволюция идеи разделения наук о природе и наук о культуре, по мнению специалистов, достигла апогея в культурологической концепции О. Шпенглера – немецкого философа и культуролога. Именно культура, согласно его учению, является универсальной категорией в исследовании общества. Рассмотрение культуры предполагает следующие направления: 1) культура как основа интеграции или дифференциации; 2) выявление роли культуры в поддержании социальной стабильности, преемственности, динамики развития (культура как система создания, хранения, распространения, обмена, потребления духовных ценностей)². В работе «Закат Европы» Шпенглер выдвинул концепцию культуры, которая рассматривается, во-первых, не как единая общечеловеческая культура, а как расколотая на восемь культур, каждая из которых вырастает на основе своего собственного уникального «прафеномена» – способа «переживания жизни». Наряду с египетской, индийской, вавилонской, китайской, арабо-византийской, греко-римской, западноевропейской, культурой майя ученый выделил пробуждающуюся *русско-сибирскую культуру*. Во-вторых, он рассматривает культуру как подчиненную жесткому биологическому ритму.

В пределах общего цикла эволюции в каждой из культур им выделяются два периода: этап восхождения

культуры (собственно культура) и этап ее нисхождения (цивилизация) [1]. Развивая учение о множестве завершенных, разобщенных в пространстве и во времени «культур», равноценных по предельной полноте осуществленных в них возможностей и достигнутому совершенству выражения, языка форм, Шпенглер в то же время выступает против идеи единого «всемирного» исторического процесса, единой линии эволюции человечества, проходящей последовательные этапы развития, т. е. поступательного движения, которое историки, используя социальные, гносеологические и другие критерии, определяли как прогресс.

Находясь под влиянием идей О. Шпенглера, британский историк и философ А. Тойнби также высказывал приверженность идее многолинейного развития суверенных культур, что отражено в его знаменитом 12-томном труде «Постижение истории» [2]. Но, предприняв широкомасштабное переосмысление всего общественно-исторического развития человечества в духе теории круговорота локальных цивилизаций, Тойнби признает объединяющую роль «мировых проповеднических религий», которые оказываются высшими ценностями и ориентирами исторического процесса³.

Исходя из предмета нашего исследования считаем целесообразным обратиться к концепции Н.Я. Данилевского – русского социолога, культуролога, которого в западной историографии называют прямым предшественником О. Шпенглера и А. Тойнби. Главная идея культурологической концепции Данилевского – идея о локальных культурно-исторических типах, соответствующих типам цивилизаций [3]. Особое значение он придавал самобытности, уникальности каждого отдельного культурно-исторического типа, при этом акцентировал внимание на преемственности цивилизаций. С его точки зрения, цивилизации при всем их несходстве равноценны и одинаково важны в рамках мирового исторического развития. Установка ученого – анализировать всемирно-исторический процесс с учетом сочетания в нем общих закономерностей и специфики их воплощения в истории отдельного культурного типа, с нашей точки зрения, очень важна. Нельзя оставить без внимания и концепцию В.О. Ключевского, главным трудом жизни которого является полный курс лекций «Русская история» [4]. Он считал, что в историческом изучении важны две, не исключающие, а дополняющие друг друга, точки зрения – культурно-историческая и социологическая.

Считаем уместным сослаться и на концепцию русского социолога и культуролога П.А. Сорокина. Он считал, что подлинной причиной и условием закономерного развития общества, или «мира социума», является существование мира ценностей, значений чистых культурных систем, а человек является носителем системы ценностей. То есть каждый тип культуры

¹ Автор статьи, начиная с 1980-х гг., принимал участие как в библиотекведческих, так и в книговедческих исследованиях, касающихся изучения истории библиотек.

² Понятие культура в концепции Шпенглера. Философский словарь. Мир словарей. URL: http://mirslovarei.com/content_fil/ponjatje-kultura-v-koncepcii-shpenglera-12423.html (дата обращения: 31 марта 2011 г.).

³ Тойнби А. Социологический словарь. Мир словарей. URL: http://mirslovarei.com/content_soc/toynbi-toynbee-arnold-5452.html (дата обращения: 31 марта 2011 г.).

определяется социальной системой, культурными системами общества и самим человеком⁴.

Сегодня, когда речь идет об интеграции цивилизаций с сохранением и даже усилением всех локальных особенностей, мы рассматриваем концепции наших предшественников как дополняющие одна другую. Современные ученые считают, что региональные проблемы необходимо представлять в историко-культурном ключе, делая особый акцент, прежде всего, на локальные сообщества и их деятелей. При этом важным является рассмотрение местной специфики «в ее нераздельной слитности с общероссийским началом». Это мнение высказывает историк М.А. Орешина, отмечая, что «идея о естественной разделенности России, о независимости ее цивилизационных истоков, когда изымается связь этих уникальностей с целостностью, к которой они были изначально и неизбежно привязаны, формирует “корпускулярный” стиль мышления, акцентирующий расколотость России и уникальность отдельных ее регионов» [5, с. 37].

Ю.М. Беспалова, представляя региональную культуру как особый мир, уединенный и замкнутый, также отмечает, что важнейшими ее чертами остаются открытость, стремление к диалогу, приращению ценностей, созданных как внутри, так и вне данной культуры [6]. Применяя указанные концепции в комплексе для изучения культуры региона, В.Г. Рыженко и А.Г. Быкова пытаются представить социокультурную составляющую образа региона в контексте динамики культурного пространства и интеллектуального ландшафта России. В общей линии изучения регионального образа принципиальным является постоянное соотношение истории и современности, а также представление о регионе как исторически сложившейся открытой системе с подвижными границами [7; 8, с. 10–11].

Таким образом, современными историками культуры высказываются суждения о перспективности использования в качестве междисциплинарного подхода социокультурной (цивилизационной) теории, поскольку культурный фактор, в том числе научное знание, обеспечивает перспективу развития социума, освоение личностью культурных ценностей, создание новых регулятивных норм духовной жизни, а работники культуры и образования выступают носителями культуры не только в смысле хранителей традиций, исторической памяти, но и как творцы идеалов, смыслов, программ общения и поведения [8, с. 12].

Библиотеки – это прежде всего учреждения культуры, способствующие духовному развитию общества. Библиотечное дело включено в контекст культурно-исторической и социальной среды региона и страны в целом. Поэтому нам близко такое видение проблемы. В то же время духовные «параметры» каждого конкретного региона в значительной мере детерминированы природно-климатическими условиями и полиэтнофункциональными характеристиками населения (ра-

сово-биологическими, социально-экономическими, религиозно-культурологическими), особенностями его территориальной организации [8, с. 13]. Заметим, что об этом в свое время говорил и Л.Н. Гумилев – выдающийся русский историк и этнограф, основатель теории пассионарности, разработчик оригинальной концепции этногенеза. Опираясь на установки теории локальной цивилизации, прежде всего на работы Н.Я. Данилевского, он рассматривал в качестве базовой структуры исторического процесса этнос – общность людей, населяющих определенную территорию и объединенных действием пассионарного духа (биопсихической энергии, рождаемой сочетанием собственно этнических, географических, климатических условий жизни этой общности) [9, с. 129–135].

Регион – это целостное природно-территориальное или природно-социальное образование, в рамках которого происходит естественное взаимодействие и соразвитие всех природных и социально-экономических объектов и процессов, с одной стороны. А с другой – он выступает как политико-административное или производственно-территориальное подразделение (которое не всегда совпадает с регионом как природно-территориальным образованием) [10]. И это тоже надо учитывать при рассмотрении любых процессов, там протекающих.

Как мы уже указывали, на протяжении многих лет специалисты книжного дела изучают эволюцию библиотек сибирско-дальневосточного региона. Мы рассматриваем названный регион именно как целостное природно-социальное образование, в рамках которого происходит естественное взаимодействие и соразвитие всех природных и социально-экономических объектов и процессов, хотя учитываем и то обстоятельство, что это три самостоятельных географических и экономических района – Западная и Восточная Сибирь и Дальний Восток, и территория двух федеральных округов – Сибирского и Дальневосточного. Помним мы и о том, что существует историческое понятие «Сибирь», которое включает в себя и весь российский Дальний Восток, и это играет определяющую роль в том, что Сибирь и Дальний Восток в большинстве библиотечных исследований рассматриваются как единая территория.

Сибирь – регион со своими особенностями – географическими, экономическими, историческими, культурными. По своему географическому положению он занимает центральное место в азиатской части России и принадлежит к числу наиболее крупных территориальных образований. В то же время это удаленный от центральной части страны регион, это провинция. В Словаре русского языка под редакцией С.И. Ожегова в определении «провинция» как раз на этом и сделан акцент – это «местность, территория страны, удаленная от крупных центров» [11, с. 596]. А согласно Словарю В.И. Даля, термин «провинциальный» означает нестоличное пространство жизни («провинция – губерния, область, округ, уезд; провинциал – живущий не в столице, житель губернии, уезда, захолустья») [12, с. 536]. В уже названном Словаре Ожегова также можно прочитать: «провинциальный – отсталый, наивный, простоватый» [11, с. 596]. Порой так Сибирь и воспринимают...

⁴ Концепция локальных цивилизаций и культурно-исторических типов (О. Шпенглер, А. Тойнби, П. А. Сорокин) Конспект по культурологии // Электронная гуманитарная библиотека. URL: http://www.gumfak.ru/kult_html/lecture/lect07.shtml (дата обращения: 16 марта 2011 г.).

Как пишут уже упоминаемые нами историки В.Г. Рыженко и А.Г. Быкова, «провинция» чаще всего понимается как обозначение региональной, географической единицы, отдаленной от центра, но одновременно являющейся особой социокультурной системой [8, с. 19].

Таким образом, Сибирь – это локальная цивилизация, со своими местными особенностями, включенная в общий исторический процесс развития. И важно при изучении библиотек, входящих в культурное пространство региона, рассматривать Сибирь и Дальний Восток с разных (см. выше) точек зрения. Поскольку рамки статьи не позволяют глубоко уйти в анализ, обозначим лишь подходы, которые использовали специалисты. В ходе исследования «Книжная культура Сибири и Дальнего Востока. История и современное состояние», результатом которого стала пятитомная коллективная монография «Очерки истории книжной культуры Сибири и Дальнего Востока» (2000–2006) [13], развитие библиотек XVIII–XX вв. рассматривалось в контексте общего исторического процесса и эволюции региональной культуры. Основными ее чертами до сегодняшнего дня остаются открытость, стремление к диалогу, приращению ценностей, созданных как внутри, так и вне данной культуры. Акцент при этом был сделан на том, что библиотеки территории развиваются не изолированно, а как составляющая библиотечной системы страны. «Региональные аспекты такой сложной в культурном отношении провинции, какой является Сибирь, точнее всего прочитываются через концепт «культурных гнезд»⁵, которые, имея уникальную местную специфику, тяготели непосредственно к общерусскому центру»⁶. «Культурными гнездами» в разное время являлись Тобольск, Иркутск, Томск и Омск, Новониколаевск (Новосибирск), там лучше, чем в других местах, развивались и библиотеки.

Определяли функционирование библиотек и географические особенности – удаленность региона, огромная территория и проживание на ней коренных народов Сибири и представителей разных национальностей, прибывших сюда в связи с освоением края. Все это способствовало формированию многослойной культуры. Нельзя отрицать и влияния разных религий и вероисповеданий.

Каждое социокультурное пространство – это единое целое, составные части которого объединены общими ценностями. Оно не только формирует особые типы и стили поведения людей, но и объединяет их чувством особого переживания пространства [6]. И региональный аспект, суть которого состоит в соотношении общего и отдельного в культурной сфере, при этом очень важен.

⁵ Понятие появилось в конце 1920-х гг. в работах Н.К. Пиксанова и часто используется для обозначения тесного единения явлений культуры и их деятелей, их органического слияния и сочетания истории культурного объекта вкупе с ее деятелями.

⁶ Дергачёва-Скоп Е.И., Алексеев В.Н. Концепт «культурное гнездо» и региональные аспекты изучения духовной культуры Сибири // Сибирская заимка. 2002. № 3. URL: http://www.zaimka.ru/03_2002/dergacheva_concept/ (дата обращения 28 марта 2011 г.).

При проведении региональных сугубо библиотечных исследований активно применялись и используются сейчас социально-экономический, ресурсно-деятельностный, организационно-функциональный, институциональный подходы, что стало темой отдельной публикации [14]. Ученые ориентировались на культурологические, социологические и регионоведческие концепции. Это отражено и в названии исследований: «Рациональное размещение и использование библиотечных ресурсов в Сибири и на Дальнем Востоке» (1981–1985), «Межведомственное взаимодействие библиотек Сибири и Дальнего Востока» (1986–1990), «Книга, читатель, библиотека в системе общественных отношений региона» (1991–1995), «Библиотечная деятельность в регионе в контексте теории устойчивого развития» (1996–2000), «Библиотечно-информационные ресурсы в научно-образовательном комплексе региона» (2001–2003), «Библиотека в структуре базовых социально-экономических процессов территории» (2002–2003), «Ресурсный потенциал информационно-библиотечной среды федерального округа (на примере Сибирского федерального округа)» (2004–2006), «Информационно-библиотечные ресурсы и развитие научно-образовательного и культурного комплекса территории» (2007–2009), «Библиотеки региона в системе современных социокультурных и научных коммуникаций» (2010–2012).

Развитию науки свойствен кумулятивный и интегративный характер. Это означает суммирование на каждом историческом этапе прошлых достижений – они не перечеркиваются последующими успехами познания, поскольку позволяют обеспечить функционирование научного знания, как особого вида социальной памяти, как стиля мышления. Стиль мышления базируется на фундаментальных категориях и понятиях, методах и принципах, схемах объяснения. Эталоны и способы описания знаний со временем меняются, так как меняется сама структура науки. Так, для современного этапа ее развития, как мы уже указывали, все более характерным становится переход от предметной к проблемной ориентации, что вызывает к жизни широкое развертывание междисциплинарных и комплексных исследований, проводимых методами различных научных дисциплин. Этот процесс характерен и для познавательной конструкции библиотечного знания, как знания и науки.

ЛИТЕРАТУРА

1. Шпенглер О. Закат Европы: Очерки морфологии мировой истории: в 2 т. М., 2003.
2. Тойнби А.Дж. Постигание истории : сб. / пер. с англ. Е.Д. Жаркова. М., 2001.
3. Хачатурян В.М. Н.Я. Данилевский и В.С. Соловьев о всемирно-историческом процессе и локальной цивилизации. М., 1993. Вып. 2. С. 166–172.
4. Ключевский В.О. Русская история : полн. курс лекций : в 3 кн. Ростов н/Д, 2000.
5. Орешина М.А. Россия региональная: теоретико-методологические аспекты изучения. М., 2000.
6. Беспалова Ю.М. Региональная культура в социокультурном пространстве России // Словцовские чтения-99. Тюмень, 1999. С. 236–238.

7. Рыженко В.Г. История культуры Западной Сибири в современном регионоведении: отечественные исследовательские традиции и новые возможности // Словцовские чтения-99. Тюмень, 1999. С. 264–267.

8. Рыженко В.Г., Быкова А.Г. Культура Западной Сибири: история и современность : учеб. пособие. Омск, 2001.

9. Садохин А.П. Этнология : учеб. для вузов по гуманит. спец. и направлениям. М., 2000.

10. Юшманов В.В. Регионализация и интеллектуализация России как первоочередные условия ее перехода к устойчивому развитию // Наука и образование в стратегии национальной безопасности и регионального развития. Екатеринбург, 1999. С. 225–235.

11. Ожегов С.И., Шведова Н.Ю. Толковый словарь русского языка. 3-е изд., стереотип. М., 1996.

12. Даль В.И. Толковый словарь русского языка. Современная версия. М., 2002.

13. Очерки истории книжной культуры Сибири и Дальнего Востока : в 5 т. Новосибирск, 2000–2006.

14. Артемьева Е.Б., Кожеевникова Л.А. Роль Государственной публичной научно-технической библиотеки Сибирского отделения Российской академии наук в развитии библиотечного знания и науки // Вклад информационно-библиотечной системы РАН в развитие отечественного библиотековедения. Новосибирск, 2011. С. 157–173.

СООБЩЕНИЯ

УДК 930+930.2

И.В. ПРОКОПЬЕВА

ИСПОЛЬЗОВАНИЕ С.М. СОЛОВЬЕВЫМ ЭПИСТОЛЯРНЫХ ИСТОЧНИКОВ ПРИ ХАРАКТЕРИСТИКЕ ЭПОХИ ПРОСВЕЩЕНИЯ В «ИСТОРИИ РОССИИ С ДРЕВНЕЙШИХ ВРЕМЕН»

Новосибирский государственный
педагогический университет
e-mail: Prokopieva_57@mail.ru

Цель настоящей статьи – охарактеризовать подходы С.М. Соловьева к работе с эпистолярными источниками начала XVIII в. при изучении некоторых аспектов эпохи Просвещения. Особое внимание уделяется методологии в его работе с эпистолярными источниками при описании деятельности Петра I по изданию, переводу и переплету книг в начале XVIII в. Выявлены и охарактеризованы два подхода С.М. Соловьева к анализу источников: 1) источник как материальный объект; 2) источник как информационный объект.

Ключевые слова: «История России с древнейших времен» С.М. Соловьева, эпистолярные источники, подходы к их изучению, эпоха Просвещения, Петр I.

Эпистолярные источники можно определить как вид источников личного происхождения с фиксированным адресатом, позволяющих установить межличностные связи, главным образом, в коэкзистенциальном целом (т. е. в каждый данный момент времени). В них содержатся факты, часто невозможные другими источниками.

В настоящей статье мы основное внимание уделяем методологии работы С.М. Соловьева с эпистолярными источниками начала XVIII в. на примере описания им отдельных аспектов эпохи Просвещения в «Истории России с древнейших времен». В качестве таких аспектов нами обозначены: издание книг, их перевод и переплет.

В 1707 г. из Голландии были привезены три азбуки новоизобретенных русских литер. Известно, что новоизобретенными литерами называли гражданский шрифт, которым начали печатать книги с 1708 г. Одной из первых книг, напечатанных гражданским шрифтом, был письмовник, переведенный с немецкого под названием «Приклады, како пишутся комплементы разные» [1, с. 320–321]. Исследователи относят письмовники к древнерусским эпистолярным источникам наряду с формулярниками. По мнению Т.А. Кругловой, письмовники представляют собой специальные своды эпистолярных образцов, таких как частные письма, послания и др. Они появились в России в конце XV в.

В письмовниках, как считает Н.П. Панкратова, закреплена эпистолярная традиция; она определяет письмовники как образцы, которые «в большинстве своем представляют... развернутое обращение, необыкновенно витиеватое, церковнославянизированное» [2, с. 136, 138, 143]. Следует отметить, что содержащиеся в письмовниках элементы церковно-славянской лексики наряду с народно-разговорными элементами эпистолярной традиции имели место в частной переписке XVII–XVIII вв.

В «Истории России» С.М. Соловьев различал русские и иностранные письмовники. Русские письмовники он называл «старинными русскими образцами писем», а иностранные – «прикладами». Изучая древнерусские письмовники, С.М. Соловьев сделал вывод о том, что в начале XVIII в. иностранные письмовники начали вытеснять русские [1, с. 320–321]. Мы выявили, что письмовник, на который указывал Соловьев, упоминается в эпистолярных источниках начала XVIII в., где он определен как «куплементальная книжка» [3, с. 542–543; 4, с. 12].

О.М. Медушевская определяла источник как «историческое явление», «продукт целенаправленной человеческой деятельности», т. е. источник рассматривается как материальный объект [5, с. 352]. На наш взгляд, именно такой подход к письмовникам применял С.М. Соловьев в своей «Истории».

Другой подход С.М. Соловьева к эпистолярным источникам заключается в том, что источник понимается как информационный объект; в рамках данного подхода он работал с содержанием источника. Такой подход исследователи определяли по-разному: А.С. Лаппо-Данилевский выделял «источник с фактическим содержанием» [6, с. 286; 7, с. 36], С.О. Шмидт рассматривал источник как «источник информации о прошлом» [8, с. 77].

С.М. Соловьев, применяя данный подход к эпистолярным источникам начала XVIII в., особое внимание обращал на осуществление перевода книг с иностранных языков и заботы Петра I о качестве перевода. На основании письма государя переводчику И.Н. Зотову в феврале 1709 г. историк сделал вывод о том, что «Петр сам поправлял переводы и учил как переводить» [1, с. 321]. Чтобы понять методологию работы Соловьева с эпистолярными источниками, нам представляется уместным сравнить два варианта текста указанного письма Петра I: опубликованный вариант и его интерпретацию Соловьевым в «Истории».

Полный текст опубликованного письма Петра I к И.Н. Зотову от 25 февраля 1709 г.

«Книгу о фортификации *манеры Блонделевой*, которую вы *переводили*, мы *оною* прочли *и* разговоры zelo хорошо и внятно переведены. *Но* как учить *оной* фортификацию делать, *также в табелех мера не именовано, футы ли или тоузы, то zelo темно и непонятно переведено*, которой лист, переправя, вклеили в книгу, а старай, вырезав *притом* же посылаем, где сами увидите погрешение или невнятность. И того ради *подлежит* вам в той книжке, которой ныне переводите, остере~~тца~~*тца* в том, дабы внятнее перевесть, а особливо те места, которые учат, как делать, и не надлежит речь от речи хранить в переводе, но, точно *сене* выразумев, на свой язык уже так писать, как внятнее может быть» [9, с. 106].

Интерпретация письма С.М. Соловьевым

«Книгу о фортификации, которую вы *перевели*, мы прочли : разговоры zelo хорошо и внятно переведены ; но как учить фортификацию делать, *то zelo темно и непонятно переведено, также в табели мера не именована, который лист*, переправя, вклеили в книгу, а стар~~ый~~*ый*, вырезав *при том* же посылаем, где сами увидите погрешение или невнятность. И того ради *надлежит* вам в той книжке, которую ныне переводите, остере~~чься~~*чься* в том, дабы внятнее перевесть, а особливо те места, которые учат, как делать, и не надлежит речь от речи хранить в переводе, но, точно *сие* выразумев, на свой язык уже так писать, как внятнее может быть» [1, с. 321].

Сравнение опубликованного письма с интерпретацией его Соловьевым показывает, что текст письма приведен историком полностью с небольшими изменениями, которые касаются в основном структуры, пунктуации, наличия некоторых различий и незначительных пропусков. Текст опубликованного письма Петра I содержит три предложения, а в интерпретации Соловьева – два предложения. Варианты текста имеют следующие различия: указательное местоимение «эти» в первом тексте используется как «сене», во втором – как «сие»; глагол «переводить» в публикации письма употребляется в несовершенном виде – «переводили», у С.М. Соловьева – в совершенном – «перевели»; модальный глагол «нужно» используется с разными префиксами: в первом тексте «подлежит», в «Истории» – «надлежит»; в первом тексте между «прочли» и «разговоры» имеется союз «и», в другом варианте – двоеточие. Во втором предложении опубликованного письма прилагательное «которой» относится к существительному «книга», у историка – к слову «лист». Заметим, что «притом» в первом тексте является *союзом* и воспринимается как синоним союзов «вместе с тем», «к тому же», а во втором варианте текста «при том» – это сочетание *предлога с указательным местоимением*. В «Истории» Соловьева пропущены: союз «и», местоимение «оное» (т. е. *вышеупомянутый*), выражения: «в манере Блонделевой¹» и «футы ли или тоузы».

Сведения из эпистолярных источников корректно использованы С.М. Соловьевым, а выявленные различия и пропуски незначительны и не искажают содержания опубликованного письма в интерпретации его историком.

Анализируя эпистолярные источники начала XVIII в., Соловьев писал, что «тогда же [т. е. в январе 1709 г.] И.А. Мусин-Пушкин получил от царя для напечатания книгу историческую о Троянской войне» [1, с. 321]. Мы выяснили, что такие сведения приводятся историком из письма Мусина-Пушкина от 27 января 1709 г.: получил «письмо твое, государево, писанное в 19 день генваря [т. е. 19 января]... при котором принял книгу историческую о Троянской войне и шведские артикулы» [10, с. 600]. Таким образом, вопросы издания («печатания») книг изучались С.М. Соловьевым на основе содержания эпистолярных источников начала XVIII в.

В этом же письме содержатся следующие факты, цитируемые историком: «по указу твоему, – писал Петру I Мусин-Пушкин, – шведские артикулы, выправя, печатать будем; геометрическая книга [точнее: «Приемы циркуля и линейки»] скоро не поспеет для фигур, архитектурная книга [находится. – И. П.] у Гагарина, 2000 календарей послал в армию для продажи, меньшие по 4 копейки, большие по 5, послал 30 книжек кумплементальных, то же число слюзных²» [1, с. 321]. С.М. Соловьев, цитируя данное письмо, не ссылается на него.

В указанную цитату из письма Соловьев включил также сведения о том, что «Эзопову книгу [точнее, Басни Эзопа на латинском и русском языках. – И. П.] славянским диалектом исправили и можем напечатать вскоре». Эта фраза в тексте письма Мусина-Пушкина Петру I от 27 января 1709 г. отсутствует. Она содержится в другом его письме от 16 января [11, с. 628]. Мы обнаружили, что указания Петра I об исправлении «эзоповой книги славянским диалектом» имеются в письме царя к Мусину-Пушкину от 25 января 1709 г.: «эзопова книжка послана... для того, чтобы... речи выправить на славянский язык и напечатать» [12, с. 51]. С.М. Соловьев не ссылается на это письмо в «Истории России», но мы полагаем, что он обращался к этому источнику в процессе работы над «Историей», поскольку сведения о переводе басен Эзопа на славянский язык содержится не в одном эпистолярном источнике начала XVIII в.

Таким образом, работая с письмами, С.М. Соловьев использовал цитаты из разных эпистолярных источников, касавшихся одной проблемы. Можно сделать вывод о том, что историк опирался только на сведения, которые отражали результат деятельности личности, а просьбу или указание, побуждающие к деятельности, Соловьев не упоминал.

¹ «Блонделева книга» – это книга Ф. Блонделя «Новая манера укрепления городов», издана в переводе И.Н. Зотова в 1711 г.

² Слюзная книга – «Книга о способах, творящих водохождение рек свободное».

Следует отметить, что Л.В. Черепнин и В.Е. Иллерицкий, изучая методологию работы С.М. Соловьева с источниками, обращали внимание на наличие в представленных источниках «вставок» из других текстов. Так, Л.В. Черепнин писал, что историк составлял текст «из кусков», взятых из разных источников одного вида. Этот метод, по свидетельству автора, Соловьев использовал в работе с летописными и актовыми источниками [13, с. 31; 14, с. 102]. Мы показали, что указанный метод применялся С.М. Соловьевым и в работе с эпистолярными источниками начала XVIII в.

Мы полагаем, что автор «Истории России», подчеркивая недовольство Петра I печатью и переплетами книг, основывался на его письме И.А. Мусину-Пушкину от 4 января 1709 г., но не сослался на него. В этом письме Петр писал, что в книгах, дошедших ему с письмом Мусина-Пушкина (в том числе, в азбуке), «печать... зело перед прежнею худя, не чиста и толста» и «переплет очень дурен» [4, с. 12]. Таким образом, вывод С.М. Соловьева о том, что «Петр был недоволен печатью и переплетами» книг, основывался на содержании эпистолярных источников начала XVIII в. [1, с. 321]. Еще одно письмо Мусина-Пушкина Петру I (от 16 января 1709 г.) свидетельствует о недовольстве царя переплетами и печатью: «Письмо твое, государево... получил... в котором писано о худобе печати и переплету в присланных книжках...» [3, с. 542]. Приведенные нами письма отражают недовольство Петра I переплетами и изданием книг, замеченное С.М. Соловьевым и, несмотря на то, что он не приводил прямые ссылки на эти эпистолярные источники, использование историком хотя бы одного из них нам кажется очевидным.

Таким образом, при изучении некоторых аспектов эпохи Просвещения в «Истории России с древнейших времен» С.М. Соловьев применял к эпистолярным источникам два подхода: 1) источник рассматривался как «историческое явление» и 2) как «источник информации о прошлом». Первый подход использован им при характеристике письмовников; второй – при описании некоторых сюжетов эпохи Просвещения на основе содержания эпистолярных источников начала XVIII в. В рамках второго подхода мы сочли возможным провести сравнение опубликованных писем начала XVIII в. и цитат С.М. Соловьева, заимствованных из этих писем в «Истории России». На основе этого сравнения можно утверждать, что историк, работая с письмами, формировал цитаты из разных эпистолярных источников, содержащих сведения по изучаемой им проблеме.

ЛИТЕРАТУРА

1. Соловьев С.М. История России с древнейших времен // Соловьев С.М. Сочинения : в 18 кн. М., 1993. Кн. 8, т. 15–16. 639 с.
2. Панкратова Н.П. Элементы эпистолярной традиции в частной переписке XVII в. // Исследования по лингвистическому источниковедению : сб. ст. М., 1963. С. 134–143.
3. Письмо И.А. Мусина-Пушкина к Петру I от 16 января 1709 г. // Письма и бумаги императора Петра Великого. М., 1952. Т. 9, вып. 2. С. 542–543.
4. Письмо Петра I к И.А. Мусину-Пушкину от 4 января 1709 г. // Письма и бумаги императора Петра Великого. М.; Л., 1950. Т. 9: Январь–декабрь 1709 года. Вып. 1. С. 12–13.
5. Медушевская О.М. Теория и методология когнитивной истории. М., 2008. 360 с.
6. Лаппо-Данилевский А.С. Методология истории. М., 2006. 472 с.
7. Лаппо-Данилевский А.С. Очерк русской дипломатики частных актов. СПб., 2007. 283 с.
8. Шмидт С.О. Путь историка: Избранные труды по источниковедению и историографии. М., 1997. 612 с.
9. Письмо Петра I к И.Н. Зотову от 25 февраля 1709 г. // Письма и бумаги императора Петра Великого. М.; Л., 1950. Т. 9, вып. 1. С. 106.
10. Письмо И.А. Мусина-Пушкина к Петру I от 27 января 1709 г. // Письма и бумаги императора Петра Великого. М., 1952. Т. 9, вып. 2. С. 600.
11. Пекарский П.П. Наука и литература в России при Петре Великом. СПб., 1862. Т. 1, № 221.
12. Письмо Петра I к И.А. Мусину-Пушкину от 25 января 1709 г. // Письма и бумаги императора Петра Великого. М.; Л., 1950. Т. 9, вып. 1. С. 50–51.
13. Черепнин Л.В. С.М. Соловьев как историк // Соловьев С.М. История России с древнейших времен : в 15 кн. М., 1960. Кн. 1, т. 1–2. С. 5–51.
14. Иллерицкий В.Е. Сергей Михайлович Соловьев. М., 1980. 192 с.

УДК 028 (09) (470.56)

Т.Н. САВИНОВА

КРУГ ЧТЕНИЯ ЖИТЕЛЕЙ ОРЕНБУРГСКОЙ ГУБЕРНИИ В КОНЦЕ XIX – НАЧАЛЕ XX в.

Институт степи УрО РАН,
г. Оренбург
e-mail: anaitat2009@yandex.ru

В статье рассматриваются вопросы востребованности книг и периодических изданий жителями Оренбургской губернии в конце XIX – начале XX в. Показано, что она находилась в прямой зависимости от уровня образования, финансового состояния читателей, читательских пристрастий горожан и сельского населения. Существовали различные формы распространения – через подписку, книжную торговлю, библиотеки. Приводятся сведения о фондах библиотек Оренбургского казачьего войска до декабря 1918 г. Показано преобладание в библиотеках художественной литературы и недостаточное количество научной и профессиональной, отмечена зависимость спроса на периодические издания, прежде всего, от рекламы и политического положения в стране.

Ключевые слова: круг чтения в провинции, история библиотечного дела, Оренбургское казачье войско, библиотеки.

Книги могут быть востребованы, как минимум, только среди грамотного населения. Проведенная в 1868 г. однодневная перепись в Оренбурге, Верхнеуральске, Орске, Троицке, Илецкой Защите и Миасском заводе показала, что в этих городах из 61 398 чел. населения неграмотных было 44 456, т. е. три четверти всех зарегистрированных. Причем из 100 мужчин неграмотными были 63, а из 100 женщин – 84. Даже в Оренбурге – столице губернии – из 34 330 жителей обоего пола неграмотными были 22 641 чел., или 66 % [1, с. CIV].

По-иному дело обстояло в Оренбургском казачьем войске. Учитывая стремление родителей к обучению своих детей и строительству школ на общественные средства, наказной атаман генерал-майор К.Н. Боборыкин приказом от 19 августа 1871 г. ввел обязательное обучение детей казаков с 8–9-летнего возраста, и это дало свои результаты. В среднем в 1894–1896 гг. на 13,2–13,5 чел. населения приходился один учащийся. На 1 января 1898 г. грамотных среди казаков было более четверти миллиона: 145 200 душ муж. пола и 145 266 душ жен. пола (количество населения, соответственно, 188 571 и 194 200)¹. Отсюда доля грамотных среди мужского населения достигала 77 %, среди женского – 52,7 %, а в целом – 64,7 %.

Поскольку к концу XIX в. произошло увеличение числа грамотных в губернии, это сказалось на востребованности периодических изданий и книг. В 1868 и 1869 гг. в Оренбургской и для сравнения в некоторых близлежащих губерниях выписывалось небольшое количество названий периодических изданий (см. таблицу).

Что касается количества читателей на одно периодическое издание в этих же губерниях в 1868–1869 гг., то оно характеризуется следующими цифрами²:

	1868 г.	1869 г.
Оренбургская	714	545
Уфимская	1962	1166
Самарская	1200	932
Пермская	861	589

В 1878 г., по данным И.Ф. Лобысевича, в Оренбурге выписывалось до 800 экз. журналов и до 450 экз. газет. Наибольшим вниманием пользовались такие газеты, как «Русский мир» (64 экз.), «Новое время» (52 экз.), «Санкт-Петербургские ведомости» (21 экз.), «Русский инвалид» (34 экз.), затем следовали «Голос», «Биржевые ведомости» и «Московские ведомости». Из журналов популярными были «Нива» (79 экз.), «Отечественные записки», «Вестник Европы» (29 экз.), затем – «Дело», «Всемирная иллюстрация» [2, с. 11].

Доминирование «Нивы» не случайно. К концу XIX в. журнал стал настоящим массовым изданием благодаря использованию передовых организационных форм для постоянного расширения круга читателей. Это были новые для России премиальные книги и целые серии книг для подписчиков, оформивших годовой абонемент. «Сотни тысяч провинциальных подписчиков “Нивы” и др. журналов получают в приложениях книжку, которая, попадая в народ, увеличивает его книжный ассортимент, – писал М.Н. Куфачев. – И главным потребителем книг, самым многочисленным покупателем книг является уже народ, а не “чистая публика”» [3, с. 229]. Зачастую из журналов и приложений к ним и состояла личная библиотека провинциального читателя. В частности, это отчасти подтверждают и отчеты уездных исправников Оренбургской губернии, составленные в феврале 1894 г. по настоятельному требованию оренбургского губернатора. Из Челябинска докладывали, что «в уезде есть у многих лиц, как то: духовенства, купечества и даже волостных писарей много книг, но собрались они при следующих условиях: лица эти выписывают дешевые периодические

¹ Государственный архив Оренбургской области (ГАОО). Ф. 10. Оп. 2. Д. 108. Л. 186.

² Пугачев В.В. Читатели российской провинции. Уфимская губерния. URL: http://student.km.ru/ref_show_frame.asp. (дата обращения: 7 октября 2007 г.).

**Данные о подписке на периодические издания в Оренбургской, Уфимской, Самарской
и Пермской губерниях в 1868–1869 гг.***

Губерния	Ежедневные газеты		Еженедельники		Ежемесячные журналы	
	наимен.	экз.	наимен.	экз.	наимен.	экз.
<i>1868 г.</i>						
Оренбургская	12	483	10	285	24	646
Уфимская	13	293	10	107	22	258
Самарская	13	802	11	329	24	546
Пермская	13	802	11	663	25	1018
<i>1869 г.</i>						
Оренбургская	15	543	19	438	—	—
Уфимская	14	376	17	248	39	483
Самарская	15	563	21	454	40	796
Пермская	16	989	21	1085	41	1554

* Пугачев В.В. Читатели российской провинции.

журналы, при которых ежегодно прикладываются, в виде премии, по 12 книг. Это есть или переводные иностранные романы, или сочинения русских авторов, вполне одобренные цензурой»³.

К концу XIX в. в провинциальных городах, в том числе в Оренбурге, заметным стало расширение книжной торговли. Появились книжные магазины, лавки и даже «столики». Все это, несомненно, было связано с увеличением читающей публики. «Наращение читателя совершается неизменно и непрерывно, — писал Н.А. Рубакин в 1890-е гг. — Это наращение, в сущности, есть необходимый вывод из истории последних 30 лет, следствие реформ императора Александра II, внесших в русскую жизнь столько свежего и нового..., необходимый вывод из эмансипации крестьян, увеличения числа школ, успехов грамотности... Грамотность вызывает стремление к книге; спрос на книги идет даже быстрее развития грамотности». Рубакин, кстати, отмечал значительно большую роль книжной торговли в распространении книги по сравнению с библиотеками [4, с. 141].

В Оренбурге с 1883 г. «столики на толчке [рынке]» для продажи «русских книг преимущественно для народного чтения» имели оренбургский мещанин Н. Григорьев, крестьянин Н.П. Хромов, крестьянка А. Никитина, отставной унтер-офицер Ф.П. Хромов⁴.

В 1915 г. в Оренбурге имелись «специально книжный» магазин «Букинист» М.В. Бабкина, магазины Хусаинова и К°, губернского комитета Общества трезвости. Книжная лавка Михаило-Архангельского братства торговала церковными книгами и учебниками (существовала с 1889 г.⁵). Кроме того, работали киоски для продажи газет [5, с. 43].

Известно, что в книжных магазинах продавалась не только разрешенная литература, но и нелегальная. Так, в 1908 г. после обыска в магазине Ф.Г. Каримова стражи порядка конфисковали 469 названий марксистско-ленинских изданий в количестве 1171 экз. [6, с. 68].

Оренбургские мещанки в 1900–1905 гг. читали Сенке-

вича, Писемского, Никитина, Некрасова, Чехова и Ж. Верна, некоторые отдавали предпочтение «божественным» книгам, но покупали также на свои небольшие сбережения пятикопеечные бульварные книжечки «Эрика — степная красавица» и «Липс Тулиан — знаменитый разбойник Германии». Учительницы воскресных школ объясняли последний выбор своих учениц «серой средой...», в которой только книга с захватывающим, полным всяких неожиданностей сюжетом, встряхивает нервы и одурманивает на некоторое время» [7, с. 2]. Круг чтения челябинской интеллигенции самого начала XX в. можно представить, сделав скидку на политические взгляды и интересы конкретного человека, по мемуарам акционного чиновника Константина Николаевича Теплоухова.

Спросом пользовались книги, содержавшие какие-либо практические советы. Теплоуховы не стали исключением: так, покупались пособия по фотографии (когда началось увлечение этой технической новинкой) и пчеловодству (новое занятие этой семьи).

В мемуарах находим и характеристику некоторых периодических изданий: «В Челябинске в это время [1904 г.] выходила газета “Челябинский листок” или что-то в этом роде — весьма жиденькая, — я ее не получал»; «на этот год [1908] выписали: “Новое Время”, “Голос Москвы” — умеренные с правым оттенком газеты; “Природа и Люди”, “Огонек”, “Стрекоза”, “Фотограф-любитель”, “Мирон” и “Охотничий вестник”»; «на этот год [1909] я выписывал неизменное “Новое Время”; оно мне нравилось больше всех остальных газет. Не говоря уже про направление, “Н. В.”, как наиболее богатая газета, могла иметь лучших сотрудников, и весь номер читался с большим интересом с начала до конца. Невольно припоминаешь это теперь — в четвертый десяток столетия, когда газеты превратились полностью в агитационную макулатуру. Лозунг “Нов[ого] Вр[емени]” — “Россия — для русских” вызывал ожесточенное хрюканье и визг большинства выходивших газет, и чем левее газета — тем неистовее. Кроме “Нов[ого] Вр[емени]”, выписывал еженедельные журналы “Вокруг Света” — ради приложений — и пустой журнальчик для легкого чтения “Огонек” — очень дешевый, издавал “наш” Проппер» [8, с. 73].

Служащие стремились иметь в своих домашних биб-

³ ГАОО. Ф. 10. Оп. 1. Д. 117. Л. 10–10 об.

⁴ Там же. Д. 97. Л. 13.

⁵ Там же.

лиотеках и сугубо специальную литературу, касавшуюся их профессиональной деятельности, о чем свидетельствуют отчеты библиотек. В этой связи представляет интерес сохранившийся отчет оренбургского городского санитарного врача. Эту должность в 1906 г. занял Иван Константинович Кондорский. Через год им был составлен отчет, в котором имеются краткие сведения о состоянии крохотной библиотеки санитарного бюро, а также его личной библиотеки. «Конечно, этой библиотеки было бы мало, – писал он в упомянутом отчете, – если бы у санитарного врача не было своей собственной, но можно надеяться, что библиотека будет ежегодно расти и, наконец, обзаведется необходимыми изданиями для возможности иметь под руками все нужное для работы» [9, с. 11–12].

Таковыми же скудными были и другие домашние (и не только) библиотеки. Так, историк Петр Николаевич Столпянский, составляя каталог книг екатерининской эпохи, отмечал в письме от 8 июня 1905 г. академику В.И. Саитову: «Все местные библиотеки (местных учебных заведений, правительственных мест) были к моим услугам и... я заканчиваю в них работать, у меня собран весь материал по интересующей меня части – эпохи Екатерины – из всего, что было здесь, а было немного – следующие журналы (сначала из изданий): “Русская старина”, “Русский архив”, “Исторический вестник”, “Вестник Европы”, несколько академических изданий, отрывочные тома изданий различных архивов, да около 300–400 старопечатных книг (1762–1796 гг.). Но... дальнейшая работа немыслима в Оренбурге, ибо нет книг»⁶.

Вдали от городов потребность в чтении, особенно среди крестьянско-казацкого населения, была развита намного слабее. «При разъездах по уезду замечено, – писал в отчете троцкий уездный исправник в феврале 1894 г., – что потребность в чтении среди простого люда еще не развилась. В домах чуть есть грамотные, имеются книги религиозно-нравственного содержания. О газетах и периодических журналах народ понятия не имеет»⁷.

Определить, какая литература являлась наиболее востребованной в библиотеках, можно далеко не по всем отчетам. Если судить по составу фондов, то самым большим (и, видимо, самым востребованным) был отдел беллетристики, затем следовал отдел исторической литературы. В целом, основываясь на отрывочных сведениях книговыдачи по библиотекам, картина вырисовывается следующая. Так, 25 марта 1900 г. в с. Ново-Покровском Орского уезда открылась бесплатная народная библиотека Общества попечительства о народной трезвости. До 1 января 1901 г. ее читателями состояли 68 чел., которым выдали 400 книг духовно-нравственного и исторического содержания⁸.

В начале XX в. отмечается потребность в распространении передового опыта и научных знаний. Использование крестьянами (поземельных товариществ Оренбургского уезда) земских библиотек, приспособленных к их потребностям, пробуждало у них интерес к теоретическим знаниям по сельскому хозяйству и практическому применению их в своих товариществах [10, с. 23].

В 1915 г. в губернской типографии были отпечатаны

стандартные каталоги народных библиотек-читален Оренбургского уездного земства, отражавшие структуру фонда. На оставленных после каждого раздела чистых листах библиотекари вели записи новых поступлений. По сохранившимся каталогам Ташлинской и Троицкой земских народных библиотек-читален мы можем составить представление о книжном фонде земских библиотек уезда [11; 12]. Самыми крупными были отделы беллетристики и сельскохозяйственной литературы, причем последний имел книги как социально-организационного плана (об организации различных товариществ и артелей), так и практического – имелись разделы по земледелию, растениеводству и животноводству. Однако в «Докладе Оренбургской уездной земской управы» отмечалось, что в библиотеках недостаточно брошюр по агрономии. Многие из имевшихся изданий уже не отвечали современным требованиям; кроме того, отсутствовали издания из соседних уездных земств, которые могли бы содействовать обмену опытом [13, с. 3].

С 1914 г., по свидетельству библиотекарей того времени, заметно возрос спрос на газеты, что вполне понятно – массового читателя интересовали новости с фронта. Так, земская библиотека дер. Мраковой, «на будущность которой еще недавно можно было смотреть грустно» из-за ужасной постановки школьного образования, быстро стала гордостью села. Ее показывали гостям как местную достопримечательность; уже через один-два месяца после ее открытия читатели разобрали почти половину библиотечных книг на татарском языке, спросом пользовались газеты и журналы⁹. Кроме библиотек-читален, в 1917 г. в Оренбургском уезде на средства, выделенные губернскими земствами, было открыто 30 изб-читален «для того, чтобы приблизить газету к населению» [14, с. 62].

В отчете окружного правления 1-го округа Оренбургского казачьего войска по отделу народного образования от 16 декабря 1918 г. содержатся сведения о работе Сакмарской библиотеки-читальни. В частности, сообщается: «Читальню в течение месяца посетил 2021 чел., так что газеты, полученные читальней в 1 экз., в один день зачитываются до полной непригодности, и библиотекарь просит высылать газеты в 3–4 экземплярах»¹⁰. Востребованными были и книги. 23 августа 1918 г. отдел народного образования этого округа обратился в Войсковое правительство с просьбой отправить из центрального книжного склада часть книг для пополнения и комплектования библиотек-читален¹¹. Список книг, взятых из центрального войскового склада, включал 486 наименований. В основном было получено по 1–2 экз. каждой книги, но некоторые произведения выделены и в больших количествах. Так, наиболее популярными были К. Гамсун (т. 1 – 19 экз., т. 2 – 32, т. 3 – 20, т. 4 – 37, т. 5 – 17), Г. Ибсен (т. 1 – 7 экз., т. 2 – 23, т. 3 – 31, т. 4 – 34), Мельников-Печерский (т. 1 – 19 экз., т. 2 – 13, т. 3 – 7, т. 4 – 6, т. 5 – 5, т. 6 – 30, т. 7 – 8), Мей (т. 1 – 45, т. 2 – 33), Писемский (т. 1 – 52 экз., т. 2 – 10, т. 3 – 38, т. 4 – 14, т. 6 – 1, т. 7 – 13, т. 8 – 28, т. 10 – 2), Г.И. Успенский (т. 1 – 15 экз., т. 2 – 19, т. 3 – 9, т. 4 – 14, т. 5 – 16, т. 6 – 14). Из тех писателей, книги которых не оставались без внимания читателей (видимо, поэтому было выделено по несколько экземпляров каждого издания), можно назвать

⁶ Джунджузов С.В. Письма П.Н. Столпянского академику В.И. Саитову (1903–1907 гг.) // Вечер (Оренбург). 1999. 7 окт.

⁷ ГАОО. Ф. 10. Оп. 1. Д. 117. Л. 11 об.

⁸ ГАОО. Ф. 10. Оп. 1. Д. 201/а. Л. 45–46.

⁹ Оренбургское земское дело. 1915. № 1. С. 15–16.

¹⁰ ГАОО. Ф. 1912. Оп. 2. Д. 52. Л. 51.

¹¹ Там же. Л. 16.

С. Аксакова, Боборыкина, Вересаева, Гаршина, Н.В. Гоголя, В.А. Жуковского, Лепелласе (14 экз.), М.Ю. Лермонтова, Маурина (24 экз.), М. Метерлинка, Помяловского, А.С. Пушкина, Ростана, С.М. Сольвьева, Л.Н. Толстого, Тулупова, О. Уайльда¹².

В связи с распределением кредитов на библиотеки-читальни в 1918 г. Войсковое правительство Оренбургского казачьего войска просило прислать «исчерпывающие ответы» о работе функционирующих библиотек. Сохранились анкеты 10 библиотек¹³. Из художественной литературы их читатели отдавали предпочтение произведениям А.Ф. Писемского, Мельникова-Печерского, Станюковича, Шеллера-Михайлова, Лескова, после беллетристики наиболее востребованной была литература по сельскому хозяйству.

Из вышеизложенного можно сделать некоторые выводы о круге чтения обитателей оренбургской «глубинки» в изучаемую эпоху. Очевидно, что при оценке предпочтений рядового потребителя, покупающего издательскую продукцию для личного пользования, следует исходить в первую очередь из уровня его образованности, а затем из стоимости изданий. Интеллигенция приобретала для домашних библиотек периодику, а также специальную и художественную литературу. Основная масса грамотного населения предпочитала недорогие художественные книги и бесплатные издания, доступные в изложении. В библиотеках наиболее востребованной оказалась художественная литература, затем – периодические издания и, наконец, специальные. Приоритет художественной литературы объяснялся также тем, что удовлетворить полностью профессиональные читательские потребности в Оренбургской губернии не могла практически ни одна библиотека: специальная литература в их фондах была представлена весьма скудно.

ЛИТЕРАТУРА

1. Список населенных мест по сведениям 1866 года. XXVIII: Оренбургская губерния. СПб., 1871.
2. Лобысевич И.Ф. Город Оренбург: историко-статистический очерк. СПб., 1878.
3. Куфаев М.Н. История русской книги в XIX в. Л., 1927.
4. Рубакин Н.А. Этюды о русской читающей публике. СПб., 1895.
5. Галактионов Г.Я. Справочник по городу Оренбургу с торгово-промышленным указателем и подробным планом города Оренбурга. Оренбург, 1915.
6. Рахимкулова М.Ф. Медресе «Хусаиния» в Оренбурге (посв. 160-летию Ахмет бая Хусаинова). 2-е изд., доп. Оренбург, 1997.
7. Отчет о деятельности Оренбургской женской воскресной школы за 1903/04 учебный год. Оренбург, 1905.
8. Теплоухов К.Н. Челябинские хроники: 1899–1924 гг. Челябинск, 2001.
9. Кондорский Ив. Отчет о деятельности оренбургского городского санитарного врача за 1907 год. Оренбург, 1908.
10. Бриллиантова И.Т. Крестьяне Оренбургского уезда (поземельные товарищества 1900–1913): автореф. дис. ... канд. ист. наук. Оренбург, 1999.
11. Каталог книг Ташлинской народной библиотеки-читальни Оренбургского уездного земства. Оренбург, 1915.
12. Каталог книг Троицкой народной библиотеки-читальни Оренбургского уездного земства. Оренбург, 1915.
13. Доклад Оренбургской уездной земской управы об участковой агрономии в Оренбургском уезде. Оренбург, 1914.
14. Кобзов В.С., Семченко И.В. Земские инициативы во внешкольном образовании в Оренбургской губернии в 1917 году: к 85-летию проф. А.П. Абрамовского // Вест. Челяб. гос. ун-та. 2009. № 32 (170), вып. 35: История.

¹² Там же. Л. 17–23 об.

¹³ Там же. Л. 13, 44, 48–50, 59–60 об.

УДК 19.61.09(470+571)

И.В. ЛИЗУНОВА

РОССИЙСКОЕ ТЕЛЕВИДЕНИЕ В НАЧАЛЕ XXI в.: ОРГАНИЗАЦИОННАЯ СТРУКТУРА И ТЕХНОЛОГИИ ВЕЩАНИЯ

Государственная публичная
научно-техническая библиотека СО РАН,
г. Новосибирск
e-mail: kniga@spsl.nsc.ru; 2004liv@ngs.ru

Статья посвящена проблемам эволюции существующих и активному становлению на современном этапе новых систем электронных СМИ. Представлена классификация организационной структуры российского телевидения. Дается описание основных субъектов и процессов функционирования отрасли, рассматриваются особенности и противоречия ее формирования. Основной акцент делается на выявление специфики технологий и способов вещания, позволяющих охарактеризовать современное состояние отечественной телевизионной индустрии и прогнозировать характер ее дальнейших преобразований.

Ключевые слова: телевидение, медиаотрасль, кабельные сети, спутниковое вещание, IP-TV, мобильное ТВ, Интернет.

Телевидение занимает особое место в современной российской медиаиндустрии. За два последних десятилетия телевизионный ландшафт страны чрезвычайно изменился. И если в последнее десятилетие XX в. на фоне демонтажа системы государственного телевидения, становления рекламного рынка и законодательной базы отрасли закладывались индустриальные основы российского телевидения, то в первое десятилетие нового века наблюдались несколько иные процессы, а именно: диверсификация, формирование многоканальности, внедрение новых технических средств и каналов доставки, усложнение контента, сегментация аудитории и др.

Динамика и вектор эволюции современных электронных СМИ отражают как национальные, так и мировые тенденции. Покрывая огромную территорию, телевидение, по мнению Н.Н. Алпеевой, «представляет собой широкое типологическое разнообразие видов и форм, сохраняет целостность всей системы средств массовой информации России, при этом само является вполне упорядоченной структурой» [1, с. 3].

Современное российское телевидение обладает целым комплексом типологических характеристик, обобщение и варианты классификации которого предлагают ученые и практики отрасли: Я.Н. Засурский, Г.В. Кузнецов, В.Л. Цвик, А.Я. Юровский, Е.Л. Вартанова, В.П. Коломиец, С.Н. Ильченко, И.А. Полуэхтова.

Принимая во внимание их мнения, а также учитывая другие характеристики и существенные черты электронных масс-медиа, можно прийти к выводу о существовании следующих классификаций современного российского телевидения:

1. По способам трансляции телевизионного сигнала необходимо выделить основные (в настоящее время в России ими являются: эфирное, кабельное и спутниковое вещание) и дополнительные. К таким технологиям доставки телевидения относятся появившееся относительно недавно широкопо-

лосное интернет-телевидение (IPTV – телевидение через IP-протокол) и мобильное телевидение.

2. По способу доставки готового контента телевидение можно представить как централизованное и сетевое.

3. По организационному происхождению все предприятия телевидения следует разделить на:

- созданные на существующей материально-технической базе прежних вещательных компаний;
- новообразованные структуры;
- организованные творческими объединениями с частичным использованием МТБ существовавших ранее вещательных структур.

4–5. Всех участников – организаторов вещательного процесса по специфике деятельности можно классифицировать по двум основным направлениям:

- индустрия производства телевизионного контента (отношение к контенту как структурообразующему понятию в деятельности отдельного вещателя);
- контент (содержание вещания) и его особенности в зависимости от того сегмента аудитории, на которую ориентирован конкретный вещатель.

Всех поставщиков контента, исходя из первого выделенного выше направления действующих в сфере российских электронных СМИ, можно разделить на несколько категорий: вещатели, программнопроизводящие компании, дистрибьюторы, агрегаторы, операторы. Второе направление позволяет распределить телевещателей по следующим группам: универсальное/массовое телевидение (каналы общего интереса) и специализированное/тематическое/нишевое телевидение (каналы специального интереса).

6. По доступности для абонентов: помимо бесплатного/общедоступного телевидения можно говорить о быстроразвивающейся модели платного доступа к каналам/программам – платном телевидении.

7. По форме собственности традиционно принято делить предприятия отрасли на государственные, частные и смешанные.

8. По типу сигнала вещание бывает аналоговым (существует в России не один десяток лет) и цифровым, на которое страна должна полностью перейти к 2015 г., а также стандартным (SD) и внедряемым в последние годы – высокой четкости (HD).

9. И наконец, если учесть охват вещания/географический рынок, то необходимо выделить общенациональное/федеральное и региональное/местное телевидение, осуществляющее вещание на город (область, край, федеральный округ) и предлагающее зрителям контент, непосредственно затрагивающий проблемы и интересы жителей региона.

Учитывая тему статьи, более подробно остановимся на первом классификационном признаке телевидения – способах доставки телевизионного сигнала. Россия по-прежнему располагает самой сложной в мире пространственной организацией вещания. Это влияет на разнообразие организации трансляции телевидения в Сибирском и Дальневосточном регионах. Территория страны разделена на пять зон вещания, имеющих сдвиг на шесть часовых поясов, три из которых приходятся на Сибирь и Дальний Восток. Транспортировка и доставка телесигнала его потребителям – зрительской аудитории – является технически трудоемким, многоступенчатым, многовариантным и финансово-затратным процессом. Сложности данного процесса объясняются различными факторами, прежде всего огромной территорией страны, природно-географическими условиями и плотностью населения в различных ее регионах, наличием нескольких часовых поясов и т. п.

Эфирное аналоговое телевидение, использующее традиционный способ распространения телесигнала от телевышки до телесистемы потребителей, исторически возникло одним из первых. К середине 1980-х гг. в России была создана гигантская по своим масштабам, самая крупная и не имеющая аналогов в мире унифицированная инфраструктура, покрывающая телевизионным сигналом практически всю территорию страны. Телепрограммы зрителям страны доставляли 160 программных телецентров, 18 тыс. передатчиков, 10 спутников и 500 тыс. км наземных линий связи [2, с. 100]. Помимо спутниковых систем телесвязи протяженная сеть наземных радиорелейных и кабельных линий связи обеспечивала возможность получения телепродукта в виде программ и передач.

В настоящее время эфирное вещание в стране в основном осуществляет ФГУП «Российская телевизионная и радиовещательная сеть» (РТПС). Транслируя федеральные общедоступные теле- и радиоканалы, РТПС оказывает услуги региональным вещательным компаниям по распространению их пакета программ. На местах наземное вещание ведется 78 региональными филиалами РТПС – республиканскими, краевыми и областными радиотелепередающими центрами (РТПЦ). По данным сайта РТПС, в сети эфирного вещания функционируют 16,5 тыс. передатчиков, из них 14 тыс. телевизионных передающих устройств. На балансе эксплуатационно-технического обслуживания числится 8 тыс. антенно-мачтовых сооружений¹.

Однако, по мнению специалистов, вся эта огромная инфраструктура в России в большей мере уже выработала свой ресурс, ей требуется безотлагательная модернизация. Кроме того, аналоговое эфирное вещание во всем мире считается

устаревающей технологией, которая дает возможность передачи лишь ограниченного числа каналов, приводит к помехам в эфире и т.п. Большинство стран перешло либо переходит на новый – цифровой формат вещания. Россия также движется в направлении цифровизации телевидения. На уровне правительства РФ принята соответствующая концепция перехода страны к 2015 г. от эфирного формата вещания к цифровому². Более того, некоторые области Дальнего Востока уже переведены на «цифру» и работают в экспериментальном режиме нового вещания [3].

Помимо эфирных (наземных) трансляций основным технологическим способом доставки сигнала в настоящее время являются также кабельные сети и спутниковое вещание. Кабельное телевидение обеспечило широкий охват аудитории по всему миру, особенно в США, Японии и Западной Европе. Например, в Бельгии к 2010 г. насчитывалось 10 млн его пользователей, а в США – более 50 млн.³ Российское платное кабельное телевидение (КТВ) как сеть общего пользования, технически и организационно направленная на доставку клиентам телевизионных каналов или контента, который отсутствует в открытом приеме в зоне ее действия, появилось лишь в конце 1980-х гг. Возникшие в крупных городах многочисленные видеопрокаты и видеосалоны заполнились пиратской продукцией. Один из создателей известной красноярской телекомпании «Афонтово» С. Ким вспоминал, что кабельное телевидение «казалось нам совсем другим. Оно негосударственное, менее официальное, более свободное. Поэтому нашу телекомпанию “Афонтово” решено было развивать с помощью кабельного ТВ: мы со своей стороны должны были поставлять контент, а кабельщики – собирать абонентскую плату и делиться ей с нами»⁴. Однако инфляция в 1993 г. сделала кабельные сети дорогим удовольствием как для производителей, так и для потребителей. В итоге многие энтузиасты телевидения переключились на развитие частного эфирного вещания.

Процесс развития кабельного телевидения в России происходил разными темпами, волнообразно. На начальном этапе его сдерживали существующие технические возможности, такие как недоступность спутниковых антенн большого диаметра; ограниченные возможности большинства российских телевизоров (устаревшие модели, «малое количество кнопок»); отсутствие контента. Некоторые эксперты называют 1995–1998 гг. «золотым временем» для российского кабельного телевидения, именно в эти годы оно появилось практически повсеместно. С 1998 г. темпы роста КТВ стали снижаться. Связано это было как с финансовым кризисом, так и с отсутствием нормативной документации и законодательных актов, регламентирующих деятельность кабельных операторов. Следующим периодом подъема для кабельного сообщества стали 2000–2004 гг. На этом этапе активно начали

² Концепция Федеральной целевой программы «Развитие телерадиовещания в Российской Федерации (2007–2015 годы)» / Распоряжение Правительства РФ от 29 ноября 2007 г. № 1700-р. URL: <http://www.rfcmd.ru/sphider/docs/koncept/Koncepciya%20razvitiya%20teleradioveshaniya.htm/> (дата обращения: 10.02.2011).

³ Кабельное ТВ // DGTV Цифровое телевидение. URL: <http://www.dgtv.ru/> (дата обращения: 21.11.2010).

⁴ Кичкайло И. В Красноярске хотят и умеют делать телевидение интересным и окупаемым. URL: <http://www.expert.ru/> (дата обращения: 24.05.2007).

¹ Информация о компании // РТПС. URL: <http://www.rtrs.ru/> (дата обращения: 19.01.2009).

работать продавцы различных спутниковых каналов, мелкие кабельные сети вливались в более крупные. С дальнейшим совершенствованием технико-технологической базы возникли реальные возможности организации многопрограммного КТВ, рассчитанного на тысячи абонентов.

Всплеск роста сетей и численности абонентов пришелся на вторую половину 2000-х гг. Причем если на Дальнем Востоке распространение кабельных сетей происходило довольно быстрыми темпами, то в Сибири этот процесс начался лишь в предкризисные и кризисные 2007–2010 гг.

Так, по мнению специалистов, крупнейший город Сибири – Новосибирск сильно отставал от других регионов по развитию КТВ. По данным рейтинга «iK-Consulting», опубликованного в сентябре 2007 г., в Новосибирске не было ни одного действующего местного оператора КТВ. По количеству абонентов областной центр уступал европейским городам России с гораздо меньшей численностью населения (например, 400-тысячной Калуге). В полуторамиллионном городе работало пять компаний, предоставлявших услуги КТВ, их мощности покрывали меньше половины города. Тем не менее, рынок КТВ в Новосибирске, по мнению экспертов, является довольно емким и привлекательным, а борьба за потребителя еще только начинается. «Приход новых игроков либо покупка уже имеющихся подстегнет региональный рынок» [4].

Аналитики «iKS-Consulting» подтверждают, что успешно КТВ развивалось, прежде всего, в тех краях и областях, где качество и количество эфирных телеканалов оставляло желать лучшего, вследствие чего абоненты выбирали пакет предложений платных кабельных операторов. В частности, у жителей Владивостока лидерами медиапредпочтений являлись – КТВ, «Россия», «Первый канал» и «НТВ» с соответствующей долей аудитории – 15, 12,8, 12,6 и 12,4 %⁵.

К началу 2009 г. кабельные сети имелись во всех городах с населением свыше 100 тыс., но доля охвата абонентов сильно разнилась. В то же время услугами КТВ могли воспользоваться практически только горожане. По информации «iKS-Consulting», самое высокое покрытие КТВ – более 95 % – было в Казани и Москве, более 90 % – в Санкт-Петербурге и Уфе, в других городах-миллионниках – около 50 %. На протяжении 2009 г. доля КТВ по разным причинам несколько снизилась – до 74 или 65 % (как вследствие кризиса, так и за счет активизации спутниковых подключений) [5, с. 38].

Спутниковое телевидение (СТВ) в начале XXI в. превратилось в один из наиболее динамично развивающихся способов передачи телевизионных сигналов на значительные расстояния. Совместное использование спутниковых распределительных систем с наземными средствами телерадиовещания началось еще в середине 1960-х гг. и по-прежнему остается основной технологической базой традиционного аналогового российского телевидения⁶.

Однако помимо передачи сигналов с помощью спутников между телевизионными ретрансляторами, широкое распространение к настоящему времени получил индиви-

дуальный прием программ непосредственно со спутников (СНТВ – спутниковое непосредственное телевизионное вещание, иногда используется сокращение НТВ)⁷. История СНТВ берет начало в 1990-е гг.

Одними из первых в этой области были компания «Космос-ТВ», нацелившаяся на московский рынок, и «НТВ-Плюс», пришедшая еще и в регионы. Долгое время «НТВ-Плюс» доминировала на региональном рынке СТВ как единственный оператор прямого спутникового вещания. По причине того, что услуги и подключение СТВ были слишком дорогими для большинства населения, широкого распространения среди массового пользователя данный сегмент ТВ не получил.

Новый импульс в раскручивании СТВ пришелся на те же годы, что и в КТВ. В первую очередь сказалось общее повышение уровня жизни россиян, удешевление технологий, общая активность медиарынка. С другой стороны, как ни парадоксально, но оживлению рынка СТВ способствовала именно недоступность либо плохое качество эфирных каналов на большей территории Сибири и Дальнего Востока. В 2006 г. заявили о себе сразу два новых оператора: первоначально «Триколор ТВ» («Национальная спутниковая компания»), чуть позднее «Орион Экспресс», рассчитанные на массового потребителя (менее платежеспособную аудиторию). Существенную часть их предложений составили бесплатные пакеты, платным являлось оборудование для приема сигнала.

По расчетам «J'son&Partners», в 2009 г. сегмент СТВ стал самым динамичным в системе платного ТВ: впервые с 2003 г. доля СТВ резко увеличилась, превысив 30 % и обеспечив основной прирост абонентской базы [5, с. 40].

Современное СТВ в Сибирском и Дальневосточном регионах имеет огромный потенциал, что подтверждается возросшей конкуренцией в платном сегменте ТВ и появлением новых игроков на этом рынке. По состоянию на начало 2010 г. безусловным лидером по количеству абонентов являлась НСТ «Триколор ТВ», насчитывая 5 млн пользователей, следующие позиции принадлежали «НТВ-Плюс» – 600 тыс. абонентов и «Орион Экспресс» – более 100 тыс. абонентов [6, с. 37]. К 2010 г. в крупнейших городах региона телезрителю были доступны как эфирные телеканалы, так и многочисленные кабельные и спутниковые.

В последние несколько лет реальностью стало появление нового способа технологических возможностей доставки контента вещания до потребителя – IP-телевидения (IPTV). В отраслевом докладе «Телевидение в России. Состояние, тенденции и перспективы развития» за 2010 г. говорится, что «IP-телевидение является частью современного телевидения, в основе которого лежат цифровые платформы. Именно цифровые кабельные и телекоммуникационные сети позволяют формировать единое конкурентное пространство, в котором операторы ориентированы на предоставление сервисов в режиме double play или triple play. Что касается телевидения, то цифровые сети дают возможность предлагать пакеты дополнительных видеослужб, таких как видео по заказу (video-on-demand, VOD), ТВЧ – телевидение высокой четкости (HDTV), цифровые видеоманитроны (DVR) и отложенный просмотр, интерактивные предложения и многие другие» [5, с. 42].

⁵ Рейтинги телеканалов Владивостока за 2009 г. // Медиаактив. URL: <http://www.mediaaktiv.ru/> (дата обращения: 25.12.2009).

⁶ Общие сведения о спутниковом телевидении // Крокус-ТВ.ру. URL: <http://www.krokus-tv.ru/> (дата обращения: 15.10.2010).

⁷ Спутниковое ТВ // DGTV Цифровое телевидение. URL: <http://www.dgtv.ru/> (дата обращения: 21.11.2010).

Будучи совсем молодым, IP-телевидение лишь начинает свое победное шествие по стране. В сентябре 2005 г. компания «Новотелеком», владеющая в Новосибирске сетями под брендом «Электронный город», приступила к испытанию системы IP-телевидения в Новосибирске. Первое время на выбор телезрителей были представлены несколько телеканалов, среди которых Music Box TV, Fashion TV, ТВ3, ТНТ, НТВ, ДТВ viasat. По словам генерального директора компании О.В. Игнатенко, инвестиции в построении сетей составили более 5 млн дол. США за два года, а стоимость внедрения системы ip-телевидения – почти 1 млн дол. «Электронный город» к тому времени охватывал 35 % территории города⁸.

Однако для развития IPTV необходимо не только наличие технологических возможностей, пространной базы сетей, но и достаточного круга пользователей широкополосного доступа (ШПД) в Интернет. Некий прорыв в области ШПД в России наметился в 2006–2007 гг. Несмотря на популярность данной технологии в крупнейших городах, в общероссийском масштабе уровень медиапотребления IPTV весьма невелик – всего 3 % [7, с. 159].

Мобильное телевидение в России делает только первые шаги, позднее, чем во всем мире. Но популярность к мобильному телевидению приходит стремительно. Еще в 2008 г. к услуге «мобильное телевидение» относились с определенным скепсисом: сложно было представить, что кто-то будет смотреть любимые передачи на небольшом экране мобильного телефона. Однако в 2010 г. мобильное телевидение становится все более массовой услугой, предназначенной для людей, умеющих ценить свое время [8, с. 14].

Российская телевизионная индустрия находится накануне «цифровой революции» – поры глубоких и безвозвратных перемен. Эфирное вещание, являясь должжителем электронной медиаотрасли, в масштабах страны пока еще играет

существенную роль, но скоро уйдет в прошлое. За цифровой транспортировкой сигнала, возникшими относительно недавно спутнико-кабельным сегментом ТВ, IPTV и мобильным телевидением – важнейшими элементами диверсификации системы доставки телевизионного сигнала – будущее.

Развитие медиарынка, новых технологий, возникновение платного неэфирного сегмента вещания, с одной стороны, содействует расширению возможностей выбора телеканалов и росту многообразия телевизионных услуг, а с другой – обуславливает неравные возможности доступа к телевизионным каналам для разных регионов, типов поселений, способствует углублению различий в телеоснащенности населения, объеме и качестве получаемых услуг. Последнее является существенным фактором информационной, а стало быть, и социальной дифференциации аудитории.

ЛИТЕРАТУРА

1. Алеева Н.Н. Социокультурная роль регионального телевидения России (анализ деятельности Западной Сибири): Автореф. дис. ... канд. филос. наук. СПб, 2003. 21 с.
2. Голядкин Н.А. История отечественного и зарубежного телевидения. М., 2004. 140 с.
3. Доронина Н. На Дальнем Востоке запущено регулярное цифровое вещание // Рос. газета. 2010. 1 февр.
4. Мельник И. Рынок кабельного телевидения в Новосибирске // Континент Сибирь. Новосибирск, 2007. 10 сент.
5. Телевидение в России. Состояние, тенденции и перспективы развития: Отраслевой доклад. М., 2010. 142 с.
6. Моджук А. Таификация России: Остановит ли «цифра» рост рынка спутникового ТВ // Медиапрофи. М., 2010. № 1–2 (26).
7. Коломиец В.П., Ковалев П.А., Воронцова А.В. Российское телевидение: индустрия и бизнес М., 2010. 299 с.
8. Черников А. Мобильное ТВ должно стать услугой массовой // Теле-спутник. М., 2010. Апрель.

⁸ В Новосибирске приступили к испытанию системы ip-телевидения // ООО «Новотелеком». URL: <http://www.novotelecom.ru/> (дата обращения: 15.01.2011).

УДК 398.324

Е.Е. ЕРМАКОВА

ПОЧИТАНИЕ КЛЮЧА ВБЛИЗИ СЕЛА РЯБОВО ВИКУЛОВСКОГО РАЙОНА ТЮМЕНСКОЙ ОБЛАСТИ

Тюменский государственный университет
e-mail: elenaprema@mail.ru

В данной статье рассматривается локальная традиция почитания святого ключа. В связи с этим освещается история Рябовской церкви, обстоятельства появления источника, паломничество к ключу, практика обетов, культовые атрибуты.

Ключевые слова: сакральная география, культурный ландшафт, почитаемый источник, Девятая Пятница, иконы, паломничество.

В последнее время в гуманитарных науках все чаще уделяется внимание феномену сакральной географии. Под термином «сакральная география» мы понимаем размещение сакральных объектов на той или иной территории, «их влияние на религиозную и культурную жизнь местного населения, а также систему религиозно-обрядовых практик, с ними связанную»¹. Типология сакральных объектов широко представлена в современной литературе [1, с. 36]. Каждый регион имеет специфическую сакральную карту.

В культурном ландшафте юга Тюменской области среди всех святынь выделяются водные объекты. Действующие источники – Криванковский колодец около дер. Некрасова (Юргинский р-н)²; Ивановский источник в с. Черешманка (Ишимский р-н) [2]; источник во имя Святого Николая Чудотворца в с. Каменка (Тюменский р-н); родник в Марьином ущелье (Исетский р-н). Ключ вблизи с. Рябово (Викуловский р-н Тюменской обл.) не действует уже много лет.

Село Рябово, основанное в 1755 г., расположено на северо-западе от районного центра Викулово. Изначально его население было смешанным: здесь жили чалдоны (их местные жители идентифицируют как ссыльных), «самоходы», которые прибывали из Белоруссии и Центральной России. После войны сюда стали съезжаться жители окрестных деревень³.

В 1892 г. в селе была построена деревянная церковь [3, с. 129–130]; она перестала функционировать к 1935 г. Храмовые иконы разобрали по домам. Сруб церкви, отлично сохранившийся до конца XX в., был продан. В настоящее время церкви в селе нет, а ближайший храм находится в Викулово.

В прошлом с. Рябово было известно тем, что примерно в километре от него находился святой источник. Сохранились

сведения о событии, послужившем толчком к его появлению. По сообщению А.А. Подкорытова, некой слепой Фёкле Алексеевне, по прозвищу Назариха, приснился сон: в трех березах бьет ключ и из него нужно умываться. Она нашла источник и умывалась ключевой водой. В дер. Осиновка этого же района Г.А. Крамор записал иную версию: «Одной женщине снилась икона, которую надо было выкопать под кочкой на болоте. Сон повторился трижды, после чего женщина решила – таки пойти – и действительно, нашла икону, а из-под нее заструилась вода. Она принесла икону священнику, рассказав обо всем произошедшем» [4, с. 100].

Похожая история о происхождении почитаемого колодца была записана в с. Прокуткино Ишимского р-на Тюменской обл. Там, в районе кладбища на кочке нашли икону Пресвятой Богородицы. На том месте построили часовню, затем выкопали колодец, в котором вода, по представлениям местных жителей, была святой. Такого рода религиозные видения вообще были свойственны народным верованиям, о чем писал еще А. Балов по материалам Пошехонского уезда Ярославской губ. [5]. Он приводит в качестве примера сон о том, как одному «богобоязненному мужу» приснилась святая Федора, указывающая поставить часовню в ее честь вблизи места, где уснул этот человек [5, с. 212].

Традиция ставить на месте явленных икон колодцы вообще характерна для русской культуры [6, с. 62, 66]. Почитаемый с «дореволюционных времен» источник жители с. Рябово называют «ключом». Вспоминают, что для обустройства родника на кирпич деньги дали две учительницы из Тобольска. По сообщению В.А. Саликова, который трижды чистил источник, на кирпичах были поставлены «старые печати».

Вокруг источника было четыре «столба», на которых стояла «избушка», где жила пожилая женщина (возможно, Фёкла Алексеевна). В день Девятой Пятницы, когда к ключу приходили паломники, она ставила самовар и угощала всех чаем. Под «избушкой» якобы и бил ключ, а от него шла рукотворная канавка; вода ручейком стекала в болотце, питавшее речку Падун. Небольшой желобок, идущий из ключа, виден и сегодня. В этом ручье были сделаны «деревянные ванны», «корыта». В них можно было

¹ Мороз А.Б. Сакральная география Каргополья. Монастыри. URL: <http://www.ruthenia.ru/folklore/moroz8.htm> (дата обращения: 20 июня 2011 г.).

² Ермакова Е.Е. Почитание Криванковского колодца в Юргинском районе Тюменской области. URL: <http://anthropologie.kunstkamera.ru/07/12online/> (дата обращения: 20 июня 2011 г.).

³ Подкорытова А. Дорогой преобразований // Красная звезда. 1972. № 120; Рябово. История села: Рукопись (хранится в школьном музее с. Рябово).

облиться святой водой, умыться ею. Рядом на дереве висело полотенце, которым утирались.

Вероятнее всего, рядом с ключом стояла часовня, что подтверждается многими информаторами и газетной заметкой от 1972 г., в которой говорится, что часовня воздвигнута «в 1902 году на том месте, где струи чистых ключей воды выходят из недр земли на поверхность»⁴. По рассказам, построена она была на деньги, которые собирала по окрестным деревням «богомольная бабушка» (скорее всего, та же Фёкла Алексеевна). В советское время часовню перевезли в Рябово, приспособив ее для хозяйственных нужд – в ней содержали скот. Местные жители говорили, что в ней «все коровы пропадали».

Старожилы вспоминают, что рядом с родником была баня, которой пользовались паломники, прибывавшие зачастую издалека. По другим сведениям (что более вероятно), там были построены две будки (купальни) – мужская и женская, где паломники обливались водой. А.Е. Подкорытова говорит, что на этом месте стояли палатки, в которых люди пили чай. Привозили на ключ и хлеб, который пекли по распоряжению из церкви. Все это было угощением.

Временем посещения ключа была Девятая Пятница, которая стала для с. Рябово и дер. Шешуки престольным праздником⁵. Девятая Пятница – переходящий праздник, девятая пятница после Пасхи. Пятницы разделялись на обетные и временные, известные как 12 пятниц, которые «считались не в определенных числах месяцев, а случались в разные числа» [7; с. 181–198].

Почитания Девятой Пятницы на юге Тюменской области поддерживаются и в настоящее время в с. Суерка Упоровского р-на [8; с. 428–521]; а также в местечке Криванково Юргинского р-на, где на Девятую Пятницу совершается паломничество к колодцу, который в народе считают святым⁶.

В с. Рябово перед Девятой Пятницей место, где находился источник, всегда очищали, там скашивали траву. Чистили и сам родник. На ключ приезжали и из удаленных населенных пунктов. В день праздника в 10 час. утра организованно собирались для паломничества сначала у церкви, потом, в советское время, у клуба. До разрушения церкви в ней проводили службу, а затем шли на источник. Людей было очень много – шли «вереницами», «толпами». Шли на ключ и старики, и люди среднего возраста, и дети. Как отметила Е.Д. Круглова, которая в детстве посещала ключ: «Нас побрызгают, мы бегаем».

Воду в роднике освящал священник, после чего ее набирали богомольцы. На ключе окропляли освященной водой – разбрызгивали ее веником; крестили детей. Если была засуха, то на ключе просили о дожде. Информаторы отмечают, что после посещения ключа, к вечеру, обязательно был дождь, а иногда и с грозой. Важной частью пребывания на ключе было чтение молитв, которое в отсутствие священника осуществлялось старушками.

С.Н. Табачков рассказал, что в юности ходил на родник и находил там «старинные» монеты номиналом 2 и 3 копейки. Можно предположить, что деньги или бросали в

колодец, или это был кружечный сбор из местной часовни. Скорее всего, на ключ брали с собой какую-нибудь еду для раздачи нуждающимся и детям.

Воду из ключа считали целебной, святой, «священной», «намоленной». Для этого ее освящали, спуская в нее (обмывая) иконы. Ее по назначению сравнивают с крещенской водой: «Как в церкви крещеная вода, вот так и пили» (Е.Д. Круглова). Воду из источника набирали домой, где ей умывались для «очищения», лечения. Хранили воду год, до следующего посещения ключа, причем она не портилась и не давала осадка.

С паломничеством на ключ была связана и практика обетов. По воспоминаниям П.Т. Михалицыной, одна женщина «приходила, она болела, на куст повешала полотенце, помолилась: “Дай ты, Господи, мне здоровья. Дашь, дак на второй год приду, дак еще принесу полотенце”».

На ключ ходили с иконами, в том числе и с большими храмовыми. Самой известной была икона «с отрубленными ногами». На ней была изображена Богоматерь с младенцем. Икона была большая, высотой примерно 1,5 м, тяжелая. В селе сохранилось предание, что старушки, собравшись перед днем Девятой Пятницы (примерно в 1975 г.), решили отпилить незакрашенное место внизу доски. По другой версии, часть иконы отпилили из-за того, что в день Девятой Пятницы не было дождя. После того как сходили на ключ, Н.Е. Тропынина, у которой хранилась эта икона, просила у нее прощения, повязала на нее платок. Однако народная молва приписала именно отпиливание «ног» иконы.

По мнению тех, кто был связан с паломничеством на ключ, отпиливание «ног» было наказано природными катаклизмами. В этот день не было дождя, зато сразу после крестного хода или через некоторое время прошел сильный град, причем градины были размером с куриное яйцо. В.А. Саликов вспоминает слова стариков, которые говорили, что это «Боженька наказал». Местонахождение этой иконы в настоящее время неизвестно.

Информаторы не помнят, чтобы паломничество к ключу запрещали, хотя власти стремились контролировать паломничества – 28 ноября 1958 г. вышло постановление ЦК КПСС «О мерах по прекращению паломничества к так называемым “святым местам”»⁷. В РСФСР таких мест насчитывалось 60⁸. Рябовский ключ из-за своего «локального» характера не входил в этот список. Житель с. Рябово Н.А. Князев рассказал, что «гонений больших не было на стариков и старух, но обсуждения были». Источник не разрешали посещать в связи с тем, что пятница была рабочим днем, поэтому на ключ ходили неработающие – пожилые люди и дети.

Источник посещали до 1960–1970-х гг. По мнению А.А. Подкорытова, на ключ перестали ходить после смерти Т.И. Мархель, которая была очень набожной женщиной и занималась организацией паломничества. Н.А. Князев предположил, что перестали ходить на ключ из-за всеобщего

⁴ Подкорытова А. Дорогой преобразований.

⁵ Там же.

⁶ Ермакова Е.Е. Почитание Криванковского колодца в Юргинском районе Тюменской области.

⁷ Записка заместителя председателя Совета по делам РПЦ П.Г. Чередына в ЦК КПСС о мерах по реализации постановления ЦК КПСС от 4 октября 1958 года. URL: <http://www.rusoir.ru/03print/02/240/> (дата обращения: 20 июня 2011 г.).

⁸ Гераскин Ю.В. Из истории борьбы Советской власти с паломничеством к святым источникам. URL: http://library.rspu.ru-azan.rusearchsearch_newspaper_fulltext.phpid=703 (дата обращения: 20 июня 2011 г.).

неверия: «Неверие, наверно, даже у стариков было». Уже к началу 1980-х гг. ключ пришел в запустение. Местные жители предпринимали несколько попыток расчистить его, однако сам колодец не был восстановлен.

В свое время деревенские святыни удовлетворяли одну из важнейших потребностей в «непосредственном контакте с сакральным миром» [9], служили средством преодоления болезней и упорядочения общинной жизни. В робких попытках восстановления рябовского ключа можно увидеть реконструкцию старых символов, которые считались жизненно необходимыми как для социального благополучия, так и для духовного здоровья.

ЛИТЕРАТУРА

1. Иванова А.А., Калуцков В.Н., Фадеева Л.В. Святые места в культурном ландшафте Пинежья (материалы и комментарии). М., 2009.
2. Крамор Г. «Если заблудитесь – церковь ищите!..» Явленная икона и святой источник в Черемшанке // Коркина слобода: краеведческий альманах. 2008. Вып. 10.
3. Справочная книга Тобольской епархии к 1 сентября 1913 г. Тобольск: Типография епархиального братства св. Великомученика Дмитрия Солунского, 1913.
4. Крамор Г.А. В краю медовых лип. Экспедиция в Викуловский район // Коркина слобода: краеведческий альманах. 2003. Вып. 5.
5. Балов А. Сон и сновидения в народных верованиях // Живая старина. 1891. Вып. 3.
6. Поплавская Х.В. Паломничество, странноприимство и почитание святынь в Рязанском крае в XIX–XX вв. Рязань, 1998.
7. Почитание среды и пятницы в древнем русском народе // Православный собеседник, издаваемый при Казанской духовной академии. Казань, 1859. Ч. 1.
8. Ялуторовский округ губернии Тобольской. Статья II и последняя // Журнал Министерства внутренних дел. 1846. Кн. 9.
9. Панченко А.А. Исследования в области народного православия. Деревенские святыни Северо-Запада России. СПб., 1998.

VII РОССИЙСКИЙ ФЕСТИВАЛЬ АНТРОПОЛОГИЧЕСКИХ ФИЛЬМОВ. III МЕЖДУНАРОДНЫЙ ФОРУМ «МНОГОНАЦИОНАЛЬНАЯ РОССИЯ: ЭТНОЛОГИЯ И КИНОАНТРОПОЛОГИЯ»

10–15 апреля 2011 г. в Екатеринбурге состоялся VII Российский фестиваль антропологических фильмов (РФАФ) и III Международный форум «Многонациональная Россия: этнология и киноантропология» (МРЭК). Организаторами мероприятия выступили Уральский государственный университет (УрГУ), Институт истории и археологии Уральского отделения РАН (ИИА УрО РАН) и НП «Этнографическое бюро».

С момента становления и по сей день РФАФ является единственным в России полноформатным конкурсным фестивалем, представляющим стремительно развивающийся жанр антропологического кино. Главная формула фестиваля: Наука плюс Искусство. По словам президента РФАФ, чл.-кор. РАН, кинорежиссера Андрея Головинова, фестиваль открыт для фильмов о народах и культурах. Его расширительный формат позволяет экранировать традиции и современность, религии и социальные ландшафты, экзотические обряды и повседневность мегаполиса. Антропологический кинофестиваль приветствует документальные фильмы о человеке во всем многообразии его проявлений и видов активности, представляющие художественную (кинематографическую) и научную (антропологическую) ценность.

Из более чем 600 киноработ, присланных на фестиваль из 22 стран, для конкурсной программы были отобраны 23 фильма.

Конкурсную программу фестиваля оценивало международное жюри, состоящее из специалистов в области кинематографии и антропологии. Председателем жюри РФАФ-2011 был киновед, программный директор Московского международного кинофестиваля, директор Российского института культурологии, доктор искусствоведения Кирилл Разлогов. В состав жюри входили Сергей Арутюнов (этнограф, д-р ист.

наук, чл.-кор. РАН), Владимир Макеранец (кинорежиссер, оператор, Заслуженный деятель искусств РФ, председатель УрО Союза кинематографистов РФ), Беата Энгельбрехт (визуальный антрополог, директор Геттингенского фестиваля этнографических фильмов, Германия).

Гран-при РФАФ-2011 по решению международного жюри получил фильм Эдгара Бартенева «Нярма». Это экранно-поэтическая история о жизни и буднях коми-оленеводов Полярного Урала. Призом за лучшую работу режиссера отмечен фильм Алексея Погребного «Нежный жанр», главный герой которого – художник-самородок из забайкальского села Бичура, где до настоящего времени сохранились культурные традиции старообрядцев. Приз в номинации «Лучшая работа антрополога» достался дебютанту из Азербайджана Фаризу Ахмедову за фильм «Наследство», рассказывающий о выборе пути молодым человеком, чьи предки из поколения в поколение занимались соледобычей в одной из азербайджанских провинций. Победители фестиваля стали обладателями его главного символа – бронзовой статуэтки путника, выполненной дизайнерами УралГАХА по мотивам древнего наскального изображения.

Приз зрительских симпатий получила картина «Покидая Мандела Парк» (Leaving Mandela Park) Саскии Вредевель из Нидерландов – это истории о пяти подростках из необеспеченных семей пригорода Кейптауна (Южная Африка), преодолевающих суровую реальность повседневности и ищущих выход в приобщении к искусству. Специальный приз жюри «Героине фильма за впечатляющее воплощение множественности идентичности» достался фильму екатеринбургских авторов Елены Немченко и Артура Погосяна «Олимпиада», повествующему о судьбе трудовых мигрантов в российском мегаполисе. Студенческое жюри вручило свой

приз сербскому режиссеру Борису Митичу за фильм «До свидания, как ты?» (Good Bye, How Are You?) о недавней балканской трагедии. Приз телеканала «Страна» достался работе Олега Визжачего «Love is рыба» – документальной истории о конкурсе рыболовов на Чукотке. Кроме того, изобразительное качество фильма, получившего Гран-при, отметили специальным призом деятели Фотографического музея «Дом Метенкова» и Фонда развития фотографии.

По традиции, заложенной еще в 2008 г., для VII РФАФ была подготовлена внеконкурсная программа, представляющая Геттингенский международный фестиваль этнографических фильмов (Германия). Его главной задачей стал диалог между Востоком и Западом посредством обмена медиаресурсами и их популяризации. Фестиваль фестивалей «Еврорама» (Тренто, Италия), собирающий свои программы из призеров и лучших фильмов фестивалей антропологического и этнографического кино со всей Европы, представлял участникам VII РФАФ его программный директор, режиссер и этнограф Микеле Трентини.

В повестке III Международного форума «Многонациональная Россия: этнология и киноантропология» были теоретические и практические вопросы фундаментальных и прикладных антропологических исследований, проблемы развития нового синтетического языка текста–изображения–звука как инструмента бурно прогрессирующей визуальной культуры и продвижения инновационных гуманитарных технологий.

Программы фестиваля-форума, ориентированные на развитие практических форм взаимодействия и применение научно-исследовательских и киноантропологических практик, включали сессии, акцентирующие внимание на современных этнокультурных, социальных и политических процессах. В рамках форума проведен «круглый стол» на тему «Культурное наследие и гуманитарные технологии» с участием представителей этнических и общественных объединений Урала.

На обсуждение был вынесен круг вопросов, касающихся общего понимания актуальности популяризации культурного наследия с привлечением новых технологий. Конкретный пример использования этнокультурного ресурса в аудиовизуальной практике – инициативный проект «ЭтноКино» (руководитель Иван Головин), направленный на привлечение молодежи к изучению и видеофиксации реликтов традиционных культур. Обсуждая представленные фильмы, участники дискуссии сошлись во мнении, что наиболее эффективным вариантом активации культурного наследия может быть взаимодействие профессионалов науки и кино с представителями национальных сообществ, включая переход последних с роли экспертов на уровень кинематографов и создателей фильмов.

Особым событием форума стала сессия «Бренд Урала», организованная при поддержке полномочного представителя Президента РФ в Уральском федеральном округе. Она задумана как конкурс медийных проектов, касающихся различных аспектов региональной идентичности. Культурный брендинг – один из самых заметных и значимых процессов в современной России в целом и в регионах РФ в частности, объединяющий интересы политиков, ученых и представителей творческих профессий и имеющий прямое отношение к гуманитарным технологиям. На сессии было представлено более 20 авторских работ по темам «Образ Урала», «Древности Урала», «Урал – Заповед», «Урал – Камень», «Уральцы», которые продемонстрировали развития брендингового процесса в регионе. На площадках фестиваля-форума было развернуто несколько выставочных проектов.

В целом фестиваль-форум позволил активировать и синтезировать два гуманитарных ресурса – культурное наследие и визуальные технологии, став экспериментальной площадкой для поиска новых форм с целью сохранения уходящих ценностей и соучастия в сегодняшнем поиске идентичности и культуротворчестве.

*Е.В. Перевалова,
канд. ист. наук, заведующая сектором этноистории
Института истории и археологии УрО РАН
г. Екатеринбург*

ЖИГУНОВА М.А., ЗАХАРОВА И.В. Культура восточных славян в коллекциях Музея археологии и этнографии Омского государственного университета имени Ф.М. Достоевского / отв. ред. Н.А. Томилов, Г.М. Патрушева. – Омск: Изд. дом «Наука», 2009. – 266 с.; ил. – (Сер.: Культура народов мира в этнографических собраниях российских музеев).

Значительным событием для формирования актуального вектора отечественных исследований в области этнографического музееведения явилась разработка с 1974 г. коллективом кафедры этнографии и музееведения Омского государственного университета комплексного подхода к каталогизации этнографических коллекций музеев и введению их в широкий научный оборот. Под общим руководством профессора Н.А. Томилова был выполнен значительный объем работы по подготовке научной паспортизации и каталогизации этнографических музейных предметов, созданию уникальной методики их описания. В 1986 г. вышел в свет первый каталог, посвященный народам Севера Сибири в коллекциях Омского государственного

объединенного исторического и литературного музея. В нем успешно апробировался и в дальнейшем использовался принцип монографического описания предмета. Приоритет введения таких научных описаний до сего дня принадлежит омским этнографам и музееведам; аналогов ни в России, ни в странах бывшего СССР не появилось. Каталоги, созданные на основе упомянутого подхода, позволяют проанализировать состав коллекций, выявить этнически неопределенные предметы, наметить приоритеты в дальнейших исследованиях, а главное – ввести в научный оборот ценнейшие вещественные источники, являющиеся частью мирового культурного наследия.

В настоящее время важное значение приобретают исследования, связанные с изучением и сохранением этнокультурного наследия, обеспечивающего в информационном обществе культурное многообразие и культурную самоидентификацию. Музейные собрания рассматриваются как один из важнейших источников и средств для определения этнической и региональной идентичности. В связи с этим возрастает роль презентации в исторической динамике культурного наследия отдельных народов, населяющих

территорию Сибири. Научные каталоги этнографических коллекций можно рассматривать как важную форму адаптации результатов научных исследований по культуре жизнеобеспечения населения Сибири к современной музейной практике. В этой связи высокозначимым является вклад омских этнографов, музееведов, культурологов в разработку научно-методологических основ каталогизации и изучение коллекций сибирских и российских музеев.

В начале XXI в. научная серия «Культура народов мира в этнографических собраниях российских музеев» (главный редактор – Н.А. Томилов) значительно расширилась; к настоящему времени она включает 16 монографических каталогов (с комплексным описанием предметов, иллюстрациями, схемами) по хозяйству и культуре народов Севера Сибири, Южной Сибири, казахов, татар, культуре народов и национальных групп Сибири и Казахстана, народов зарубежной Азии, восточнославянских народов. На восточнославянское население (русских, украинцев и белорусов) приходится около 80 % современного населения сибирского региона. Изучение истории и культуры доминирующей группы населения, в том числе и на основе музейных коллекций, имеет особую актуальность. В семи каталогах названной серии представлены материалы коллекций, отражающих хозяйство и культуру русского населения Сибири из фондов Омского государственного историко-краеведческого музея, Тюменского областного краеведческого музея, Новосибирского государственного краеведческого музея.

Рецензируемая работа, имеющая монографический характер, впервые в совокупности отражает культуру восточных славян (русских, украинцев, белорусов) в коллекциях Музея археологии и этнографии Омского государственного университета им. Ф.М. Достоевского. Она является продолжением многотомной серии «Культура народов мира в этнографических собраниях российских музеев» и V томом научного каталога этнографических коллекций Музея археологии и этнографии ОмГУ. У авторов монографии – очередной успешной работы омских этнографов, направленной на изучение и научное осмысление музейных фондов Сибири, – имеется многолетний опыт историко-этнографической и музееведческой деятельности. М.А. Жигунова – канд. ист. наук, старший научный сотрудник Омского филиала Института археологии и этнографии СО РАН, доцент кафедры музеологии, экскурсоведения и туризма ОмГУ им. Ф.М. Достоевского, занималась научной паспортизацией и каталогизацией этнографических собраний Новосибирского и Омского областных краеведческих музеев; она – соавтор двух опубликованных каталогов: «Хозяйство русских в коллекциях Новосибирского областного краеведческого музея» (Новосибирск, 1996) и «Одежда русских в коллекциях Новосибирского государственного краеведческого музея» (Новосибирск, 2002). И.В. Захарова – канд. ист. наук, старейший и опытнейший этнограф Омска, на протяжении ряда лет работала в Омском филиале Объединенного института истории, филологии и философии СО РАН (в настоящее время – Омский филиал Института археологии и этнографии СО РАН), является автором многочисленных публикаций по культуре казахов и соавтором двух каталогов серии «Культура народов мира в этнографических собраниях российских музеев».

Рецензируемое издание посвящено 35-летию Омского государственного университета. Музей археологии и этнографии ОмГУ (далее – МАЭ ОмГУ) основан в 1974 г. Не-

смотря на сравнительно короткий срок существования, в его фондах в настоящее время сосредоточены довольно крупные и разнообразные коллекции; так, восточнославянская насчитывает около 500 единиц хранения. В данный том каталога этнографических коллекций МАЭ ОмГУ вошли предметы, поступившие в музей в 1974–2008 гг. В рассматриваемой работе даны описания предметов культуры восточнославянского населения Западной Сибири и Северного Казахстана. Причем каждый раздел начинается вводной статьей, содержащей этнографическую характеристику народа, анализ истории комплектования и состава коллекции, а в изложении материала прослеживается системность.

Применительно к русским в кратком очерке отражены история формирования этноса в целом, особенности русской этнической среды в процессе заселения Западной Сибири, численный состав и территориальное размещение русских на территории современной Омской области. Представлены основные направления хозяйственной деятельности русского населения региона: земледелие, скотоводство и вспомогательные: охота, рыболовство, пчеловодство, собирательство, домашнее производство, различные ремесла и промыслы. Ведущие элементы культуры жизнеобеспечения – формы поселений, типы усадеб, организация жилищно-хозяйственного комплекса, система питания, ассортимент домашней утвари, формы одежды – показаны в соотношении традиций и новаций, отмечено влияние процессов урбанизации и стандартизации на сферу материальной культуры. Почти половину представляемых в каталоге фондовых материалов составляют предметы (222 ед. хр.), отражающие хозяйство и культуру русского населения – как старожилов, так и переселенцев. Описание каждого предмета, в соответствии с разработанной и устоявшейся структурой, включает в себя его название, сведения о материалах и способах изготовления, форме и конструкции декора, размеры, характеристику состояния предметов (степень сохранности), информацию о применении и датировке, данные о месте, дате сбора или поступления в музей, собирателе и дарителе, инвентарный номер. Указание на групповую или территориальную принадлежность дается после характеристики предметов с точки зрения их использования.

На основе первичной документации и атрибутирования в разделе «Русские» выделены следующие группы: *хозяйственная деятельность* (84 предмета – серпы, лопаты, грабли, вилы, коса-литовка и др.); *домашняя утварь и посуда* (44 предмета – туеса, короба, бочонок-лагуны, ступы, корыта, утюги и др.); *элементы наружного декора жилого дома* (2 предмета – наличник и навесы); *обстановка и украшение интерьера* (66 предметов – половики, занавески, скатерти, полотенца-рушники, салфетки и др.); *одежда и обувь* (21 предмет – платье, кофты, шабуры, пояса, лапти, чирки, бродни и др.); *игры и спорт* (1 предмет – коньки-«снегурки»); *предметы религиозного культа* (4 предмета – иконы).

Вполне справедливым является введение авторами в каталог раздела «Казаки», так как данная группа населения имеет существенную культурно-бытовую специфику. Коллекция, насчитывающая 94 предмета (в том числе относящихся к хозяйственной деятельности – 28 ед. хр., домашней утвари и посуде – 17, обстановке и украшению интерьера жилища – 41, одежде и обуви – 4, к предметам религиозного культа – 4), первоначально входила в состав русской коллекции (с пометкой «русские казаки»), а в 2003 г. была выделена М.А. Жигуновой в самостоятельную коллекцию.

Особенностью украинской коллекции, включающей 117 ед. хр., по оценке этнографов, является значительное число (53 ед. хр.) предметов домашнего обихода и украшений интерьера, довольно представительная коллекция полотенец-рушников – 26 штук. Из одежды особый интерес представляет оригинальная свадебная юбка-спидница.

Самой малочисленной является белорусская коллекция, состоящая всего из 21 предмета (образцы тканей – 7, обстановка и украшения интерьера жилища – 13 и праздничного фартука).

Рецензируемое издание достойно иллюстрировано. Рисунки сгруппированы в 21 тематическую таблицу: это орудия обработки земли и уборки урожая, рыболовства и охоты, обработки волокна, первичной обработки продуктов, домашнего ремесла, детали ткацкого станка, а также утварь для хранения жидких и сыпучих продуктов, кухонная утварь. Фотографии отдельных предметов дополнены фотографиями казаков, белорусов в традиционной одежде, а также рукодельниц. Наличие цветных иллюстраций (впервые в каталогах МАЭ ОмГУ) дает представление о цветовой гамме одежды русских, украинских и белорусских рушников и покрывал. Каталог снабжен соответствующим научно-справочным аппаратом: предметным указателем и именным указателем дарителей и собирателей.

Таким образом, рецензируемая работа имеет научную новизну и практическую значимость для дальнейшей теоретической разработки вопросов истории и этнографии восточных славян, музеефикации их культурного наследия. Результаты изучения исторического опыта и традиций в культурно-бытовой сфере несут в себе высокий патриотичес-

кий потенциал. Вместе с тем мы считаем, что в монографическом исследовании подобного рода следовало бы усилить аналитическую составляющую. В частности, уместно было бы дать обобщающую статью со сравнительным анализом коллекций, представленных в каждом разделе с выделением общего и особенного, специфических элементов в материальной культуре русских, казаков, украинцев, белорусов. Кроме того, следовало бы провести сравнение с каталогами серии, посвященными русскому населению Сибири, и выделить предметы, имеющиеся только в фондах МАЭ ОмГУ.

Книга рассчитана на этнографов, историков, музеевдов и музейных работников, искусствоведов, краеведов, а также всех, кто интересуется историей культуры народов мира. Особую актуальность рецензируемой книге придает возможность ее многовариативного применения. Ее материалы могут быть эффективно использованы в научной, образовательной, социокультурной, управленческой сферах, рекомендованы при подготовке обобщающих трудов по восточнославянской этнографии, учебных пособий, решении национально-культурных вопросов, в системе повышения квалификации работников культуры. Перспективным является применение представленных в рецензируемом издании результатов работы М.А. Жигуновой и И.В. Захаровой при реализации концепции распределенного этнокультурного наследия, расширяющей проблемное поле междисциплинарного взаимодействия истории, этнографии, музеологии, краеведения, а также целесообразным представляется введение их в информационную систему «Культура жизнеобеспечения русского населения Сибири», создаваемую в Институте истории СО РАН.

*О.Н. Шелегина, канд. ист. наук,
старший научный сотрудник
Института истории СО РАН,
г. Новосибирск*

Д.Д. НИМАЕВ

ПАМЯТИ НАСТАВНИКА

Институт монголоведения,
буддологии и тибетологии СО РАН,
г. Улан-Удэ
e-mail: l_imchel@mail.ru

12 апреля 2011 г. крупнейшему российскому сибиреведу, видному исследователю кочевой культуры народов Южной Сибири и Центральной Азии, ученому с мировым именем Севьяну Израилевичу Вайнштейну исполнилось бы 85 лет.

Он родился в Москве в семье профессора философии И.Я. Вайнштейна. Отец был репрессирован в 1936 г., расстрелян в 1938 г. Позднее посмертно реабилитирован. В 1950 г. С.И. Вайнштейн окончил исторический факультет Московского государственного университета, где учился и работал под руководством таких выдающихся ученых, как Б.О. Долгих, М.Г. Левин, С.А. Токарев, С.П. Толстов.

В 1947 г. за научную работу «Религиозно-философское учение секты исмаилитов» С.И. Вайнштейн был удостоен университетской премии. Его исследовательские наклонности и принципиальная гражданская позиция начали проявляться очень рано. В 1948 г. в составе экспедиции Института этнографии АН СССР под руководством Б.О. Долгих он вел исследование среди кетов Подкаменной Тунгуски. Потрясенный бедственным положением этого народа, по возвращении С.И. Вайнштейн выступил по этому вопросу на кафедре этнографии МГУ и написал письмо Г.М. Маленкову. За клевету на советскую национальную политику его исключили из комсомола и университета. Но специальная

комиссия ЦК ВКП(б) подтвердила приведенные С.И. Вайнштейном факты. По результатам работы комиссии директивные органы приняли постановление о мерах помощи кетам, а С.И. Вайнштейн Институт этнографии в 1949 г. вновь отправил в экспедиционную поездку к кетам. Первые серьезные труды ученого были посвящены именно кетам.

Окончив МГУ, С.И. Вайнштейн оставил благополучную Москву и на многие годы уехал работать в Туву. Историко-этнографическое и археологическое изучение этого региона стало главным делом его жизни. Посвятив десятилетия своего творчества исследованию исторической этнографии тувинцев, он сделал ее достоянием мировой науки.

Становлению С.И. Вайнштейна как исследователя способствовало то обстоятельство, что он органично соединил в себе достоинства археолога и этнографа-полевика. Для исследователя, активно занимающегося проблемами этногенеза и генезиса культурных феноменов, наличие материалов из собственных археологических раскопок трудно переоценить.

Еще в начале 1950-х гг. С.И. Вайнштейн начал масштабные археологические раскопки в Туве. Им были открыты культуры, характеризующие разные эпохи: наиболее известные из них – казылганская культура (VII–III вв. до н. э.), сыынчурекская (II в. до н. э. – V в. н. э.).

Опираясь на материалы открытых им археологических памятников в долине р. Хемчик, С.И. Вайнштейн одним из первых выдвинул гипотезу о том, что территория Тувы начала заселяться человеком еще в палеолите.

Первая монографическая работа С.И. Вайнштейна была посвящена историко-этнографическому исследованию тувинцев Тоджи. Исследователь с присущей ему скрупулезностью описал практически все стороны традиционно-бытовой культуры восточных тувинцев, включая общественный и семейный быт, религиозные верования. Особенно интересны материалы по этногенезу тоджинцев. С самого начала своей творческой деятельности С.И. Вайнштейн плодотворно занимался вопросами этногенеза разных народов, и основные положения его работ не утратили своего научного значения по сей день.

По результатам исследований в Восточной Туве стало очевидным, что тоджинцы – это особая этнографическая группа, обладающая специфическим хозяйственно-культурным типом охотников-оленьеводов горно-таежной зоны. О своеобразии их этнического облика свидетельствовал и представленный этногенетический материал. Конечно, о сложности этнического состава тоджинцев было уже известно. Задача исследователя состояла в том, чтобы выявить этническую принадлежность – тюркскую, самодийскую, кетскую, монгольскую – каждой родовой группы в отдельности. Ученый в целом справился с этой нелегкой задачей. Последствия признания этнического своеобразия тувинцев-тоджинцев выразились в том, что, согласно Всероссийской переписи населения 2002 г., они выделились в самостоятельный этнос численностью в 2 769 чел.

В следующей монографии С.И. Вайнштейна «Историческая этнография тувинцев. Проблемы кочевого хозяйства» (М., 1972) проявился во многом новаторский подход автора к исследованию хозяйственно-культурного типа кочевников центра Азии. Несмотря на заметные в целом успехи в данной области исследования, многие важные вопросы формирования, специфики и структуры культуры кочевников оставались недостаточно разработанными. Спорны и противоречивы были

суждения об особенностях развития средств производства, форм собственности и производственных отношений.

Целесообразность обращения к тувинским материалам диктовалась, кроме всего прочего, тем, что Тува с древности входила в зону формирования и длительного взаимодействия двух наиболее распространенных хозяйственно-культурных типов (ХКТ) – кочевых скотоводов горно-степной зоны умеренного пояса и охотников-оленьеводов горной тайги. По мнению С.И. Вайнштейна, сложение ХКТ кочевых скотоводов в степях Тувы завершилось примерно к середине I тыс. н. э. Здесь же С.И. Вайнштейн выделяет еще один интересный, но менее распространенный ХКТ – кочевые и полукочевые охотники-скотоводы горной таежно-степной зоны. Располагались они двумя компактными группами в пограничной зоне Восточной Тувы в среднем течении рек Бий-хем и Каа-хем. В начале XX в. они составляли около 250 хозяйств. Далее, для исследователя немаловажным явилось и то обстоятельство, что именно на территории Тувы в силу разных исторических и природно-географических факторов традиционные формы хозяйствования сохранялись гораздо дольше и целостнее, чем в других регионах.

Введение в научный оборот богатейшего и ранее почти неиспользованного материала по хозяйственно-бытовому укладу населения Тувы позволило ученому обратиться к разработке ряда общих проблем истории кочевничества. Интересны, например, выводы С.И. Вайнштейна о типах скотоводческих хозяйств, о формах кочевания: «К полукочевым мы относим такие скотоводческие хозяйства, которые, совершая сезонные перекочевки, каждую зиму возвращаются на одно и то же место, туда, где у них находится постоянное жилище. Кочует вся семья со всем скотом и имуществом; постоянных жилищ у таких скотоводов нет нигде, кроме зимника. Эта форма полукочевого быта была характерна для многих скотоводческих народов в XIX – начале XX в.» [1, с. 73]. «К полуседлым целесообразно отнести те хозяйства скотоводов, которые совершают сезонные переселения (обычно только два – с зимы на лето и обратно), имея на каждом месте, где они живут, постоянные жилища.» [1, с. 73].

«Изучение конкретных материалов, – отмечает далее ученый, – говорит о существовании у одного и того же народа в один и тот же исторический период как кочевых и полукочевых, так и полуседлых и оседлых хозяйств. Нам кажется, что именно с этой точки зрения следует рассматривать вопрос о формах тувинского скотоводства конца XIX – начала XX в.» [1, с. 73]. Обоснованный в монографии тезис о саянском очаге домостроения оленя, имеет, бесспорно, важнейшее научное значение.

«Историческая этнография тувинцев» получила многочисленные одобрительные отклики и в отечественной, и в зарубежной прессе. В 1980 г. она была переведена на английский язык. Монография «Мир кочевников центра Азии» была переведена на немецкий язык и издана в Берлине. Сам С.И. Вайнштейн называл эту работу «непосредственным продолжением» «Исторической этнографии тувинцев». В новой монографии были охарактеризованы традиционные формы материальной и духовной культуры тувинцев и вопросы ее генезиса, связанные, как правило, с общими проблемами истории культуры кочевников Евразии.

Книгу С.И. Вайнштейна «История народного искусства Тувы» специалисты единодушно оценивают как самое фундаментальное исследование в области традиционного искусства центрально-азиатских и южно-сибирских народов,

одну из лучших работ по истории народного искусства в мировой науке.

Все монографии ученого, а также статьи, посвященные теоретическим разработкам проблем происхождения оленеводства, формирования хозяйственно-культурного типа кочевых скотоводов Евразии, истории жилища степных кочевников Евразии и т. д., вошли в золотой фонд отечественной и мировой этнологии.

С.И. Вайнштейн, будучи одним из руководителей многотомного международного издания «Свод основных понятий и терминов этнографии», внес существенный вклад в теоретическую разработку понятийного аппарата этнографии; в развитие методики полевых исследований, возглавляя в 1976–1993 гг. ежегодник «Полевые исследования Института этнографии».

С.И. Вайнштейн подготовил и опубликовал труды о путешественниках и ученых, внесших особо значимый вклад в сибиреведение – Г.-Ф. Миллере, В.В. Радлове, Ф.Я. Консе, Н.Ф. Катанове, М.Г. Левине, Б.О. Долгих и др. Под его руко-

водством был впервые переведен с немецкого выдающийся труд В.В. Радлова «Из Сибири» и снабжен обширнейшим комментарием. Подготовлено трехтомное издание «Истории Сибири» Г.-Ф. Миллера.

Следует отметить также его истинную творческую увлеченность объектом и предметом своих исследований. Он видел перед собой не только интересный и ценный научный материал, а прежде всего самих носителей данной культуры; проявляя доброжелательность и расположенность к ним. Думается, поэтому отнюдь не случайна весьма обширная география его учеников – кандидатов и докторов наук. Здесь и буряты, калмыки, тувинцы, хакасы, чуваша, сибирские татары. Только в вузах и академических учреждениях Бурятии успешно работают несколько докторов наук – выпускников С.И. Вайнштейна.

В памяти коллег и его учеников Севьян Израилевич всегда останется великим тружеником науки, Человеком с большой буквы, мудрым наставником и добрым старшим другом.